

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (20)

Сыктывкар, 2017

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2017. № 2 (20).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Е.Н. Рожкин (Сыктывкар), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2017

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография»

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Суций С.Я. (Ростов-на-Дону). Юг России – особенности этнодемографической динамики макрорегиона (XVIII – начало XXI века)	4
Леонтьев Е.В. (Минусинск). Межсословные переходы и брачные связи разночинцев г. Иркутска по данным третьей ревизии 1763 года	11
Ямсков А.Н. (Москва). Демографическая динамика этнотерриториальных групп русского старожильского крестьянства Азербайджана в середине – конце XIX века как отражение процессов адаптации	16
Семенов В.А. (Сыктывкар). Этнодисперсная группа коми-зырян в г. Кунгуре Пермской губернии в конце XIX века (по Переписи 1897 года)	20
Таскаев А.М. (Сыктывкар). Социально-демографические показатели городского населения Коми края в 1920-е годы	23
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Принудительные миграции в рамках модернизационного подхода	27
Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Демографические последствия Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление возрастно-половой структуры населения (на материалах Республики Коми) ...	31
Задкова Т.Ю. (Саранск). Основные тенденции воспроизводства населения Мордовской АССР в послевоенный период	37
Мацук А.М. (Сыктывкар). Женщины-учащиеся средних специальных учебных заведений Европейского Севера СССР (1960–1980-е годы) (по материалам региональных статистических сборников)	42

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Григулевич Н.И. (Москва). Естественное движение населения в российских регионах (конец XX – начало XXI века)	48
Хашба А.Ш. (Сухум). Межэтнические браки в Республике Абхазия	54
Фадеева Е.В. (Владивосток). Демографическая характеристика современной семьи тазов Приморского края	57
Субботина И.А. (Москва). Изменения в брачном и репродуктивном поведении гагаузов Молдавии (вторая половина XX – начало XXI века)	61
Шишкина М.А. (Сыктывкар). Мониторинг репродуктивных установок населения северных регионов России ...	66

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Муравьев В.В. (Сыктывкар). Пространственная диффузия населения и культурная динамика	72
Киселев М.Ю. (Москва). Проблемы народонаселения советского государства в дискуссии Секции общественных наук Академии наук СССР	77
Хрунин А.В., Хворых Г.В. (Москва). Комплексная генетическая история популяций северо-востока Европы и Западной Сибири	80
Савельева Э.А. (Сыктывкар). Население Прилузья в эпоху средневековья (по археологическим источникам)	85
Петрякова О.Л. (Москва). К вопросу об источниках данных о населении Арктической зоны	89
Черкасова М.С. (Вологда). Демографические события по челобитным служилых людей первой четверти XVII века	93
Плотников С.Н., Плотникова Г.Н. (Пермь). Земские статистические материалы как источник по исторической демографии (на примере Пермской губернии)	97
Лисовская Г.К. (Сыктывкар). «Период травмы»: социально-демографические процессы в Республике Коми в 1990-х годах на материале коми рассказа	100

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Силин В.И. (Сыктывкар). Первое комплексное описание Архангельской губернии	103
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Публикации об историко-демографических исследованиях ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН ...	108
Шмигель М. (Банска Быстрица). IX Всероссийский (с международным участием) симпозиум по исторической демографии в Сыктывкаре	111
Информационное письмо № 1. X Всероссийский симпозиум по исторической демографии (с международным участием)	114

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 314.148:314.8(470.6) "17/20"

С.Я. Суций*

Юг России – особенности этнодемографической динамики макрорегиона (XVIII – начало XXI века)**

В статье анализируются количественный рост, пространственная динамика и национальная структура населения Юга России на протяжении XVIII–XX вв. Определяются основные векторы этнодемографической динамики южного макрорегиона на различных этапах его исторического развития. Изучается изменчивое демографическое соотношение крупнейших народов Юга России в конце XIX – начале XXI в.

Ключевые слова: этнодемографическая динамика, Юг России, численность населения, региональные общины, миграционные процессы

S.Y. Suschiy

South Russia – peculiarities of ethno-demographic dynamics of the macro-region (XVIII – beginning of XXI century)

The article analyzes the quantitative growth, spatial dynamics and national structure of the population of the South of Russia during the XVIII–XX centuries. Defines the basic vectors of ethno-demographic dynamics of the southern macro-region at various stages of their historical development. Studied volatile demographic ratio of the largest ethnic groups of Southern Russia in the late XIX – early XXI centuries.

Key words: the ethno-demographic dynamics, South of Russia, population, regional communities, migration processes

Центральными характеристиками, которые дают возможность определить контуры Юга России как самостоятельного российского макрорегиона, являются полиэтничность с повышенной долей кавказского этнокультурного элемента, пограничность, природно-климатическая «южность». Используемые вместе данные системные параметры позволяют отнести к южному макрорегиону территории Степного Предкавказья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. К Югу России, взятому в таком пространственном формате, тяготеет и Крым. Однако его развитие отличалось известной спецификой в дореволюционный период, в послевоенные десятилетия происходило в составе другой союзной республики, а затем (до 2014 г.) другого государства, что накладывало существенный отпечаток и на этнодемографические процессы. Поэтому в данной статье этнодемографическая динамика Юга России анализируется без Крымского полуострова.

XVIII – начало XX в. Начало формирования южного макрорегиона относится еще ко второй половине XVI в., когда Московская Русь выходит к северному берегу Каспийского моря и начинает постепенно наращивать свое присутствие в обширном Черноморско-Каспийском районе. Но проходит еще 100–150 лет, прежде

* Суций Сергей Яковлевич (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, 41, SS7707@mail.ru.

** Работа выполнена в рамках исследовательского гранта Российского научного фонда (проект № 17-19-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология»).

чем военно-политические успехи позволяют ей устойчиво закрепиться на данном пространстве и приступить к реализации масштабного имперского проекта по созданию нового крупного российского региона.

Демографического ресурса самих русских для решения этой задачи очевидным образом не хватало. Тем более что наряду с Югом стержневого народу государства приходилось осваивать огромные просторы зауральской России. В конце первой четверти XVIII в. население Дона, нижнего Поволжья и включенных в состав России территорий степного Предкавказья составляет всего 150–170 тыс. чел. Власть активно стремится подключить к освоению южных земель представителей других народов (как внутриимперских, так и зарубежных) (рис. 1).

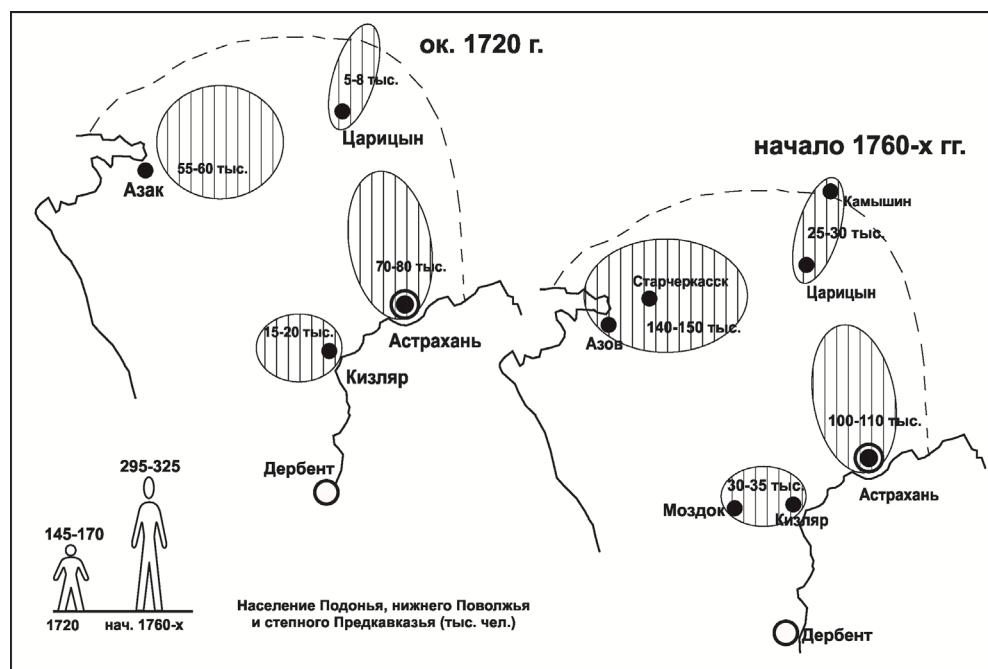

Рис. 1. Основные средоточия населения в пределах Подонья, нижнего Поволжья и степного Предкавказья в первой половине – середине XVIII в., тыс. чел. *

Тем самым население Юга России изначально формировалось как полиэтническое. И если крайним разнообразием отличался комплекс этнокультурных сообществ, расселенных в горах и предгорьях Большого Кавказа, то многонациональным был и спускавшийся с севера поток колонистов, уже с середины XVIII в. начавших активно осваивать обширные территории степного Предкавказья, а частично, и предгорную зону [1].

Предпринимаемые усилия дали свои результаты. В середине 1760-х гг. в пределах осваиваемых южно-русских территорий проживало более 300 тыс. чел., а в конце века (по пятой ревизии 1795 г.) – около 510 тыс. Но помимо этого демографического массива, представленного в основном русскими, в границах будущего Юга России было расселено множество степных и горских этнокультурных сообществ, совокупная численность которых к началу XIX в. могла достигать порядка 1,2–1,3 млн. чел. (рис. 2).

В самом общем виде в пределах формируемого макрорегиона в конце XVIII в. можно выделить ряд крупных этнотерриториальных ареалов:

1. Русско-украинский («восточнославянский») – Дон, западные и центральные районы степного Предкавказья, в которых доминирующее русско-украинское большинство дополнялось множеством этнических общин колонистов.
2. Русский – нижнее Поволжье и широтная зона казачьей колонизации, вытянутая на 300–350 км вдоль левого (северного) берега Терека от Каспия до района Кавминвод.
3. Ареал кочевых сообществ (степное Предкавказье, территории к западу и северо-западу от Каспийского моря).
4. Территория расселения горских сообществ Северного Кавказа.

Эти этнотерриториальные комплексы не были статичны – этническая география формируемого макрорегиона находилась в непрерывном движении, основные векторы которой в это время задавались пространственной динамикой первых двух ареалов. Именно русско-украинская колонизация меняла этнодемографическую карту южного макрорегиона, формировала городскую систему и основной поселенческий каркас.

* Без учета кочевых сообществ, расселенных за государственными пределами России.

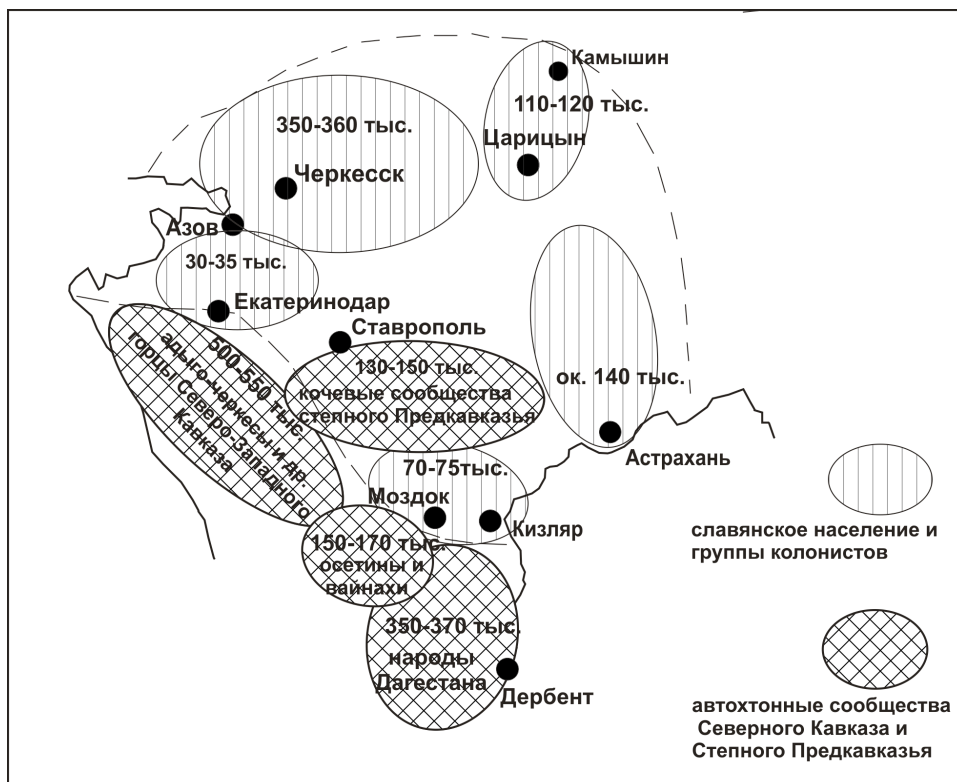

Рис. 2. Основные средоточия населения в пределах Юга России на рубеже XIX в., тыс. чел. (рассчитано по [2])

В первой половине XIX в. население Дона, нижнего Поволжья и степного Предкавказья вырастает с 500 тыс. до 1,7–1,8 млн. чел. Растет и общая численность горцев, несмотря на вовлеченность многих сообществ в Кавказскую войну, увеличивается демографический потенциал и кочевых народов степного Предкавказья. К концу 1850-х гг. население южного макрорегиона превышает 3,5 млн. чел.

Середина века оказывается переломной для многих значимых социальных процессов, определявших развитие Юга России. Конец Кавказской войны, совпавший с началом системных реформ российского общества, расширяет масштабы притока в макрорегион русского и украинского населения, а также представителей многих других национальностей, все более плотно заселяющих земли степного Предкавказья. Тем самым этническая география Юга России в XIX в. трансформируется, прежде всего, за счет территориальной экспансии восточных славян (и растущих под их «прикрытием» других этнических групп), все активнее осваивавших степные пространства и предгорья, от черноморского до каспийского побережья.

К концу XIX в. в пределах южного макрорегиона проживало уже 8,4 млн. чел., а в 1914 г. – более 10,9 миллиона. При этом восточные славяне, составлявшие в 1800 г. только 32% его жителей, к середине XIX в. подняли свою долю до 52,6%, а к началу XX в. – почти до 74% (рис. 3).

Первые советские десятилетия (1920–1930-е гг.). В период Гражданской войны южный макрорегион оказался в эпицентре ожесточенного противостояния советской власти и белого движения. Однако несмотря на значительные демографические потери, перепись 1926 г. обнаруживает на Юге России уже более 12 млн. жителей. При этом национальная структура его населения сохранила свои основные черты в сравнении с концом XIX в. – безусловная этническая доминанта сохранилась за восточными славянами (их общая доля даже выросла, приблизившись к 80%).

Высокие темпы демографического роста демонстрировали в первой четверти XX в. и некоторые другие народы макрорегиона (в том числе армяне, греки, осетины, кабардинцы, чеченцы). Произошли изменения и в этнической географии макрорегиона. Русские и украинцы продолжили осваивать многие районы Северного Кавказа. С другой стороны, мощная социальная турбулентность революционных лет сдвинула с места часть горского населения, а репрессии советской власти против казачества обернулись переделом сложившейся системы расселения различных национальных сообществ. С начала 1920-х гг. набирает силу процесс «сползания» горских сообществ на равнину.

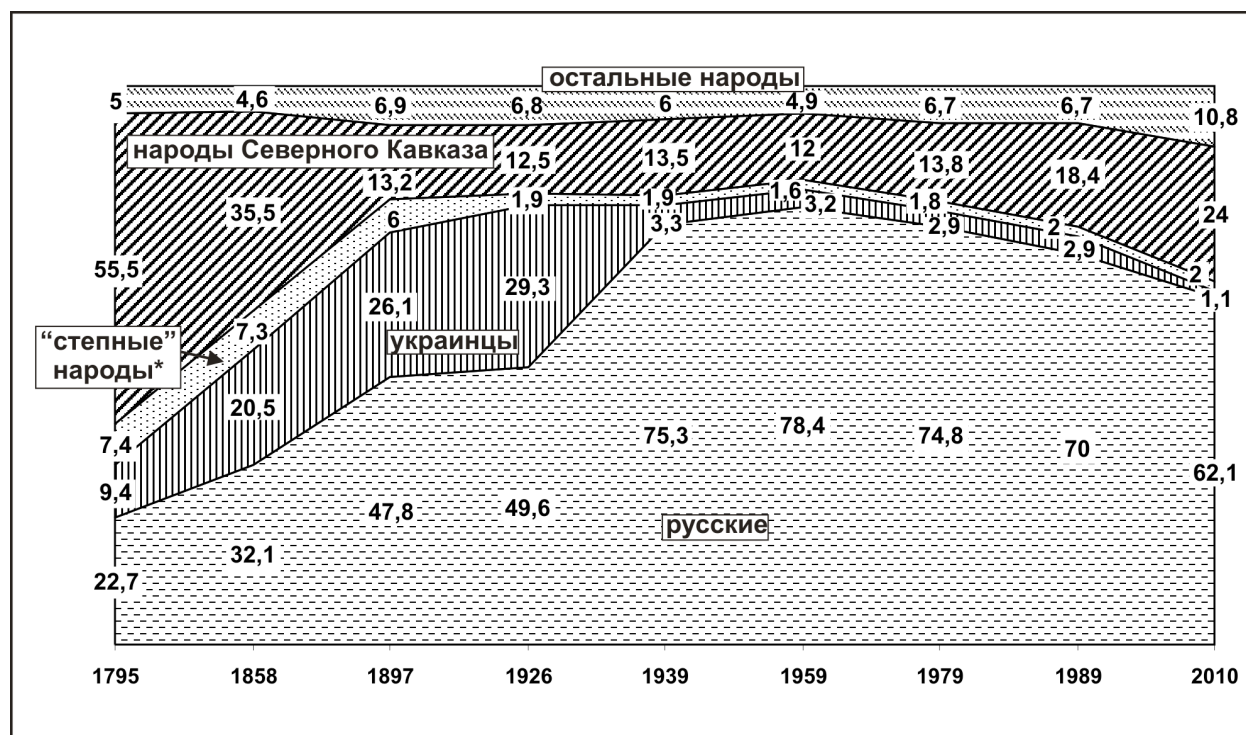

Рис. 3. Доля отдельных национальных сообществ и их групп в населении южного макрорегиона, 1795–2010 гг., %

* К «степным» народам были отнесены калмыки, казахи, ногайцы.

Источники для рис. 3–5 и табл. 1: Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy>; Всесоюзные переписи 1939–1989 гг. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php - 89.php; Всероссийские переписи 2002–2010 гг. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php - 10.php (дата обращения: 24.05.2017).

Причем территориями, сопредельными горам, данные миграции не ограничивались. Уже перепись 1926 г. обнаружила во многих русских субрегионах Юга небольшие группы представителей северокавказских народов. Еще более возрастает их число в годы первых пятилеток. На многочисленные промышленные стройки направляются трудовые десанты; в техникумы и вузы крупнейших южнороссийских центров едет на учебу «национальная» молодежь. Быстро растущие республиканские города притягивают к себе коренное сельское население. Как результат, география представителей большинства северокавказских народов демонстрирует свое поступательное расширение на север.

Начало 1930-х гг. – это годы масштабной коллективизации сельского населения страны и ее южного, преимущественно аграрного, макрорегиона; радикальная ломка сложившегося производственного уклада миллионов крестьян сопровождалась глубоким кризисом сельхозпроизводства и массовым голодом, охватившим значительную часть степного Предкавказья. И тем не менее сохранение характерной для традиционных обществ высокой рождаемости (на уровне 35–40‰) позволило населению макрорегиона не только компенсировать потери голодных лет, но и увеличить свою численность к концу 1930-х гг. За период 1926–1939 гг. демографический потенциал Юга России вырос на 14,5% (с 11,2 млн. до 12,8 млн. чел.). В этнодемографической динамике этого периода центральным событием становится обрусение огромного массива южнороссийских украинцев, численность которых к 1939 г. сократилась почти на математический порядок (с 3,3 млн. в 1926 г. до 429 тыс. чел.). Как результат, русские в пределах макрорегиона стали абсолютным большинством, доля которого поднялась до 75%.

1940–1980-е гг. Война оборвала эволюционное развитие южного макрорегиона. Сотни тысяч уроженцев Юга России погибли на фронте. Но не менее значительными были общие потери населения, попавшего в зону оккупации, эвакуированного на восток страны или побывшего в прифронтовой полосе. Еще более осложнила этнодемографическую динамику военного времени депортация ряда народов южного макрорегиона. Репрессивные меры такого рода начались уже с осени 1941 г., когда на восток страны из Сталинградской (Волгоградской) области было выселено 26,2 тыс. немцев. Но наиболее масштабные высылки пришлись на 1943–1944 гг., когда депортируются 69,3 тыс. карачаевцев, 387,2 тыс. чеченцев и 91,3 тыс. ингушей [3].

Общие потери Юга России в первой половине 1940-х гг. могли достигать 12–15% от его демографического потенциала. И для их восстановления даже в условиях послевоенного всплеска рождаемости по-

требовались многие годы. Но уже первая послевоенная перепись населения 1959 г. зафиксировала в южном макрорегионе 14,3 млн. жителей – на 11% больше, чем в 1939 г.

Выросло население практически всех регионов. Однако национальная структура Юга и отдельных его территорий определенным образом изменилась, при сохранении полной демографической доминанты русских, численность которых выросла более чем на 2 млн. чел., а доля поднялась до 78,4%, достигнув своего исторического максимума. Что, впрочем, было связано не столько с опережающим естественным ростом самого русского населения, сколько с усилением ассимиляционных процессов в русскоязычных диаспорах, а также с последствиями депортаций военного времени. Между отменой в январе 1957 г. репрессивных указов и переписью 1959 г. прошло слишком мало времени, и на Юг вернулась только часть представителей реабилитированных народов.

Рост населения продолжился и в последующие десятилетия, расширяя общую этническую палитру Юга России, привлекательного для переселенцев из самых отдаленных районов СССР. К середине – концу 1960-х гг. в пределах макрорегиона был представлен едва ли не весь список национальностей огромной страны, включая представителей малых народов Севера и Дальнего Востока.

С этого же времени темпы демографического роста отдельных регионов Юга начинают во все большей степени определяться уровнем естественного прироста. Если у русских и большинства других урбанизированных этнических групп в связи с переходом к малодетным семьям он падает до ежегодных 5–7‰, то у народов Северного Кавказа сохраняется на уровне 15–20‰ (а у наиболее традиционных демонстрирует рост до 35–42‰), определяя стремительный рост республиканского населения.

В 1970–1980-е гг. данный коэффициент естественного прироста у северокавказских национальных сообществ сокращается, но практически все они по-прежнему демонстрируют уверенный рост. Как результат, доля титульных народов Северного Кавказа в населении Юга России с 11,9% в 1959 г. поднимается до 14,3% в 1970 г. и 18,7% в 1989 г. Впрочем, вплоть до конца советского периода продолжает увеличиваться численность и подавляющего большинства других народов макрорегиона, включая русских. Во второй половине 1980-х гг. на юге проживает уже больше 20 млн. чел. (рис. 4).

Рис. 4. Динамика численности населения Юга России и форма его расселения, 1795–2016 гг.

Постсоветский период. Постсоветский период сопровождался быстрым ухудшением показателей демографического воспроизводства в масштабе всей РФ. Однако демографическая ситуация на Юге России имела существенную специфику. В первое постсоветское десятилетие все его регионы (за исключением Калмыкии) продолжали увеличивать численность своего населения. Число жителей Юга за 1989–2002 гг. выросло на 1,75 млн. чел. Но по характеру демографического роста регионы разделились на две группы. Начиная с 1992 г. области и края отличались устойчивой естественной убылью населения, которая перекрывалась существенно возросшим миграционным притоком. В республиках естественный рост населения все еще сохранялся, а миграционная динамика была разнонаправленной (если Адыгея, Дагестан и Ингушетия имели приток населения, то остальные его теряли) [4].

Во второй половине 1990-х гг. демографическая динамика макрорегиона вновь изменяется. Масштабы естественной убыли населения в южнороссийских областях и краях еще более возрастают, а миграционный приток резко сокращается (и основная масса переселенцев приходится на Краснодарский край). В результате первая половина 2000-х гг. характеризуется нарастающей депопуляцией русских регионов, приобретающей особенно значительные размеры в Волгоградской и Ростовской областях.

Сокращение населения в эти годы фиксируется уже в восьми из 13 регионов Юга России. В разы сократился и общий прирост населения по макрорегиону (за период 2002–2010 гг. он составил только 200 тыс. чел.). Причем и этот рост был связан с изменением демографического тренда во второй половине 2000-х гг., после начала реализации комплекса государственных мер по улучшению демографической ситуации в РФ. За период 2006–2010 гг. рождаемость во всех регионах Юга выросла на 2,5–3‰. С другой стороны, социально-экономическая стабилизация, повышение материального уровня и в целом качества жизни позволили несколько снизить показатели смертности.

В последние 10–15 лет в пределах макрорегиона отчетливо выделились два ареала устойчивого демографического роста: Кубань и три республики Северо-Восточного Кавказа. Если в 1990 г. на них в сумме приходилось 37,7% жителей Юга России, то в 2002 г. – почти 40%, а в 2015 г. – уже 43,4%. Но параллельно значительные территории макрорегиона оказались в зоне устойчивой депопуляции, которая в настоящее время охватывает большую часть всех трех южнороссийских областей, а также многие районы Ставропольского края и Калмыкию.

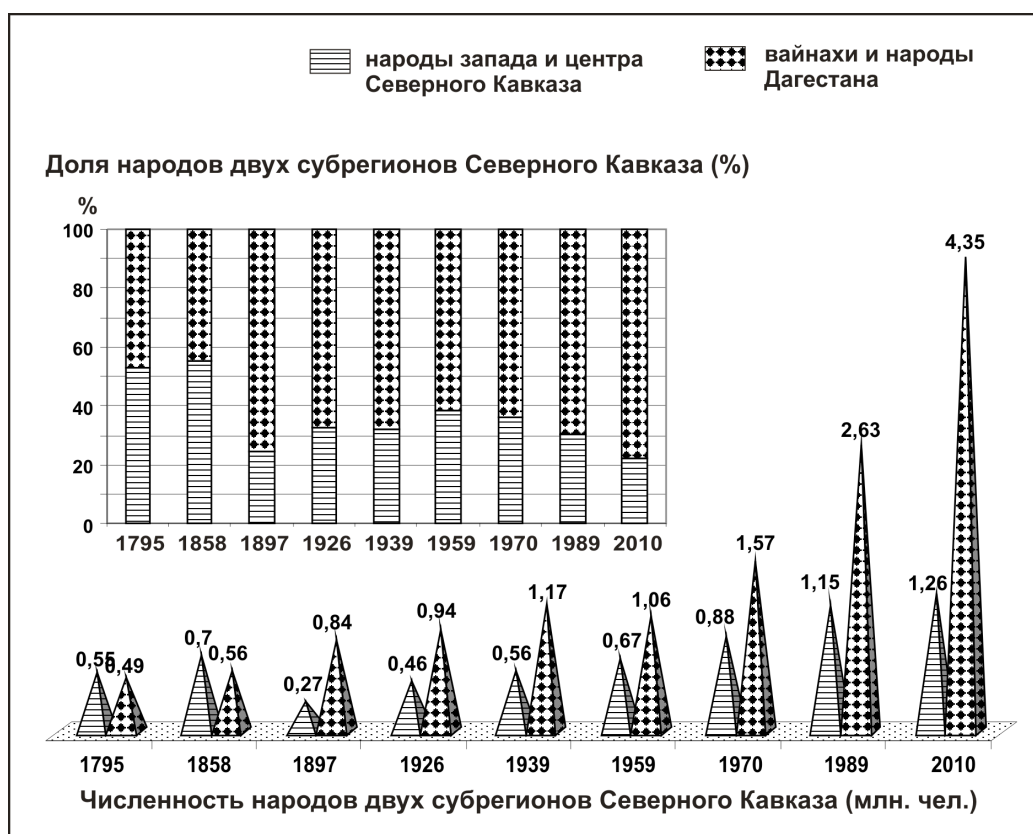

Рис. 5. Динамика численности и удельного соотношения народов двух крупных субрегионов Северного Кавказа

Трансформировалась в постсоветский период и этническая география макрорегиона. Доля русских в его населении за 1989–2010 гг. упала с 70 до 62%, притом, что общая их численность в этот период даже несколько выросла. В группу народов, сокративших свой удельный показатель при сохранении размера, также вошли казахи, калмыки, татары, греки, грузины и ряд других национальных сообществ. Но многие народы макрорегиона заметно потеряли в своей численности, а количественная динамика некоторых, скорее, напоминала демографический коллапс (за 1989–2010 гг. в 2,5–3,5 раза сократилась численность евреев, украинцев, белорусов, карел, коми, литовцев, немцев и др.).

В макрорегионе имела и группа демографического роста, заключавшая, прежде всего, ряд народов Кавказа (как Северного, так и Закавказья) и Средней Азии, корейцев и цыган, увеличивших свою численность в постсоветский период на 70–100%. Ко второму десятилетию XXI в. в десятке крупнейших национальных

сообществ Юга России, помимо русских, были девять народов Кавказа, во второй десятке демографического рейтинга – шесть.

Трансформация национальной структуры населения, ощутимая в масштабе всего Юга России, становится еще более очевидной на уровне отдельных регионов и субрегионов. В самом общем плане можно говорить о нарастающей полиэтнизации русских регионов Юга России и ощутимой «титанизации» населения республик, сокращении его этнического разнообразия и демографического сжатия русского массива и русскоязычных диаспор.

Итак, за два последних века демографический потенциал российского Юга вырос более чем на порядок и в настоящее время превышает 23,7 млн. чел. Причем на протяжении многих периодов он наполнялся людьми быстрее, чем Россия в целом. Если на рубеже XIX в. на него приходилось около 7,8% всего населения (проживавшего в контурах современной РФ), то в 1897 г. 12,4%, а в 2016 г. уже 16,6% (см. таблицу).

Динамика численности 30 крупнейших (на 2010 г.) народов Юга России, 1897–2010 гг., тыс. чел.

Народы	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1989 г.	2010 г.
Русские	4 008	5557	9664	11237	13277	14379	14456
Чеченцы	224,1	318,1	397,7	257,1	565,3	857,1	1370,4
Аварцы	174,4	177,2	234,8	246,6	357,9	522,1	881,4
Армяне	70,6	186,6	164,1	190,0	224,9	365,7	633,3
Даргинцы	122,4	111,3	151,5	150,6	222,1	340,4	517,1
Кабардинцы	98,4	139,7	159,6	197,3	273,8	376,4	505,8
Осетины	98,6	156,0	187,4	235,3	294,9	363,9	491,0
Кумыки	83,2	94,5	109,5	131,2	185,0	263,8	472,1
Ингуши	47,2	72,1	90,4	544,3	133,8	201,1	422,6
Лезгины	95,2	93,9	98,2	110,0	165,7	222,5	411,6
Украинцы	2194,5	3280,5	428,9	453,5	507,3	589,2	255,1
Карачаевцы	27,1	55,1	74,1	69,7	105,3	146,1	213,4
Казахи	250,8	49,2	78,9	105,7	141,7	184,2	209,3
Азербайджанцы	32,1	24,0	33,9	44,4	64,0	124,3	208,3
Калмыки	186,4	128,4	127,8	86,5	126,6	158,1	173,3
Лакцы	49,8	40,2	53,7	56,1	76,8	100,2	16,9
Татары	92,4	83,5	101,9	117,9	148,0	161,8	150,0
Табасаранцы	29,0	32,0	33,4	33,5	53,6	85,7	134,2
Адыгейцы	43,0	64,2	83,0	82,1	96,6	118,7	122,5
Балкарцы	***	33,3	41,6	34,1	52,2	72,9	110,7
Ногайцы	64,0	36,0	35,8	37,0	50,5	69,3	90,4
Турки	3,0	***	1,3	***	***	***	86,8
Цыгане	4,3	8,1	12,2	19,6	27,7	46,7	82,5
Черкесы*	—	—	—	27,4	37,0	47,6	69,8
Греки	31,0	60,1	57,8	31,8	41,9	66,2	64,4
Белорусы	26,3	52,7	28418	65,8	106,1	120,7	53,9
Грузины	9,5	15,6	20 810	23,6	30,9	45,4	50,7
Абазины	***	13,8	14551	18,6	24,4	31,3	41,6

* – в 1897–1939 гг. учтены вместе с адыгейцами.

*** – нет данных.

С большой вероятностью продолжится данный восходящий тренд и в будущем. К 2030 г. доля жителей южного макрорегиона может подняться до 17–17,5%. При этом в пределах самого Юга России продолжится территориальная перецентрировка демографического потенциала. Все большая часть населения будет концентрироваться в республиках и Краснодарском крае. А непосредственно в самом республиканском поясе опережающий рост будут демонстрировать автономии Северо-Восточного Кавказа (рис. 5).

Источники и литература

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 11–212.
2. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996.
3. Депортация народов в СССР. Справка. URL: <https://ria.ru/society/20091114/193419498.html> (дата обращения: 24.05.2017).
4. Розин М.Д., Суций С.Я. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI века). Ростов-на-Дону, 2011. С. 5–17.

Е.В. Леонтьев*

Межсословные переходы и брачные связи разночинцев г. Иркутска по данным третьей ревизии 1763 г.

В статье по материалам податной ревизии 1763 г. рассматриваются межсословные переходы и брачные связи разночинцев г. Иркутска в период между 1744 и 1763 гг. Исследование подтверждает высказываемое в литературе мнение о высокой социальной мобильности сибирских разночинцев XVIII в. Главное место в межсословных переходах данной категории людей занимали передвижения, связанные с поступлением на службу в иррегулярном войске и сословии ямщиков. Лица, регистрируемые в составе крупных домохозяйств, чаще переходили в другие сословные группы, нежели представители так называемых малых семей. Сведения ревизии о происхождении замужних женщин в семьях иркутских разночинцев свидетельствуют об укреплении их родственных связей с посадской общиной г. Иркутска.

Ключевые слова: разночинцы, мобильность, сословие, податная ревизия, семья, город, служилые люди

Century changes and marital ties of commoners of Irkutsk city according to the data of the third inspection of 1763

In the article where we can see information about an inspection of 1763 is considered century changes and marital ties of commoners of Irkutsk city between 1744 and 1763. The research confirms the fact which we can read in historic books and articles that Siberian commoners of 17th century had high social activity and mobility. The main place in century changes of these people had movements which were connected with entry to the public service in irregular army and class of coachmen. People who were registered in structure of big households more often changed their class groups, different from people referred to the class of small families. The information of the inspection about origin of married women in Irkutsk commoners families says about strengthening of their family ties with Posadskaya group of Irkutsk city.

Key words: commoners, mobility, class, tax audit, family, city, service people

Настоящая статья является частью ранее представленного исследования, в котором рассматриваются основные социальные параметры категории разночинцев – одной из наиболее значительных групп русского населения Сибири XVIII в. [1]. Работа выполнена по материалам третьей податной ревизии населения г. Иркутска, опубликованным в 1883 г. служащим Московского архива Министерства Юстиции И.Н. Николаевым [2, с. 58–92]. Статья обобщает данные о межсословных переходах и брачных связях иркутских разночинцев в период между 1744 и 1763 гг.

Являясь преимущественно выходцами из среды служилого населения [3, с. 84], сибирские разночинцы, как принято считать, отличались подвижным составом и высоким уровнем социальной мобильности [4, с. 210]. В ведомстве г. Иркутска за 19 лет с момента проведения второй податной ревизии сменил свое «сословное состояние» без малого каждый четвертый представитель данной категории граждан (341 душ м.п. – 24,07%). При этом количество выбывших в составе группы более чем вдвое превышало количество тех, кто был вновь в нее записан (155 д. м. п.).

Одним из факторов, оказывавших отрицательное влияние на численность разночинцев, являлось участие их в несении рекрутской повинности. С 1744 по 1763 г. рекрутами в их среде были определены в Иркутске 98 чел. Наборы непосредственно затронули 90 приписанных к городу семей (около 17% от общего числа), восемь из которых отдали «в службу» каждая двоих молодых мужчин, остальные – по одному. Общая убыль от мобилизации в группе составила 5,27% численности мужского населения. По подсчетам Б.Н. Миронова, в городах Европейской России в первой половине XVIII в. тот же показатель составил 6,8% [5, с. 136]. У посадских людей Московской губернии в период между первой и второй ревизиями 1722–1744 гг. рекрутчина забрала 4,6% душ мужского пола [6, с. 75, 114–115].

* Леонтьев Евгений Викторович (Минусинск) – старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова; 662608, г. Минусинск, ул. Ленина 60, eu.leontjew2017@yandex.ru, martianov-muzey@mail.ru.

Участвуя в несении рекрутской повинности, разночинцы также нередко записывались на службу в местный казачий гарнизон. С юридической точки зрения, как сказано в литературе, речь в этих случаях обычно не шла о возвращении выведенных за штат казаков в состав служилого населения. Будучи записанными в подушный оклад, они нуждались в специальном ходатайстве Сената для того, чтобы «оставить тягло» и зачислиться в штат. Поэтому с ведома администрации разночинцы, как правило, поступали в гарнизон, не освобождаясь от несения возложенных на них податных обязательств. Выполняя служебные поручения, получая чины и жалование, «тяглые казаки и казачьи дети» продолжали оставаться плательщиками подушной подати [7, с. 234, 243]. Складывалась ситуация двойной сословной принадлежности [8, с. 48], которая вызывает вопрос: следует ли рассматривать переходы разночинцев на казачью службу проявлением их межсословной мобильности?

По этому поводу можно сказать, что в материалах первичного ревизского учета такие переходы обычно фиксируются именно так. Имеющаяся в нашем распоряжении информация о поступлении разночинцев «в действительные казаки» представляет собой отметки о выбытии их из состава группы. Причем в большинстве изученных случаев эти выбытия оказывались впоследствии безвозвратными. Так, например, среди выбывших после первой ревизии 1722 г. разночинцев г. Иркутска значатся набранными для казачьей службы 140 чел. Из этих людей в материалах двух последующих ревизий вновь встречаются имена лишь 15 чел. [подсчитано по: [2, с. 24–25, 58–92]. Остальные исчезают из списков навсегда, либо по причине смерти, либо, сумев, вероятно, причислиться к новой для себя социальной группе.

Всего в течение рассматриваемого периода в Иркутске записались казаками представители 64 разночинных семей (каждой восьмой из находившихся в ведомстве города). В 11-ти из них на службу перешли сразу двое мужчин, а в одной (семье Осипа Игнатьева) – три человека: два брата и племянник хозяина [2, с. 60]. В некоторых семьях поступление одних мужчин в гарнизон сочеталось с выполнением их родственниками рекрутской повинности. Так, например, в семье разночинца Василия Белобородова из пяти сыновей двое служили казаками, а двое были взяты в рекруты [2, с. 69].

В ряды казаков вербовались, как правило, люди опытные, зрелого возраста. Так, при прохождении ревизии 1744 г. моложе 18 лет среди них были лишь 12,82% чел., а вот среди тех, кто был в последующие годы отдан в рекруты – 84,53% [подсчитано по: [2, с. 58–92].

Еще одним способом выхода из состава группы для разночинцев являлось зачисление в разряд казенных ямщиков. Данную социальную категорию составляли люди, главной обязанностью которых являлась «ямская гоньба» – доставка за свой счет казенных грузов, почты и должностных лиц. Труд ямщиков оплачивался казной, они имели земельный надел, освобождались от государственных повинностей и налогов [9, с. 194, 204]. Звание казенного ямщика наследовалось и распространялось на членов семьи (детей, совместно живущих братьев, племянников и т.д.) записавшегося в сословие человека. Ямщиками в основном становились главы крупных семей, включавшие двух-трех взрослых сыновей и/или братьев. Преимущественно это были сельские домохозяева, причисленные к городу непосредственно в рассматриваемый период; из их числа «ямской гоньбой» занимались 16,77% жителей, среди тех, кто состоял в ведомстве города на момент предыдущей переписи 1744 г. – 2,99%.

Ниже представлены данные обо всех зафиксированных третьей ревизией межсословных переходах иркутских разночинцев в период с 1744 по 1763 г. (табл. 1). Для сравнения они даны рядом аналогичными показателями, рассчитанными для посадских людей городов Хлынова (Вятки) [10, с. 188–244] и Селенгинска [11, с. 69–78].

Таблица 1

Межсословные переходы разночинцев г. Иркутска и посадских людей г. Селенгинска и Хлынова (Вятки) по материалам третьей податной ревизии: 1744–1763 гг. * (ревизские души мужского пола)

Куда выбыли	Разночинцы г. Иркутска		Посадские люди г. Селенгинска		Посадские люди г. Хлынова (Вятки)	
	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения
Рекруты	98	6,92	18	5,13	66	4,47
Казаки	78	5,50	–	–	–	–
Казенные ямщики	77	5,43	–	–	–	–
Приказные служащие	1	0,07	1	0,28	1	0,07
Крестьяне	13	0,92	7	1,99	42	2,85
Посадские люди	17	1,20	–	–	5**	0,34

Окончание табл. 1

Куда выбыли	Разночинцы г. Иркутска		Посадские люди г. Селенгинска		Посадские люди г. Хлынова (Вятки)	
	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения	Абсолют. число выбывших	% от числен. населения
Мастеровые	3	0,21	—	—	—	—
Духовное ведомство	13	0,92	—	—	4***	0,27
Находились в бегах	32	2,26	3	0,85	38	2,57
Сосланы	9	0,63	—	—	4	0,27
Всего:	341	24,06	29	8,26	160	10,84

* Подсчитано по данным: Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 58–92; Вятка. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1887. С. 188–244, 247–248. Сибирские города. Материалы для истории XVII–XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Типография М.Н. Волчанинова, 1886. С. 69–78.

** В посадские общества других городов.

*** Включая ушедших в монастырь.

По материалам табл. 1 видно, что разночинцы г. Иркутска являлись более мобильными в социальном плане, чем люди из состава взятых для сравнения посадских общин. Тот же вывод в отношении рассматриваемой нами категории иркутян можно сделать, если сопоставить складывавшиеся в их среде показатели мобильности с цифрами, которые характеризуют движение посадского населения Московской губернии (Московской, Суздальской, Переяславль-Залесской, Владимирской, Тульской, Калужской и Костромской провинций) в период между первой и второй ревизиями. Без учета потерь от рекрутских наборов, убыль среди посадских людей Московской губернии, вызванная переходом в другие социальные группы, составляла тогда 0,25% в год. При этом главной причиной ее служило бегство (0,19% в год) – нелегальное оставление посадскими людьми возложенного на них тягла [6, с. 75, 114–115]. У разночинцев г. Иркутска обусловленное переходами сокращение численности в 1744–1763 гг. было значительней – 0,90% в год, а беглые влияли на него в меньшей степени (0,12%).

Табл. 1 показывает также, что вопреки настойчивому намерению правительства «разверстать бывших служилых людей по тяглу» [12, с. 50], они сравнительно редко становились членами крестьянских или посадских общин. Главное место в межсословных переходах разночинцев в середине XVIII в. занимала служба в иррегулярном войске и на почтовых станциях. Записались крестьянами или посадскими из их числа лишь 30 чел. (2,12% от общего числа), меньше чем находились в безвестной отлучке – «бегах». Этому, вероятно, отчасти способствовало нежелание самих податных коллективов принимать разночинцев в свою среду; вновь поступающие в цех или на посад горожане служилого происхождения были бедны и не могли на равных нести возложенное на «мир» бремя налогов [12, с. 50].

В заключение отметим, что показатели мобильности разночинного населения выраженно коррелировали с размерами «ревизской» семьи (табл. 2). Наиболее заметно это было при наборе рекрутов и лиц, предназначенных для несения ямской службы; люди, регистрируемые в составе крупных домохозяйств, чаще других отправлялись в армию или записывались в сословие ямщиков. То же можно сказать и о поступлении на казачью службу, хотя здесь зависимость была менее явной. Из всех указанных способов выхода из своего словного состояния члены малых семей чаще других использовали лишь бегство.

Таблица 2

Социальные переходы и состав семьи разночинцев г. Иркутска по данным третьей податной ревизии 1763 г.*

(% выбывших от числа приписанных ревизских душ мужского пола)

Куда выбыли	Ревизские семьи с числом душ мужского пола		
	Четыре и более	Три	Одна-две
Рекруты	0,66	0,43	0,30
Казенные ямщики	0,49	0,16	0,09
Казаки	0,51	0,46	0,33
Крестьяне и посадские	0,15	0,30	0,04
Беглые	0,10	0,11	0,14

* Подсчитано по данным: Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 58–92.

Место человека в сословном обществе обуславливалось не только его формально-правовым статусом, но и отношениями, которые определяли и поддерживали его ближайшее социальное окружение. Анализ этих отношений в брачной сфере еще раз подтверждает мнение об отсутствии в Сибири XVIII в. жестких социальных границ [7, с. 243]. Семейно-брачные узы разночинцев связывали их в этот период с представителями практически всех сословных групп местного общества (табл. 3). Лишь около 1/4 замужних и вдовых женщин в семьях данной категории иркутян имели то же сословное происхождение, что и их мужья (24,66%, включая и женщин, родители которых были казаками. – *Прим. авт.*). Для сравнения: у посадских людей г. Селенгинска сословно однородные семьи составляли 27,13% от общего числа (35 из 129) [подсчитано по: [10, с. 69–78], в посадской общине г. Хлынова – 44,63% (345 из 773) [подсчитано по: [9, с. 188–244]. ¾ жен разночинцев происходили преимущественно из тяглых слоев населения, прежде всего, крестьян, сестры и дочери которых составляли почти 40% выявленных нами супружеских пар.

Таблица 3
Сословное происхождение жен разночинцев г. Иркутска, записанных в третью ревизию 1763 г.*

К какой социальной группе принадлежали родители жены	Жены, возраст мужей которых на момент ревизии был		Вдовы	Всего
	менее 30 лет	30 лет и старше		
Дворяне	0	0	2	2
Священнослужители	0	3	2	5
Канцелярские служащие	0	4	0	4
Дети боярские	0	3	3	6
Казаки	8	34	6	48
Разночинцы	9	24	9	42
Солдаты	3	7	0	10
Ямщики	1	1	0	2
Посадские люди	23	22	12	57
Крестьяне государственные	29	73	16	118
Крестьяне монастырские**	8	15	1	24
Ясачные	1	4	3	8
Ссылные	1	1	0	2
Неизвестно	9	13	15	37
Всего:	92	204	69	365

* Подсчитано по данным: Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 58–92.

** И монастырские вкладчики.

При этом тенденцией рассматриваемого периода являлось постепенное укрепление родственных связей разночинцев с представителями своей городской общины. Это становится заметно, если рассмотреть в их семьях происхождение женщин, мужья которых относились к разным возрастным когортам. Так, среди молодых мужчин в возрасте до 30 лет женщины из посадских семей составляли 25% семейных пар, а у их отцов и старших братьев только 10,78%. Аналогичные доли браков с женщинами из среды крестьян равнялись соответственно 40,22 и 43,14%, с дочерьми казаков и лиц своей сословной группы – 18,48 и 27,45%. Данные изменения, очевидно, отражали процесс интеграции части выведенных

за штат казаков г. Иркутска в среду городских обывателей, чему способствовали перемены в их образе жизни, занятиях, источниках дохода и т.д.

Сведения о географии брачно-родственных связей иркутян позволяют сделать аналогичный вывод. Но нужно учитывать их невысокое качество: в материалах ревизии место регистрации (приписки) тяглых людей часто не соответствовало месту их фактического проживания [13, с. 179]. Поэтому информация нашего источника в данном случае является очень приблизительной.

Согласно подсчетам, в 1763 г. лишь около 1/3 замужних и вдовых женщин в семьях иркутских разночинцев были до своего вступления в брак зарегистрированы в ведомстве г. Иркутска (табл. 4). Но в предыдущие годы величина этого показателя, видимо, росла; так, среди женатых мужчин в возрасте старше 30 лет потомственные иркутянки составляли 30,39% семейных пар, а у тех, кто был моложе этого возраста – 41,30%. На этом фоне частота брачных связей разночинцев с жителями расположенных вблизи слобод и деревень оставалась постоянной (соответственно – 41,31 и 40,27%). Процент семей, образованных ими в Иркутске, увеличивался в основном благодаря уменьшению доли браков с женщинами, родители которых были приписаны к другим городам и острогам Сибири (5,43 и 12,75%). При всей неточности использованной информации, полученные цифры, очевидно, говорят о сокращении ареала брачных связей выходцев из служилой среды. Переход в категорию разночинцев способствовал превращению их в оседлых обывателей, привязанных к месту своего обитания в городе или деревне. Согласно ведомости 1769 г., разночинцам в Иркутске принадлежал 181 дом из 1089 [14, с. 65]. Если допустить, что каждый из них населяла одна семья, включавшая трех человек мужского пола, получим, что во время ревизии 1763 г. действительными горожанами среди приписанных к городу иркутян-разночинцев являлись не более 40% граждан.

**География брачно-родственных связей иркутских разночинцев
по данным ревизии 1763 г.***

Таблица 4

Где приписаны родители жены	Жены, возраст мужей которых на момент ревизии был		Вдовы	Всего
	менее 30 лет	30 лет и старше		
г. Иркутск	38	62	24	124
Др. города и острога Сибири**	5	26	6	37
Слободы	11	25	10	46
Деревни казенных крестьян***	18	45	7	70
Деревни монастырских крестьян	8	15	1	24
Ямские станции	—	1	—	1
Европейская Россия	1	2	3	6
Неизвестно	11	28	18	57
Всего:	92	204	69	365

* Подсчитано по данным: Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 58–92.

** Не считая крестьян, приписанных к острогам.

*** Вместе с крестьянами, приписанными к острогам.

Основными результатами исследования, на наш взгляд, можно считать следующие выводы: 1) данные по г. Иркутску подтверждают мнение о высокой социальной мобильности сибирских разночинцев в XVIII в.; 2) главное место в межсословных переходах рассматриваемой группы людей занимали передвижения, связанные с поступлением на службу в иррегулярном войске и сословии ямщиков; 3) лица, записанные ревизией в составе крупных домохозяйств, чаще переходили в другие сословные группы, нежели представители так называемых малых семей; 4) сведения о происхождении женщин в семьях иркутских разночинцев в 1744–1763 гг. свидетельствуют об укреплении их родственных связей с посадской общиной г. Иркутска. Одновременно можно говорить о постепенном замыкании брачных кругов данной категории иркутян внутри города.

Литература и источники

1. Леонтьев Е.В. Естественное движение разночинцев г. Иркутска по материалам третьей податной ревизии 1763 г. // Историческая демография. 2016. № 2. С. 9–15.
2. Иркутск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883.
3. Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX вв. М.: Наука, 1981. 274 с.
4. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981. 247 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. I: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 583 с.
6. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М.: Университетская типография, 1903.
7. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (сословно-демографический аспект). Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 416 с.
8. Быконя Г.Ф. Кто основал Саянский острог – Илья Нашивошников или Илья Суриков? // Древние поселения Сибири: охрана и использование. Сб. ст. Шушенское: Историко-этнографический музей-заповедник, 2014. С. 30–46.
9. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. 567 с.
10. Вятка. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1887.
11. Сибирские города. Материалы для истории XVII–XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Типография М.Н. Волчанинова, 1886.
12. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы Российской империи. М.: «Логос», 2002. 272 с.
13. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 265 с.
14. Кудрявцев Ф.А. Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1971. 152 с.

А.Н. Ямсков*

**Демографическая динамика этнотерриториальных групп
русского старожильского крестьянства Азербайджана
в середине – конце XIX века как отражение процессов адаптации**

Рассмотрены динамика численности и изменения в системе расселения русских крестьян-старожилов (молочан, духоборцев, субботников) в Азербайджане в 1840–1900 гг., описаны процесс и причины их миграций с равнин в горы в начальный период колонизации и начало обратного выселения с гор на равнины в конце XIX в.

Ключевые слова: русские крестьяне-старожилы, демографическая история, Азербайджан, молочане

A.N. Yamskov

**Demographic dynamics of ethnoterritorial groups
of the Russian old settler peasants in Azerbaijan
during middle – late 19th century as a mirror of adaptations**

The paper reviews dynamics of population numbers and changes in settlement patterns of ethnic Russian old settler peasant communities (Molokans, Doukhobors, Subbotniks) in Azerbaijan during 1840's – 1890's. The process and factors of their migration from lowlands to mountains at the initial period of colonization and the start of resettlement from mountains to lowlands at the end of the 19th century are analyzed.

Key words: Russian old settler peasants, demographic history, Azerbaijan, Molokans

Появление в середине XIX в. в Восточном Закавказье (Азербайджан, восток Грузии, север и северо-восток Армении) русских крестьян из числа, по терминологии того времени, «сектантов» (молочан, субботников, духоборцев) стало историческим экспериментом. Группы переселенцев, попав в прежде неизвестную для них физико-географическую среду, оказались вынуждены относительно быстро выработать новые хозяйственный уклад и систему расселения, соответствующие прежде неизвестным им природно-климатическим условиям.

В.В. Степанов, локализовав вместе с автором данной работы основную часть поселений русских крестьян-старожилов в Азербайджане, составил картосхему [1]. Мы с ним выделили, по состоянию на 1886 г. и последующее время, три основные «этнотерриториальные группы» [о данном понятии подробнее см.: 2]: шемахинскую (13 сел), гянджинскую (восемь сел), южно-муганскую (шесть сел), и еще ряд селений оказались пространственно изолированными.

Конфессиональный состав 29 селений в 1886 г. был довольно сложным: четыре духоборческих (Славянка, Ново-Троицкое, Ново-Горелое, Ново-Спаское); семь молочанских, в которых обычно вместе жили постоянные молочане, прыгуны, максимисты и более малочисленные подразделения молочанства; одно старообрядческое – Вель (с последователями австрийского, поморского и беспоповского толков [3]); одно субботническое – Привольное (геры и собственно субботники). Еще в 16 селениях жили молочане различных толков, в том числе в трех – с субботниками и баптистами, в девяти – с субботниками, в трех – с баптистами, в одном – с православными [подсчеты автора, исходные данные см.: 4]. Сложный конфессиональный состав населения мало сказывался на хозяйственной жизни крестьянских общин – в каждом селе они функционировали как единое целое и имели выборного старосту (обычно представителя численно преобладавшей конфессии) с помощниками. Нигде не было разделения сел на улицы или кварталы по признаку вероисповедания; даже кладбище, как правило, было одно, хотя внутри него выделялись участки для захоронения родственников-единоверцев [5]. Переселение шло преимущественно из черноземных губерний лесостепной зоны России (Воронежской, Тамбовской) и Среднего Поволжья (Саратовская губерния). Часть ссыльнопоселенцев, в частности духоборцы, прибыли из Таврической губернии, куда они и их предки попали в самом начале XIX в. из Центрально-Черноземного региона.

* **Ямсков Анатолий Николаевич** (Москва) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН, 119991, г. Москва, Ленинский пр., д. 32-А, yamskov@iea.ras.ru.

Формирование системы расселения русских сектантов в Закавказье прошло через три этапа [6]: период «проб и ошибок» местной администрации, отводившей участки под поселения ссыльным или добровольным переселенцам (1830–1840-е гг.); период основания большинства современных горных сел в самостоятельно выбранных местностях (1840–1850-е гг.); возникновение новых постоянных небольших поселений на месте сезонных зимних равнинных пастбищ (конец 1910-х – начало 1920-х гг.).

На первом этапе русских крестьян обычно поселяли в местах, выбранных местной администрацией, исходя из представлений жителей Закавказья. Отличительной чертой этого этапа было явное тяготение сектантских селений к полосе предгорий и предгорных равнин, ведь эти ландшафты сухих степей в наилучшей степени обеспечены теплом, водой стекающих с гор рек и ручьев и плодородной почвой на относительно крупных ровных участках. Земли изымались из казенных зимних пастбищ и предлагались русским поселенцам как территории с наивысшим в регионе агропотенциалом. Таким образом, на этом этапе главным критерием выбора участков под поселения выступало потенциальное удобство для земледелия. Однако опыт административного выделения мест под поселения русских сектантов часто оказывался неудачен. В предгорьях и на равнине русские поселенцы подвергались прямому воздействию неблагоприятных факторов природной среды – в условиях субтропического климата они очень часто болели малярией, сильно страдали от бактериологически загрязненной питьевой воды и летней жары, поскольку их санитарно-бытовая культура не соответствовала этим новым условиям.

Близость горных территорий способствовала сравнительно скорому переселению русских сектантов в местности с привычным умеренным климатом. Эти переселения озаменовали начало второго этапа заселения русскими крестьянами Восточного Закавказья. Поселенцы из предгорно-равнинных или других неудачно, с их точки зрения, расположенных сел, с помощью выделенных из своей среды ходоков стали выбирать под новые поселения свободные от малярии участки в верхней части низкогорий или в среднегорьях (от 800 до 1600 метров над уровнем моря), чаще всего – в верхней части этой высотной зоны. Земли эти тоже принадлежали казне, представляя собой осенне-весенние горно-степные пастбища или леса и кустарники. Так возникли Чухурюрт, Новосаратовка, Новоивановка. Одновременно с этим новые переселенцы, прибывавшие к своим единоверцам из России, старались учитывать подобный опыт и потому оседали поблизости от самостоятельно возникших в горах селений более ранних поселенцев – так появились, например, Новогорелое и Марьевка [7].

Первые молокане поселились на территории современного Азербайджана в 1830 г. (с. Кизыл-кишляк, позднее заброшенное), и в 1844 г. численность всех «сектантов» в Закавказье составила уже примерно 8360 чел. [8]. По Указу от 13.12.1832 г. местные власти были обязаны расселять их небольшими группами и в разных местах, «... не составляя из них ... особой области, дабы они со временем не могли стать вредными» [цит. по: 9]. С 1846 г. начала работать постоянная Комиссия по устройству переселенцев-сектантов. И только в конце 1849 г. правительство перешло от прежней политики ограничения прав и интересов сектантов (ссыльнопоселенцев и добровольных переселенцев), рассматривавшихся как «нежелательные элементы», к политике предоставления им в Закавказье льгот и к отношению к ним как к одной из опор русской администрации края [10]. Основной приток переселенцев-сектантов в Закавказье имел место в 1830–1850-е гг., и к концу 1850-х гг. переселение из внутренних губерний России в Закавказье практически прекратилось.

Вопреки первоначальным намерениям властей, в 1840–1850-е гг. крестьяне массово основывают селения в самостоятельно выбранных местностях, преимущественно в горах, и тем самым формируют вышеназванные этнотерриториальные группы. Так складываются ареалы, в которых русские села либо непосредственно соприкасаются своими хозяйственными угодьями друг с другом, либо отстоят одно от другого всего на расстояние нескольких часов езды верхом. Причинами сложения этнотерриториальных групп послужили как хозяйственные интересы (выбор сходных по природным условиям местностей, с учетом успешного опыта более ранних переселенцев), так и интересы обеспечения безопасности поселенцев. В последнем случае речь шла о возможности рассчитывать на помощь жителей соседних русских сел в случае нападения разбойников или угона ими скота либо при конфликтах с коренным населением, особенно с кочевниками, во время сезонных перекочевков последних между равнинными зимними и высокогорными летними пастбищами.

Шемахинская этнотерриториальная группа представлена молоканскими селениями, среди жителей которых были также субботники и баптисты. Селения Чухурюрт, Кировка (Марьевка), Хильмили, Астраханка, Алтыгач, Новоастраханка, Дзержиновка (Джебаны), Дмитриевка, Маразы образуют компактный ареал в среднегорной и верхней части низкогорной полосы на южном и юго-восточном склонах Большого Кавказа, непосредственно к северу и северо-востоку от г. Шемаха. В начале 1920-х гг. на предгорной равнине возник отсёлок из Чухурюрта – Чоль. К ним примыкает крупное село Ивановка, в верхней части низкогорий у г. Исмаиллы, находящееся на расстоянии 50 км по прямой от Чухурюрта, и два отсёлка из Ивановки

на предгорной равнине – Кулулу и Карамарьян. В 1886 г. в двух последних равнинных селах проживало ≈215 чел., в пяти низкогорных (800–950 м над у.м.) ≈5650 чел. (Маразы, Ивановка, Хильмилли, Джебаны, Дмитриевка), в четырех среднегорных (1000–1350 м над у.м.) ≈4635 чел. (Чухурюрт, Марьевка, Астраханка, Алтыагач); Новоастраханка и Чоль возникли позже.

Гянджинская этнотерриториальная группа состоит из четырёх духоборческих (Славянка, Ново-Троицкое, Ново-Горелое, Ново-Спасское) и двух молоканских, с субботниками и баптистами, селений (Новосаратовка, Новоивановка), составляющих относительно компактный ареал внутри среднегорий Малого Кавказа (1150–1550 м над у.м.) к юго-западу от г. Гянджа. К ним тяготеют также среднегорные молоканские села Тан Молоканский и Русские Борисы (примерно 30 км по прямой от Ново-Спасского). В 1886 г. в этих селениях (без учета Тана Молоканского) проживали ≈5110 чел.

Южно-муганская этнотерриториальная группа включает в себя расположенные на предгорной равнине субботническое село Привольное и молоканские, с баптистами и субботниками, селения Новоголовка (Новоголка), Андреевка, Астраханка, Николаевка, Пришиб (шесть селений, в которых в 1886 г. проживали ≈6275 чел.). К ним примыкают, на расстоянии 20–30 км по прямой, старообрядческие селения Вельские хуторки и Вель (144 чел.), однако особых социальных связей в XIX в. между старообрядцами и, с другой стороны, молоканами, субботниками и баптистами, не было.

Приведенные выше сведения по численности населения на 1886 г. [расчеты автора, исходные сведения см.: 11] можно сравнить с данными на 1844 г. [расчеты автора, исходные сведения см.: 12]. Если выделить селения, которые существовали в 1844 г. и сохранились в 1886 г., то окажется, что за период в 42 года рост численности населения пяти равнинных южно-муганских и шемахинских селений (Николаевка, Пришиб, Привольное, Кулулу, Карамарьян) составил ≈135% (до 4500 чел.), а в пяти горных селениях (Чухурюрт, Алтыагач, Хильмили, Джебаны, Борисы) из шемахинского и гянджинского ареалов ≈425% (до 6260 чел.). Столь существенная разница объясняется различными масштабами притока переселенцев из внутренних губерний России, переселением части жителей из равнинных сел в горные, а также различиями в темпах естественного прироста между равнинными селами и горными в пользу последних из-за пониженной смертности. При этом в 1870-е гг. часть жителей, в том числе из горных селений, переселилась во вновь присоединенную Карсскую область.

Интересные данные имеются за период 1886–1897 гг., когда приток населения из внутренних губерний России полностью прекратился. За эти 11 лет увеличение населения в пяти равнинных южно-муганских селах (без Андреевки) было равно ≈11%, в восьми горных шемахинских (без Дмитриевки) – ≈3%, в пяти горных гянджинских (без Ново-Троицкого и Ново-Спасского) – ≈12% [расчеты автора, исходные сведения на 1897 г. см.: 13]. Такой резкий контраст в демографических процессах по сравнению с периодом 1844–1886 гг. можно, видимо, объяснить тем, что по мере накопления опыта жизни на субтропических равнинах Азербайджана, в том числе в отсёлках горных селений, у русских крестьян-старожилов почти выровнялись показатели смертности в горных и равнинных селениях. Более высокий агропотенциал равнин привел к изменению приоритетной направленности миграций – в конце XIX в. миграционный прирост стали демонстрировать как равнинные, так и горные селения, если они отличались многоземельем и лучшими условиями для развития хозяйства.

Динамика численности основных этнотерриториальных групп русского старожильческого сельского населения в горных и равнинных районах Азербайджана в 1840–1890-е гг., на протяжении примерно 60–65 лет, свидетельствует о скорости адаптивных процессов. Примерно за полвека культура переселенцев и их потомков претерпела весьма значительные адаптивные трансформации. К концу XIX в. первоначально резко неблагоприятные для их здоровья по природно-климатическим условиям субтропические предгорные равнины превратились, в силу гораздо более высокого агропотенциала таких районов, в территории с высокими темпами роста численности старожильческого русского сельского населения вследствие сочетающегося эффекта естественного и механического прироста. Из-за смены политики властей по отношению к крестьянам-переселенцам в 1849 г. с ограничительной на лояльную, а также благодаря собственным усилиям последних, принципиально изменилась и система расселения русских старожилов в регионе – во второй половине XIX в. русские поселенцы сформировали три этнотерриториальные группы и в большинстве своем превратились в жителей горных районов.

Источники и литература

1. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX – XX вв.) // Советская этнография. 1988. № 6. С. 38.
2. Ямсков А.Н. Содержание этноэкологического понятия «этнотерриториальная группа населения» и аналогии в археологии и культурной географии // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред.: Тихомиров К.Н., Томилов Н.А. Алматы-Омск: Наука, 2004. С. 64–65.

3. Полевые материалы А.Н. Ямскова (тетради № 1–9) // Архив ИЭА РАН (г. Москва), фонд «Комплексной межинститутской этноэкологической экспедиции по изучению русских поселенцев на Кавказе» (1986–1992 гг.).
4. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. 901 с.
5. Ямсков А.Н. Эволюция форм скотоводства у русских старожилов в Азербайджане // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы / Ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 116.
6. Yamskov A.N. Environmental Conditions and Ethno-Cultural Traditions of Stock-Breeding. (The Russians in Azerbaijan in the 19th and Early 20th Centuries). Moscow: Nauka, 1988. P. 3 [Institute of Ethnography: Papers, presented at the 12th ICAES. Zagreb, Yugoslavia, July 24–31, 1988].
7. Полевые материалы А.Н. Ямскова.
8. Записка о русских переселенцах-сектантах в Каспийской области // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 284–285.
9. Долженко И.В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX – начало XX вв.). Ереван: изд. АН АрмССР, 1985. С. 23.
10. Исмаил-Заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е гг. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1982. С. 38, 40, 44.
11. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. 901 с.
12. Записка о русских переселенцах-сектантах в Каспийской области // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 285.
13. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. 399 с.

В.А. Семенов*

Этнодисперсная группа коми-зырян в г. Кунгуре Пермской губернии в конце XIX века (по Переписи 1897 года)

В статье по данным переписи 1897 г. рассматриваются этнический состав населения г. Кунгур Пермской губернии, уровень грамотности и конфессиональная принадлежность различных этнических групп, группа коми-зырян характеризуется также по профессиональной принадлежности.

Ключевые слова: Пермская губерния, коми-зыряне, перепись 1897 г.

V.A. Semenov

Ethno-dispersed group of Komi-Zyryans in Kungur, Perm province at the end of the XIX century (according to the Census of 1897)

In the article, according to the census of 1897, the ethnic composition of the population of Kungur of the Perm province is examined, the level of literacy and religious affiliation of various ethnic groups is characterized, and the Komi-Zyrian group is also characterized by professional affiliation.

Key words: Perm province, Komi-Zyryans, census of 1897

Исследователи отмечают, что в результате правительственной этнополитики и усилившихся миграций в течение второй половины XIX в. максимально усложнилась этническая структура городского населения Пермской губернии. В то же время в Пермской губернии складываются постоянные ареалы расселения различных народов, их границы приобретают стабильность, а этническая структура губернии отражает соотношение народов, исторически ее населявших (Чагин 2002: 28). Наравне с русскими в городах по-прежнему проживали представители почти всех исторически сложившихся народов Прикамья. Вместе с тем в этническом составе городов выделились три основные составляющие: преобладающее русское население, исторические (коми-пермяки, коми-зыряне, татары, башкиры) и пришлые (поляки, евреи, немцы, украинцы, белорусы) народы (Козлова 2011: 73).

Наиболее полные и точные сведения об этническом составе населения г. Кунгура содержатся в «Первой всероссийской переписи...» 1897 г., согласно которой в Пермской губернии насчитывалось 4474 коми-зырян (3 290 муж. и 1 184 жен.), что составляло 0,15% от общей численности населения губернии (табл. 1).

Таблица 1

Коми-зыряне в уездах Пермской губернии по Переписи 1897 г.

Всего в Пермской губернии	Верхотуровский уезд	Чердынскй уезд	Кунгурскй уезд
4474	1466	1121	745

(9 муж. и 11 жен.), Ирбите – 39 (19 муж. и 10 жен.), Камышлове – 2 (1 муж. и 1 жен.), Красноуфимске – 29 (14 муж. и 15 жен.), Кунгуре – 476 (216 муж. и 260 жен.), Осе – 20 (6 муж. и 14 жен.), Соликамске – 18 (1 муж. и 17 жен.), Чердыни – 60 (49 муж. и 11 жен.), Шадринске – 31 чел. (16 муж. и 15 жен.). В целом городское коми-зырянское население составляло 16,5% от численности всех зырян, находившихся на территории губернии, в то время как в Вологодской губернии зыряне, проживавшие в городах, составляли 3,5% от общей своей численности, в Архангельской – 3,3% (Вишнякова 2010: 49).

Как и во всех городах Прикамья, в Кунгуре преобладало русское население – до 93%. Финно-угорские народы (коми-пермяки, коми-зыряне, удмурты и марийцы)

Всего в различных городах Пермской губернии проживал 741 коми-зырянин (356 муж. и 385 жен.): в г. Перми насчитывалось 47 чел. (16 муж. и 31 жен.), в Верхотурье – трое мужчин, Алопаевске – шестеро мужчин, в Екатеринбурге – 20 чел.

Таблица 2

Этнический состав населения г. Кунгур в 1897 г.

Русские	Коми-зыряне	Татары	Евреи	Поляки	Башкиры	Украинцы	Немцы
13404	476	203	85	40	25	20	7

* Семенов Виктор Анатольевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

составляли не более 4% городского населения. Вместе с тем, по сравнению с другими народами, в г. Кунгуре более заметна была доля коми-зырян – 3,3% (Перепись 1897: 2) (табл. 2).

Исследователи отмечают, что к середине XIX в. в г. Кунгуре сложились четкие взаимосвязи между этнической и конфессиональной принадлежностью, а также между этнической принадлежностью и социальным положением (Козлова 2011: 127). Примечательно, что в Переписи 1897 г. все коми-зыряне были причислены к русскоязычным православным христианам (табл. 3).

Среди всех коми-зырян, живущих в

Таблица 3

Конфессиональная принадлежность финно-угорских народов, населяющих г. Кунгур по Переписи 1897 г.

Православные	Нехристиане
448 чел.	Нет

г. Кунгуре, грамотными на русском языке было 16%. У коми-зырян грамотность мужчин превышала женскую в 4 раза. В целом, в г. Кунгуре общий уровень грамотности среди коми-зырян был такой же низкий, как у татар и башкир. Вероятно, это обусловлено тем, что эти этнические группы были представлены в основном крестьянами. Примечательно, что среди коми-зырян не было ни одного человека с высшим образованием (табл. 4, 5).

Таблица 4

Грамотность среди представителей финно-угорских народов, проживавших в г. Кунгуре в конце XIX в. (по полу), чел.

Все	Мужчины	Женщины
87	65	23

В г. Кунгуре доля коми-зырян, которые служили в общественных и государственных учреждениях, была незначительной – 1,2%.

Таблица 5

Грамотность народов, проживавших в г. Кунгуре в 1897 г. (в % к численности этнических групп)

Народы	Грамотные на русском языке	Грамотные на родном языке
Русские	41,4%	
Украинцы	45%	Нет
Поляки	50%	10%
Немцы	28%	Нет
Евреи	55%	5,8%
Зыряне	16,3%	Нет
Башкиры	Нет	4%

Таблица 6

Распределение коми-зырян, живущих в г. Кунгуре, по роду занятий в 1897 г., чел.

Общественная, государственная служба	3
Духовенство	3
Прислуга	64
Сельское хозяйство	4
Промыслы	29
Обрабатывающая промышленность	71
Химическая промышленность	3
Обработка пищевых продуктов	3
Изготовление одежды	18
Строительство, ремонт	9
Транспорт	1
Торговля	5

ского населения: 2094 чел. (1634 муж. и 460 жен.), вдовые составляли 4%: 178 чел. (47 муж. и 131 жен.), в разводе числилась одна коми-зырянка, также двое мужчин и одна женщина не указали своего семейного положения. Таким образом, около половины зырянского населения губернии составляли холостые и девицы (в эту категорию включались также лица, еще не достигшие брачного возраста), чуть менее половины составляли лица, находящиеся в браке (Вишняков 2011: 50).

Вовлеченность в сложную этническую структуру городских жителей Пермской губернии, стирание этнической замкнутости, тесные контакты с иноязычным населением определенным образом повлияли как на демографическое, так и на хозяйственное и культурное развитие этнодисперсной группы коми-зырян, живущих в г. Кунгуре в конце XIX в.

В занятиях различными промыслами доля коми-зырян составляла 11,6%. В Кунгуре отмечен высокий процент коми-зырян занятых в промышленности – 42,5%. Значительная часть коми-зырян работала прислугой – 25,7%. Торговлей занималось всего 9,6% коми-зырян. В сельском хозяйстве было занято 13,2% коми-зырян, живущих в Кунгуре (табл. 7).

Материалы переписи 1897 г. позволяют также рассмотреть и вопрос, касающийся семейного состояния коми-зырянского населения Пермской губернии. Статистики, как правило, выделяют три его вида: никогда не состоявшие в браке, вдовые и разведенные. Зыряне, никогда не состоявшие в браке, составляли 49% от общей своей численности по Пермской губернии и насчитывали 2198 чел. (1607 муж. и 591 жен.), в браке находилось 46% зырян-

Таблица 7

Основные виды деятельности коми-зырян в г. Кунгур в 1897 г., %

Непроизводительные	5,9
Промышленность	42,5
Прислуга	25,7
Торговля	9,6
Сельское хозяйство	13,2

Источники и литература

Вишнякова Д.В. Коми-зыряне Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г. // Историческая демография. Научный журнал. 2010. № 1 (5). С. 48–52.

Козлова В.Ю. Город и городское население Пермского Прикамья второй половины XIX в. в социальном, культурном и этническом измерениях: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2011. 355 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 31. Пермская губерния. Спб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел., 1904. XII, 301 с.

Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 28–29.

Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007.

А.М. Таскаев*

Социально-демографические показатели городского населения Коми края в 1920-е годы

В данной статье рассматривается комплекс социально-демографических показателей городского населения Коми края в 1920-е гг. Анализируются данные демографических переписей: Всероссийской переписи населения 1920 г., Всесоюзной городской переписи населения 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., переписи неграмотных и малограмотных по Северному краю 1929 г. Изучаются следующие показатели: количество городского населения, грамотность, гендерная структура, возрастная структура.

Ключевые слова: Коми край, 1920-е гг., перепись населения, городское население, грамотность, гендерная структура, возрастная структура

A.M. Taskaev

Socio-demographic indicators of the urban population of Komi region in the 1920s

This article deals with a complex of socio-demographic indicators of the urban population of Komi region in the 1920s. The data of demographic censuses are analyzed: the All-Russia Population Census of 1920, the All-Union Urban Census of 1923, the All-Union Population Census of 1926, the Census of Illiterates and Semi-Literates in Northern region of 1929. The following indicators are studied: the number of urban population, literacy level, gender structure, age structure.

Key words: Komi region, 1920s, population census, urban population, literacy, gender structure, age structure

В 1920-е гг. к горожанам себя могли отнести жители г. Усть-Сысольска и двух рабоче-заводских поселков Кажим и Ньючим, которые получили свой статус лишь после 7 ноября 1917 г. [1].

В 1920 г. по состоянию на 28 августа была проведена Всероссийская перепись населения, распространявшаяся на сельскую местность, города и поселения городского типа. Основным формуляром переписи являлся личный листок, в который входили следующие сведения: фамилия, имя, отчество; пол; возраст; национальность и родной язык; место рождения; семейное положение; грамотность; образование; участие в войнах; занятость; физическое и психическое здоровье. При переписи учитывалось наличное население, т. е. которое присутствовало в хозяйстве в день переписи, включая грудных младенцев.

По данным переписи население Усть-Сысольска в 1920 г. составляло 2813 чел. (1300 муж. и 1513 жен.), Кажима – 823 чел. (378 муж. и 445 жен.), Ньючима – 593 чел. (271 муж. и 322 жен.). Всего – 4229 чел. [2], что составляло 2,23% от всего населения Коми края.

15 марта 1923 г. была произведена Всесоюзная городская перепись населения, которая производилась личным опросом населения счетчиками путем обхода домов и квартир. Перепись учитывала только наличное население. По данным переписи население Усть-Сысольска составляло 4353 чел. (2212 муж. и 2141 жен.), Кажима – 919 (443 муж. и 476 жен.), Ньючима – 652 (324 муж. и 328 жен.) [3]. Всего – 5924 чел., что составляло 2,83% от всего населения Коми края.

В 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения, которая учитывала наличное население в ночь с 16 на 17 декабря 1926 г. и проходила методом опроса. Основным формуляром переписи служил личный листок, который составлялся на каждого жителя (включая грудных детей). По данным переписи население Усть-Сысольска составляло 5068 чел. (2510 муж. и 2558 жен.), Кажима – 982 (472 муж. и 510 жен.), Ньючима – 720 (344 муж. и 376 жен.) [4]. Всего – 6770 чел., что составляло 3,27% от всего населения Коми края.

14 октября 1929 г. была проведена перепись неграмотных и малограмотных по Северному краю. Переписи подлежали все неграмотные и малограмотные в возрасте от 12 до 50 лет. В материалах переписи содержатся данные об общем количестве населения по округам, районам и сельсоветам. По данным переписи

* Таскаев Александр Михайлович (Сыктывкар) – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ РАН, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26, amtaskaev@mail.ru.

население Усть-Сысольска составляло 8590 чел. (4096 муж. и 4494 жен.), Кажима – 921 (435 муж. и 486 жен.), Ньючима – 792 (364 муж. и 428 жен.) [5].

Таким образом, можно говорить о росте числа городского населения. С 1920 г. к 1923 г. городское население увеличилось на 1695 чел. (на 1030 муж. и 665 жен.). Такой перевес объясняется возвращением мужчин из рядов армии. С 1923 г. к 1926 г. городское население увеличилось на 846 чел. (на 347 муж. и 499 жен.). С 1926 г. к 1929 г. городское население увеличилось на 3533 чел. (на 1569 муж. и 1964 жен.). Такой рост числа городского населения обусловлен вхождением части Кодзвильской волости в состав г. Усть-Сысольска. Общий рост городского населения можно связать с развитием промышленности, урбанизацией в 1920-е гг. С 1920 г. к 1926 г. доля городского населения выросла с 2,23 до 3,27%, почти в полтора раза. Соотношение полов с 1920 г. к 1929 г. несколько выровнялось: с 46,09% мужчин и 53,91% женщин к 47,51% мужчин и 52,49% женщин. При этом в 1923 г. мужчин даже было больше, чем женщин.

Рассмотрим далее возрастной состав городского населения и уровень грамотности. Данный анализ возможно провести по материалам переписей 1920 и 1926 гг.

Рис. 1. Подсчитано и составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 319

Рис. 2. Подсчитано и составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1

На рис. 1 и 2 представлено распределение городского населения по возрастным группам среди мужчин и женщин. Наиболее заметны различия в возрастной группе мужчин 20–29 лет. Рост количества мужчин этой

возрастной группы к 1926 г. можно связать с демобилизацией. За исключением данной группы, графики распределения получаются схожими.

Рис. 3. Подсчитано и составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 319

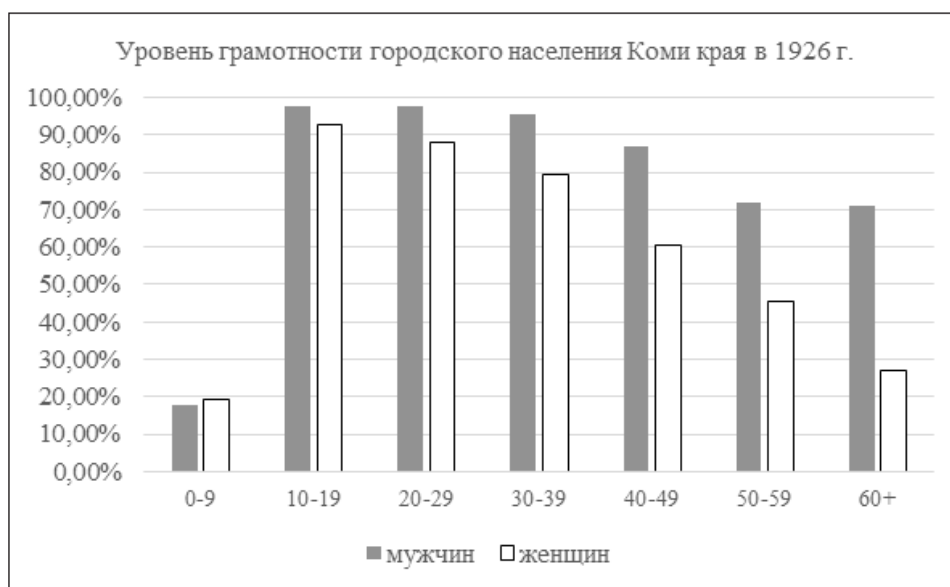

Рис. 4. Подсчитано и составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1

На рис. 3 и 4 представлено распределение уровня грамотности по возрастным группам среди мужчин и женщин. При переписи 1920 г. по вопросу о грамотности в личном листке были три пункта: на русском читает и пишет или только читает; на другом языке (и на каком) читает и пишет или только читает; неграмотен.

Уровень грамотности населения Усть-Сысольска составил 67,27% (72,52% среди мужчин и 62,77% среди женщин). Население города состояло на 74,46% из зырян и на 25,33% из русских. Среди зырян грамотных было 63,87% (70,76% среди мужчин и 57,78% среди женщин); среди русских – 77,88% грамотных (76,57% среди мужчин и 77,15% среди женщин). Следует отметить, что уровень грамотности среди русских у мужчин и женщин был примерно одинаковым. Население Кажима состояло на 99,3% из русских. Грамотность всего населения Кажима составляла 51,7% (62,6% среди мужчин и 42,5% среди женщин). Население Ньючима состояло на 95,2% из русских и 4,8% из зырян. Грамотных всего было 46,5% (55,04% среди мужчин и 40,47% среди женщин). Общий уровень грамотности городского населения в 1920 г. составил 56,1% (64% среди мужчин и 49,4% среди женщин) [6].

При переписи 1926 г. было принято следующее понимание грамотности: «умеющими читать считаются разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам, умеющими писать – кто может подписать свою фамилию»; «лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, должны быть записаны как вовсе неграмотные».

Уровень грамотности населения Усть-Сысольска составил 74,25% (80,4% среди мужчин и 68,22% среди женщин). Население города состояло на 68,78% из зырян и на 29,81% из русских. Среди зырян грамотных было 72,03% (78,81% среди мужчин и 65,54% среди женщин); среди русских – 79% грамотных (83,55% среди мужчин и 74,43% среди женщин). Население Кажима состояло на 96,44% из русских. Грамотность всего населения Кажима составляла 61,71% (66,53% среди мужчин и 57,25% среди женщин). Население Ньючима состояло на 91,94% из русских и 8,06% из зырян. Грамотных всего было 57,78% (62,79% среди мужчин и 53,19% среди женщин). Общий уровень грамотности городского населения в 1926 г. составил 65% (72,2% среди мужчин и 58,3% среди женщин) [7].

Уровень грамотности городского населения вырос на 8,9% с 1920 г. к 1926 г. Наиболее заметно уровень грамотности вырос у мужчин среди возрастных групп от 30 лет, у женщин – от 20 лет. На рост уровня грамотности повлияли программа ликвидации неграмотности, проводимая в 1920-е гг., строительство школ, библиотек и изб-читален.

Таким образом, материалы Всероссийской переписи населения 1920 г., Всесоюзной городской переписи населения 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., переписи неграмотных и малограмотных по Северному краю 1929 г. дают возможность анализировать социально-демографические показатели населения Коми края в 1920-е гг. и делать следующие выводы.

В 1920-е гг. количество городского населения выросло с 4229 до 10303 чел. Помимо роста числа жителей Усть-Сысольска за счет присоединения к городу части Кодзвильской волости, следует выделить внутреннюю миграцию, связанную с развитием промышленности в 1920-е гг., и возвращение мужчин из армии. Диспропорция в гендерной структуре несколько сгладилась за период, рассматриваемый в данной статье. Соотношение 46,09% мужчин и 53,91% женщин в 1920 г. изменилось к 47,51% мужчин и 52,49% женщин в 1929 г. При этом в 1923 г. мужчин даже было больше, чем женщин.

Распределение населения по возрастным группам в 1920 и 1926 гг. имело схожую структуру. Наиболее заметны различия в возрастной группе мужчин 20–29 лет. Рост количества мужчин этой возрастной группы к 1926 г. можно связать с демобилизацией.

Уровень грамотности городского населения вырос на 8,9% с 1920 г. к 1926 г. Наиболее заметно уровень грамотности вырос у мужчин среди возрастных групп от 30 лет, у женщин от 20 лет. Наиболее заметно уровень грамотности вырос среди всего населения рабоче-заводского поселка Ньючим и среди женщин поселка Кажим.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 140. Оп. 2. Д. 252. Л. 12.
2. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1623. Л. 2; Д. 288. Л. 98–05.
3. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 277. Л. 13; Оп. 2. Д. 216. Л. 4.
4. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.
5. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1623. Л. 2; Д. 458. Л. 4.
6. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 319; Д. 352. Л. 1, 5.
7. НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1; Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.

Н.М. Игнатова*

Принудительные миграции в рамках модернизационного подхода

В статье рассматриваются принудительные миграции периода 1930–1950-х гг. в ракурсе модернизационных преобразований общества в экономической и социально-демографической сферах. Принудительные миграции были составляющим компонентом демографического сдвига в регионах вселения, то есть изменения количества, состава и распределения населения. В северных регионах потоки принудительных миграций на протяжении 1930–1950-х гг. привели к резкому увеличению населения, изменению этнического и социального состава населения, появлению новых типов поселений.

Ключевые слова: принудительные миграции, спецпереселенцы, модернизация, индустриализация, демографический переход, демографический сдвиг, северные регионы

N.M. Ignatova

Forced migrations in the framework of the modernization approach

The article considers forced migrations in the perspective of modernizing society transformations in the economic and social-demographic spheres. Forced migrations were a component of the demographic shift in the regions of migration, that is, changes in the number, composition and distribution of the population. In the northern regions, the flow of forced migrations throughout the 1930s and 1950s led to a sharp increase in the population, a change in the ethnic and social composition of the population, led to the emergence of new types of settlements.

Key words: forced migrations, forced settlers, modernization, industrialization, demographic transition, demographic shift, northern regions

Процесс модернизации общества представляет сложное многовариативное системообразующее явление, сопровождающееся изменениями во всех сферах и знаменующее переход от традиционного уклада к индустриальному развитию. Ряд исследователей при характеристике общих модернизационных преобразований выделяют особенные черты и различные факторы, повлиявшие на реализацию модернизации в России. В частности, В.В. Побережников отмечает, что в модернизационных исследованиях недостаточно внимания уделяется пространственно-региональным характеристикам модернизации, при этом в выстраивании территориального каркаса России существенную роль играли миграции, колонизации и смешения в расселении народов, в итоге регионы различаются административно-управленческими, хозяйственными и этнокультурными ландшафтами, что создает предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации [1, с. 19, 20].

Принудительные миграции 1930–1950-х гг. в рамках модернизационного подхода необходимо рассматривать через призму экономических и демографических составляющих. Термин «принудительные миграции», введенный исследователем П.М. Поляном, является объединяющим для всех насильственных переселений и депортаций в период массовых репрессий. Принудительные миграции – это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения. Прямое принуждение подразумевает насильственные миграции, когда государство с откровенно репрессивным (карательным) характером воздействует на гражданина. Определяющими особенностями насильственных переселений являются их административный (внесудебный) характер и направленность не на индивидуального гражданина, а на группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ–НКВД–КГБ и ряда других ведомств [2]. Насильственные переселения, начавшиеся в период коллективизации, носили экстенсивный характер и имели «размашистые планы» колонизации Севера и других отдаленных местностей, а также конкретные проекты развития регионов [3].

* Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий сектором Историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ignatova11@rambler.ru.

Основное внимание в большинстве концепций модернизации уделяется индустриализации и трансформации системы хозяйства. Индустриализация в северных трудodefицитных регионах, обладающих огромными природно-сырьевыми ресурсами, осуществлялась преимущественно за счет принудительных миграций, создания лагерей ГУЛАГа и других принудительных мер. Регионы, куда заселялись спецпереселенцы, испытывали в них особую заинтересованность, так как не обладали достаточными трудовыми ресурсами, а спецпереселение считалось крайне эффективной с экономической точки зрения операцией. Отрасли народного хозяйства были обеспечены даровой рабочей силой.

Изучение насильственных переселений со стороны регионов вселения позволяет говорить о том, что экономические потребности государства и освоение малозаселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов с течением времени стали главной целью политики спецпереселения. Лесозаготовительная и лесоперерабатывающая отрасли промышленности северных регионов вышли на индустриальный уровень за счет периодических вливаний новой рабочей силы в лице спецпереселенцев [4, с. 433–449]. В частности, в Республике Коми в 1933 г. спецпереселенцы составили 81% от числа кадровых рабочих треста «Комилес» [5].

В Архангельской области спецпереселенцы также преимущественно использовались на лесозаготовках. Как отмечает исследователь В.И. Коротаев, спецпереселенцы рассматривались «как кадры для форсированных лесозаготовок», около 90% спецпереселенцев было занято на работах в лесу. Кроме этого, они были задействованы на строительстве Архангельского целлюлозно-бумажного комбината и других целлюлозных и лесопильных заводов, Судостроя, гидросооружений, железных и автомобильных дорог, на рыболовных промыслах [6, с. 33, 39, 51].

В Мурманской области спецпереселенцы сыграли исключительную роль на строительстве промышленного гиганта Северного горно-химического треста «Апатит». По данным исследователя В.Я. Шашкова, за период 1930–1935 гг. население города Хибиногорск (Кировск), которое было занято на работах треста, увеличилось с 1 тыс. до 36 957 тыс. чел., в том числе спецпереселенцев с 918 до 21 325 чел. Спецпереселенцы составляли в этот период от 55 до 72,5% от общего числа жителей города. Они также были заняты на возведении Нивской ГЭС, в Мурманском рыбтресте. Как отмечает исследователь, спецпереселенцы сыграли решающую роль в развитии передовых отраслей народного хозяйства в 1930-е гг. в регионе [7, с. 167–174].

Спецпереселенцы продолжали играть решающую роль в формировании кадровых рабочих промышленных предприятий в северных регионах до середины 1950-х гг. Несмотря на освобождение некоторых категорий спецпереселенцев, их общее число оставалось исключительно высоким. В 1949–1953 гг. общая численность находящихся на спецпоселении в СССР превышала 2 млн. чел., при этом имела тенденцию к увеличению численности в этот период. На Европейском Севере численность насильственно высланных росла в регионах лесозаготовительной промышленности, так как именно эта отрасль имела системный недостаток в рабочих руках и постоянный рост государственных плановых заданий (см. таблицу).

**Численность спецпереселенцев
(спецпоселенцев и выселенцев) 1949–1953 гг.**

№ п/п	Регион	Дата	1.01.1949	1.01.1952	1.07.1953
	СССР, в том числе		2 300 223	2 737 398	2 761 281
1	Коми АССР		31 315	30 537	34 867
2	Архангельская обл.		16 869	17 396	17 575
3	Вологодская обл.		10 363	9 922	10 137
4	Карело-Финская ССР		7 564	6 299	1 951
5	Мурманская обл.		3 887	2 970	1 400

Составлено по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 164–166; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7-ми томах / Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 674, 675.

Если говорить о демографических составляющих модернизации, то следует сказать о том, что основным социальным компонентом модернизации является демографический переход. Как отмечает В.Б. Жиромская, одной из особенностей демографического перехода в России была значительная и сохранявшаяся в течение длительного хронологического периода роль в воздействии на демографические процессы факторов экзогенного порядка. Насильственные миграции входят в ряд внешних факторов воздействия на снижение рождаемости [8, с. 19].

Осуществление первого пятилетнего плана, коллективизация и ускоренная индустриализация сопровождались подъемом смертности. Насильственные переселения в ходе коллективизации привели к смертности около 300 тыс. спецпереселенцев [8, с. 118]. Подъем уровня смертности продолжался до 1933 г., когда в стране фиксировался массовый голод. В итоге людские потери в 1933 г. составили 2,4 млн. чел. [9].

Помимо влияния в целом на демографический переход, принудительные миграции также повлияли в регионах вселения на миграционный переход, который является составляющим компонентом демографического перехода. Здесь можно говорить о второй фазе миграционного перехода, когда происходит массовая

миграция из сел в города. Организация лесозаготовительных поселков спецпереселенцев и крупных предприятий в городах со спецпереселенцами в основе кадровой рабочей силы повлияли на отток постоянного населения из сел и деревень, особенно в 1940–1950-е гг. Основная причина состояла в том, что на предприятиях, в отличие от колхозов, выплачивалась зарплата.

Следует отметить, что принудительные миграции были не только фактором, оказавшим значительное влияние на демографический и миграционный переходы постоянного населения в ходе модернизационных преобразований. Принудительные миграции были непосредственной составляющей демографического сдвига в регионах в 1930–1950-е гг., то есть изменений в количестве, составе и распределении населения [10, с. 16]. В современном мире под социально-демографическими сдвигами понимаются глобальная миграция и быстрое изменение этнического состава западных стран и России [11].

Влияние принудительных миграций в 1930–1950-е гг. на количество, состав и распределение населения, в частности в северных регионах, было определяющим. Насильственные миграции являются основным фактором изменения численности и этнического состава населения Республики Коми. До начала заселения спецпереселенцев и организации лагерей ГУЛАГа в 1929 г. численность населения республики составляла 237 тыс. чел., численность спецконтингентов – 2,3 тыс. чел. или 1,0%, к 1941 г. показатель удельного веса спецпереселенцев и заключенных в общей доле населения достиг максимального значения 48,4%, 286 тыс. чел. спецконтингентов из 591,4 тыс. чел. населения [12, с. 159]. За период 1926–1989 гг. республика имела самый высокий среди всех союзных и автономных республик показатель снижения удельного веса коренного этноса в общем составе населения (с 92,2% в 1926 г. до 23,3% в 1989 г.). До 1939 г. коми составляли подавляющее большинство населения республики – 72,5%. По переписи 1959 г. коми стали этническим меньшинством (30,1%), самой большой группой стали русские (48,6%), другие национальности составляли 22,3%. Доля горожан увеличилась с 1939 по 1959 г. с 9 до 59%. Все городские поселения развивались с преобладающей долей русского населения [13, с. 112, 117; 14, с. 24, 26].

Принудительные миграции на Ямал, по мнению Н.А. Михалева, положили конец существованию края в рамках традиционной системы. Исследователь отмечает, что вселение в начале 1930-х гг. в округ спецпереселенцев не только послужило средством развития хозяйства региона, но и оказало непосредственное влияние на численность и национальный состав его населения. Происходившие в это время изменения получили наиболее полное отражение в материалах переписи 1939 г. Согласно им, удельный вес автохтонного населения снизился до 51,3%. Впечатляющие темпы роста общей численности населения округа – за период 1926/27 – 1939 гг. оно увеличилось на 238% (с 13 572 до 45 840 чел.) – достигались главным образом за счет принудительных миграций. Одним из последствий стало возрастание численности всегда являвшегося меньшинством русского населения, доля которого до этого не превышала 10%, в 1939 г. составила 42,3% всего населения региона [15, с. 156].

Исследователь Л.И. Вавулинская отмечает, что активные миграционные процессы, в том числе принудительные миграции, в 1940–1950-е гг. вели к изменению этнокультурного и демографического облика территории Республики Карелия. Общая тенденция изменения этнического состава населения в указанный период заключалась в росте численности русского, украинского и белорусского населения и сокращении численности карелов и вепсов [16, с. 62]. Принудительные миграции в Архангельскую область и Ненецкий национальный округ привели, по мнению В.И. Каратаева, к демографическому кризису, который отразился на судьбе поморов и ненцев, их традиционных занятиях и культуре. Вследствие промышленного развития территорий они были вытеснены к побережью Белого и Баренцева морей. Поморы сосредоточились в рыболовецких колхозах, постепенно утрачивая традиции самобытного хозяйства. Оленеводческие колхозы меняли жизнь ненцев-кочевников, переходивших к оседлому образу жизни [6, с. 115].

Интересно мнение исследователя С.А. Иванова, который, анализируя депортацию калмыков в Западную Сибирь, в том числе в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, отмечает, что советской властью проводилась существенно видоизменившаяся, но в своей основе унаследованная с царских времен «политика населения». Насильственные методы специальных мероприятий «политики населения» и попрание правовых норм придавали действиям государства репрессивный характер, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям [17, с. 115].

В целом, внутренние насильственные переселения в СССР затронули, по данным П.М. Поляна, 6 млн. чел. Как отмечает исследователь, принудительные миграции такого масштаба оказали весьма заметное влияние на всю систему населения бывшего Советского Союза. Резко нарушив или задержав естественный ход демографического развития этносов, принудительные миграции сказались на макропропорциях расселения страны и способствовали последовательному смещению центра тяжести населения СССР сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях. В регионах прибытия спецпоселенцы нередко составляли весьма значительную часть населения. Происходило интенсивное этническое перемешивание прибывших с коренным населением, в том числе и в результате смешанных браков [18].

Если говорить об изменении в распределении населения, то следует отметить, что в северных лесозаготовительных регионах в 1930-е гг. появился массовый тип новых поселений – спецпоселки, ставшие в 1950-е гг. лесными промышленными поселками лесозаготовителей. В социально-демографическом плане поселки лесозаготовителей во второй половине XX в. представляли особый социально-культурный многонациональный конгломерат людей, обладающий своими специфическими чертами. При этом следует отметить, что, несмотря на удаленность от основных путей сообщения, бывшие спецпоселки были жизнеспособными поселениями, так как силами самих спецпереселенцев были построены школы, детские сады, библиотеки, клубы, магазины, больницы, детские дома, инвалидные дома и другие учреждения.

В итоге следует сказать, что принудительные миграции, производившиеся государством в 1930–1950-е гг. в ходе модернизационных преобразований, необходимо рассматривать в экономическом и демографическом аспектах. С точки зрения экономики показательны северные регионы, где за счет принудительных миграций был осуществлен индустриальный рывок и началось формирование промышленного потенциала. Принудительные миграции были фактором влияния на демографический и миграционный переходы постоянного населения. В рамках теории модернизации наиболее всесторонним подходом, на наш взгляд, будет изучение принудительных миграций как составляющего компонента демографического сдвига, то есть изменений количества, национального и социального состава населения, его географического и поселенческого распределения.

Литература и источники

1. *Побережников И.В.* Теоретико-методологические подходы в изучении российских модернизаций: итоги и перспективы // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008.
2. *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. URL: <http://old.memo.ru/history/deport/>
3. *Полян П.М.* География насильственных миграций в СССР // Население и общество. Информационный бюллетень центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1999. Июнь. № 37. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps37.pdf>
4. *Игнатова Н.М.* Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950 гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. Материалы Международной научной конференции (28–29 октября 2011 г., Москва). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013.
5. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.П-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 9.
6. *Коротяев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы XX века. Архангельск, 2004.
7. *Шашков В.Я.* Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Мурманск, 1996.
8. *Жиромкая В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.
9. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Демографическая история России: 1917–1959 // Население и общество. Информационный бюллетень центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1998. Октябрь. № 31. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps31.pdf>
10. *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
11. *Пантин В.И.* Социально-демографические и цивилизационные сдвиги в современном мире: причины и следствия // История и современность. 2014. Вып. №1 (19). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/243803/>
12. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3.
13. *Безносова Н.П.* Процессы языковой и этнической ассимиляции коренного этноса республики Коми в 40–80-е годы (по материал Всесоюзной переписей населения) // Актуальные проблемы политико-правового, социально-экономического и культурного развития Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1995.
14. *Попова А.А., Нестерова Н.А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века. Сыктывкар, 2000.
15. *Михалев Н.А.* Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010.
16. *Вавулинская Л.И.* Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск, 2013.
17. *Иванов А.С.* «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–59 гг.). М., 2014.
18. *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. URL: http://old.memo.ru/history/deport/polyan6.htm#_VPID_41

Н.П. Безносова, И.Л. Жеребцов*

**Демографические последствия Великой Отечественной войны
и послевоенное восстановление возрастно-половой структуры населения
(на материалах Республики Коми)**

В статье рассмотрены негативные последствия, нанесенные Великой Отечественной войной демографической сфере Республики Коми, показана нормализация возрастно-половой структуры населения в послевоенные годы. Особое внимание уделено различиям протекания этого процесса в городской и сельской местностях. Проведен сравнительный анализ возрастного и полового состава населения Коми с аналогичными показателями в среднем по России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республики Коми (Коми АССР), 1945–1959 гг., демографическая структура населения

N.P. Beznosova, I.L. Zherebtsov

**The demographic consequences of the great Patriotic war and post-war
reconstruction age-sex structure of the population (the Komi Republic)**

The article considers the negative effects caused to the great Patriotic war the area of demographic policy of the Republic of Komi, shows the normalization of the age-sex structure of the population in the postwar years. Special attention is paid to differences in the occurrence of this process in urban and rural areas. Comparative analysis of age and sex composition of the population of the Komi Republic with the similar average indicators for Russia.

Key words: Great Patriotic war, the Komi Republic (Komi ASSR), 1945–1959, the demographic structure of the population

Различные аспекты демографических процессов в Республике Коми (1938–1990 гг. – Коми Автономная Советская Социалистическая Республика (Коми АССР)) – в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период нашли отражение в ряде научных статей [1]. В настоящей работе на основании уже имеющихся публикаций и новых архивных документов предпринята попытка обобщить и проанализировать демографическую ситуацию, сложившуюся в республике к окончанию войны, и показать процесс преодоления ее последствий в демографической сфере во второй половине 1940–1950-е гг. Особое внимание уделено нормализации возрастно-половой структуры населения. Исследование проводилось как по населению в целом, так и отдельно по городским и сельским жителям.

По данным органов государственной статистики, в итоге естественного и механического движения с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. население Коми АССР сократилось с 342,1 до 277,2 тыс. чел., или на 19%. При этом городское население увеличилось в два раза (с 38,0 до 76,8 тыс.), в то время как численность сельских жителей уменьшилась с 304,1 до 200,4 тыс., или на 34,1%. Стабильный и быстрый рост горожан был отличительной особенностью демографического развития республики военного периода. В основе его лежали факторы экстенсивного роста, а именно – миграционный прирост и административно-территориальные преобразования [2]. В сельской же местности, где практически все мужчины призывного возраста подлежали мобилизации, население снизилось во всех административных районах, кроме Кожвинского и Ухтинского, т. е. тех, где концентрировался спецконтингент НКВД. Наибольшие людские потери понес Усть-Цилемский район, где численность жителей сократилась на 43,6% [3].

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая д. 26, zherebtsov@mail.illhkomisk.ru; **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, nbeznosova@mail.ru.

Структура населения, сложившаяся в республике к окончанию войны, представлена в табл. 1. Она показывает, что в возрастной пирамиде выделяется своей малочисленностью группа детей от 0 до 3 лет, что явилось следствием резкого снижения рождаемости и высокой младенческой смертности в военные годы. Их удельный вес в составе населения (7,0%) заметно ниже граничащих с ним детских возрастных групп. Так, доля 4–7-летних составляла 11,2%, 8–11-летних – 9,7%. То есть, несмотря на то, что рожденные в предвоенные годы пережили эпидемии детских инфекционных заболеваний второй половины 1930-х гг. и детство их пришлось на трудные военные годы, они имели заметно более высокий удельный вес в возрастной пирамиде по сравнению с «детьми войны».

Таблица 1

Население Коми АССР по возрасту и полу (на 1 января 1945 г.)

Возраст, лет	Год рождения	Всего, чел.	% в составе населения	Мужчины, чел.	% в данной возрастной группе	Женщины, чел.	% в данной возрастной группе
0–3	1941–1944	19521	7,0	9722	49,8	9799	50,2
4–7	1937–1940	31351	11,2	15370	49,0	15981	51,0
8–11	1933–1936	27217	9,7	13043	47,9	14174	52,1
12–13	1931–1932	15857	5,7	7394	46,6	8463	53,4
14–15	1929–1930	16126	5,8	7133	44,2	8993	55,8
16–17	1927–1928	14752	5,3	6027	40,9	8725	59,1
18–24	1920–1926	27389	9,8	6104	22,3	21285	77,7
25–49	1895–1919	84092	30,0	29892	35,5	54200	64,5
50–54	1890–1894	13150	4,7	5013	38,1	8137	61,9
55–59	1885–1989	11303	4,0	4151	36,7	7152	63,3
60 и старше	1884 и раньше	19327	6,8	6250	32,3	13077	67,7

Составлено и рассчитано по: Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р.-140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5–46.

Молодёжь 18–24 лет (1920–1926 гг. рожд.) составляла 9,8% населения. Эта группа характеризовалась наиболее глубокими гендерными нарушениями: в городе женщин насчитывалось в 2,5 раза больше, чем мужчин, в селе – в 4,2 раза [4]. Такой дисбаланс объясняется практически поголовной воинской мобилизацией мужчин этого возраста.

Численность пожилых людей (60 лет и старше) была относительно невелика, однако из-за снижения к окончанию войны долей младшей детской и мужской мобилизационной групп их удельный вес в составе населения оказался достаточно высоким – 6,8%. Отметим, что доля старшего поколения в городской местности была заметно ниже, чем в селе [5].

В группе трудоспособного населения (16–59 лет) численность женщин в целом по Коми превышала численность мужчин на 48,3 тыс. чел., при этом в городских поселениях преобладали мужчины, в сельской местности – женщины, которых было в 3,2 раза больше, чем мужчин (табл. 2).

Таблица 2

Численность и распределение трудоспособного населения Коми АССР (на 1 января 1945 г.)

Население	Всего в возрасте 16–59 лет, чел.	Из них		Всего в возрасте 16–59 лет, %	Из них	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
Всего по Коми АССР	150 686	51 187	99 499	100,0	34,0	66,0
Городское население	53 085	27 138	25 947	100,0	51,1	48,9
Сельское население	97 601	24 049	73 552	100,0	24,6	75,4

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5–46.

Таким образом, демографическая структура сельского населения в годы войны подверглась значительной деформации. Прежде всего, это выражалось в огромной диспропорции полов, а именно в количественном преобладании женщин. Если до войны удельный вес женщин в составе сельского населения составлял 51,6%, то в начале 1945 г. – 64,5%. К окончанию войны женщин в селе было на 126,5 тыс. больше, чем мужчин (в 2,6 раза). Гендерный дисбаланс в пользу женщин наблюдался во всех без исключения сельских районах. Самая глубокая диспропорция была в Удорском и Усть-Куломском районах, где мужчины составлял 33%, женщины – 67%. Мужское население сократилось почти во всех возрастных группах, особенно в мобилизационной. Так, в Усть-Цилемском районе удельный вес мужчин 18–49 лет составлял в конце войны лишь 12,7% от совокупного мужского населения района, в Сторожевском – 12,8, в Удорском и Ухтинском – 14,4, в Ижемском – 14,7,

в Сысольском – 15,7% [6]. Среди колхозного крестьянства диспропорции были ещё глубже. По данным единовременного учета сельского населения в начале 1945 г. мужчин 18–49 лет в колхозах было в 5,3 раза меньше, чем женщин (7068 муж. и 37658 жен.) [7].

Что касается в городской местности, то здесь демографическая ситуация была более благоприятной, особенно на завершающем этапе войны. К окончанию войны там сложился близкий к естественному баланс между мужчинами и женщинами – соответственно 49,5 и 50,5%. Однако на уровне отдельных населенных пунктов ситуация была не столь однозначная. Их можно условно дифференцировать на те, где численно преобладали мужчины и те, где большинство составляли женщины. К первым относились почти все вновь образованные поселения – города Воркута и Ухта, рабочие поселки Водный, Ижма (соврем. г. Сосногорск), Печора, Абезь, Инта. В них доминировали мужчины, причем активного трудоспособного возраста (18–49 лет). Наибольшим дисбалансом отличались Воркута и Инта, где численность мужчин превышала численность женщин в два и более раза. Другой характерной их чертой был низкий удельный вес детей, подростков и людей старших возрастов. Подобное соотношение явилось результатом специфики возникновения новых городских поселений, создававшихся первоначально как лагерные пункты ГУЛАГа. Вторую группу составляли поселения, где преобладали женщины – это г. Сыктывкар, поселки Кажим, Ньючим, Ярега, Железнодорожный, Канин. Интересно, что наиболее выраженной гендерная диспропорция была также в диапазоне от 18 до 49 лет, но уже в пользу женщин [8].

Итак, в годы Великой Отечественной войны в возрастной пирамиде самыми пострадавшими от людских потерь группами были поколение детей, рожденных в 1941–1944 гг., и поколение 1920–1926 годов рождения, мужская часть которого составляла основу воинского контингента в годы Великой Отечественной войны.

Важнейшим источником послевоенной нормализации возрастно-половой структуры стала начавшаяся поэтапная армейская демобилизация. По данным органов государственной статистики к середине декабря 1945 г. в Коми прибыло 6043 демобилизованных воина. К августу 1946 г. их численность возросла до 9771, из них 7884 были зарегистрированы в сельской местности [9]. Демобилизация не смогла ликвидировать дисбаланс, но оздоровила демографическую ситуацию в селе, привела к сближению численности мужчин и женщин, особенно в брачных возрастах.

В послевоенный период тенденции формирования населения республики, главными из которых были бурный рост населения с опережающими темпами роста горожан за счет внешнего и внутреннего миграционного притока, получили свое дальнейшее развитие. Это были годы наибольшего прироста населения Коми в прошлом столетии. В 1945–1958 гг. среднегодовой прирост составлял 34,1 тыс. чел. Достаточно сказать, что уже в 1946 г. численность жителей Коми превысила довоенный уровень.

Всесоюзная перепись населения, состоявшаяся 15 января 1959 г., зафиксировала в Коми АССР 806,2 тыс. чел. (город – 475,4 тыс., село – 330,8 тыс.). Уже после переписи в течение 1959 г. в административно-территориальном делении произошли существенные изменения, которые внесли видимые коррективы в численность и расселение жителей [10]. Все административные преобразования были учтены при обработке материалов переписи. Согласно окончательным официально утвержденным итогам население Коми АССР по переписи 1959 г. составило 815,8 тыс. чел. За четырнадцать послевоенных лет население республики увеличилось на 477,3 тыс. чел., в том числе за счет естественного прироста – на 182,0 тыс., миграционного – на 295,3 тыс., что составило соответственно 38 и 62% общего прироста. В отдельные годы механический прирост превышал естественный в 2–3 раза [11].

Следствием специализации хозяйственного комплекса на добывающих отраслях промышленности и связанного с этим интенсивного миграционного притока мужчин трудоспособного возраста стал тот факт, что послевоенная диспропорция в соотношении полов в Коми была преодолена очень быстро. Правда, если в городских поселениях мужское население стало преобладающим уже в 1947 г., то в сельской местности это произошло лишь к концу 1950-х гг. В 1959 г. мужчин было больше, чем женщин на 33,6 тыс. чел. (в городе – на 31,4 тыс., в селе – на 2,2 тыс.). Удельный вес мужчин в составе населения равнялся 52,1%, женщин – 47,9%.

Расчеты показывают, что в целом по Коми на 100 мужчин приходилось 92 женщины (в городе – 88, в селе – 99) (табл. 3–5). Мужчины преобладали в городах Воркута, Инта, Микунь, во всех рабочих поселках Воркутинского горсовета (за исключением Цементнозаводского), в рабочих поселках Железнодорожного района (кроме Вожаёля), в большинстве поселков Интинского и Печорского районов, пос. Кажым Койгородского района. Наибольший дисбаланс в пользу мужчин наблюдался в Воркутинском горсовете (57,8% мужчин против 42,2% женщин), а в рабочих поселках Заполярный, Комсомольский, Промышленный, Северный, входивших в состав Воркутинского горсовета, мужчины составляли свыше 60% населения. Вместе с тем в городах Сыктывкаре, Ухте, Сосногорске, пос. Верхняя Инта Интинского района, поселках Водный, Вой-Вож, Ярега Ухтинского района, пос. Ньючим Сыктывдинского района преобладали женщины. Практическое равенство полов наблюдалось в г. Печоре, поселках Цементнозаводский Воркутинского горсовета и Вожаёль Же-

лезнодорожного района. На уровне административных районов мужчины доминировали в семи из 18 районов (Железнодорожном, Интинском, Койгородском, Печорском, Троицко-Печорском, Ухтинском, Усть-Вымском) и более других – в Троицко-Печорском (57,2%). Женщины составляли большинство в 11 районах, особенно в Помоздинском, где их доля достигала 54,2% [12].

Таблица 3

Население Коми АССР по возрасту и полу в 1959 г.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Мужчины	Женщины	
Всё население		815,0	100,0	100,0	100,0	92
0–4	1955–1959	107,3	13,2	12,8	13,5	97
5–9	1950–1954	82,0	10,0	9,7	10,4	98
10–14	1945–1949	43,7	5,4	5,2	5,6	98
15–19	1940–1944	57,1	7,0	7,5	6,5	80
20–24	1935–1939	113,5	13,9	17,0	10,6	57
25–29	1930–1934	99,9	12,3	14,0	10,4	69
30–34	1925–1929	95,8	11,8	11,8	11,7	92
35–39	1920–1924	54,8	6,7	6,1	7,4	111
40–44	1915–1919	40,5	5,0	4,8	5,2	101
45–49	1910–1914	38,4	4,7	4,3	5,1	109
50–54	1905–1909	26,7	3,2	2,8	3,8	125
55–59	1900–1904	19,7	2,7	1,7	3,2	177
60 лет и старше	1899 и раньше	35,6	4,4	2,3	6,6	267

Составлено и рассчитано по: Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Сыктывкар. 1990. С. 18–19.

Анализ по возрастным группам выявил отличия демографических структур городского и сельского населения.

В городских поселениях численный перевес мужчин был характерен для всех возрастных групп до 54 лет, за исключением группы 35–39 лет, т. е. поколения 1920–1924 годов рождения, мужская часть которого понесла наибольшие потери в годы Великой Отечественной войны. Наибольшая диспропорция в пользу мужчин наблюдалась в возрастном диапазоне от 20 до 29 лет, при этом среди 20–24-летних на 100 мужчин приходилось 59 женщин, среди 25–29-летних – 70. Ситуация кардинально меняется после 55 лет, когда женщин становится больше, чем мужчин. После 60 лет разрыв делается еще заметнее. Если в группе 55–59 лет женщин было в 1,3 раза больше, то в возрасте 60 лет и старше – в 2,8 раза больше (табл. 4). Диспропорция в пользу женщин в этих возрастах связана с потерями мужского населения в годы Первой мировой и Гражданской войн, а также большей продолжительностью жизни женщин.

Таблица 4

Возрастно-половой состав городского населения Коми АССР в 1959 г.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Мужчины	Женщины	
Городское население		484,0	100,0	100,0	100,0	88
0–4	1955–1959	58,4	12,0	11,6	12,7	96
5–9	1950–1954	43,8	9,0	8,6	9,5	98
10–14	1945–1949	25,0	5,2	4,8	5,4	98
15–19	1940–1944	35,7	7,4	7,5	7,3	86
20–24	1935–1939	71,9	14,9	17,6	11,8	59
25–29	1930–1934	61,9	12,8	14,2	11,3	70
30–34	1925–1929	62,5	12,9	12,4	13,5	96
35–39	1920–1924	37,4	7,7	7,0	8,5	106
40–44	1915–1919	26,6	5,5	5,5	5,4	87
45–49	1910–1914	23,1	4,8	4,9	4,7	83
50–54	1905–1909	14,8	3,0	2,9	3,2	95
55–59	1900–1904	9,5	2,0	1,6	2,4	133
60 лет и старше	1899 и раньше	13,4	2,8	1,4	4,3	276

Составлено и рассчитано по: Городские поселения Коми АССР (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1991. С. 17, 19.

В сельской местности во всех возрастах до 34 лет преобладали мужчины, а с 35 лет численный перевес был на стороне женщин. При этом диспропорция в пользу мужчин в диапазоне от 20 до 29 лет в селе была более выражена, чем в городе. Так, среди 20–24-летних на 100 мужчин-селян приходилось только 55 женщин, среди 25–29-летних – 67. Преобладание женщин в составе сельского населения начинается после 35 лет и постоянно нарастает: в группе 35–39 лет на каждые 100 мужчин приходилось 122 женщины; 40–44 года – 134; 45–49 лет – 163; 50–54 года – 179; 55–59 лет – 236; 60 лет и старше – 262 (табл. 5).

Таблица 5

Возрастно-половой состав сельского населения Коми АССР в 1959 г.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, тыс. чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Мужчины	Женщины	
Сельское население		331,0	100,0	100,0	100,0	99
0–4	1955–1959	48,9	14,8	14,9	14,7	98
5–9	1950–1954	38,2	11,5	11,6	11,5	98
10–14	1945–1949	18,7	5,7	5,7	5,6	99
15–19	1940–1944	21,4	6,5	7,5	5,4	71
20–24	1935–1939	41,6	12,6	16,0	9,0	55
25–29	1930–1934	38,0	11,5	13,7	9,3	67
30–34	1925–1929	33,3	10,0	10,8	9,3	85
35–39	1920–1924	17,4	5,3	4,7	5,8	122
40–44	1915–1919	13,9	4,2	3,6	4,9	134
45–49	1910–1914	15,3	4,6	3,5	5,8	163
50–54	1905–1909	11,9	3,6	2,6	4,6	179
55–59	1900–1904	10,2	3,0	1,8	4,3	236
60 лет и старше	1899 и раньше	22,2	6,7	3,7	9,8	262

Составлено и рассчитано по: Городские поселения Коми АССР (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1991. С. 18, 20.

Сравнительный анализ данных переписи 1959 г. по возрастному и половому составу населения Коми АССР с аналогичными показателями по России [13] позволил выявить ряд особенностей:

– в составе населения Коми доминировали мужчины, в то время как в среднем по России численно преобладали женщины (в Коми мужчины составляли 52,1%, в городе – 53,2, в селе – 50,3%; в РСФСР – соответственно 44,6; 44,9; 44,3%);

– в возрастной пирамиде в Коми был выше, чем в среднем по России удельный вес детей от 0 до 9 лет (23,2 против 21,9%), значительно выше доля молодёжи 20–29 лет (26,2 против 18,8%), а также лиц в возрасте 30–39 лет (18,5 против 15,0%). Вместе с тем в Коми была меньше доля подростков и юношества 10–19 лет (12,4 против 14,9%), лиц в возрасте 40–49 лет (9,7 против 11,3%), заметно меньше – людей 50 лет и старше (10,3 против 18,1%). Подобные отличия были характерны как для городского, так и сельского населения;

– население Коми выделялось высоким удельным весом детей и молодёжи. Так, суммарная доля группы от 0 до 30 лет составляла в Коми 61,8% (в городе – 61,3, в селе – 62,6), в России – соответственно 55,6; 54,9; 56,4%.

В заключение отметим, что к концу 1950-х гг. в Коми АССР сложилась очень благоприятная демографическая структура населения, особенно с точки зрения трудовых ресурсов. Ее отличала высокая доля детей, подростков, активного самостоятельного населения и незначительная доля лиц пожилого возраста. В большей степени это относилось к городским поселениям, где за счет миграционного притока темпы роста трудоспособного населения (мужчины 16–59 лет и женщины 16–54 лет) были необычайно высоки. Только за 1956 г. оно увеличилось с 222,3 до 271,0 тыс. чел. Годовой прирост в 48,7 тыс. чел. образовался за счет следующих компонентов: миграционный прирост (+ 47,1 тыс.), вступившие в трудоспособный возраст (+ 3,8 тыс.), вышедшие из трудоспособного возраста (–1,2 тыс.), умершие в трудоспособном возрасте (–1,0 тыс.) [14]. Совокупная группа трудоспособного населения в Коми составила в 1959 г. 529,5 тыс. чел., или 65% всего населения (в городе – 69,3%, в селе – 58,7%) [15]. Но самым важным и значимым, на наш взгляд, являлся тот факт, что к концу 1950-х гг. была в целом успешно преодолена глубочайшая когортная и гендерная деформация, нанесенная Великой Отечественной войной коми селу.

Источники и литература

1. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. 32 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 460); Безносова Н.П., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.

- Миграционные процессы в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Мы победу приближали как могли. (Мат-лы Международ. науч. конф., Москва, 18–19 апреля 2003 г.). Смоленск, 2003. С. 91–95; *Безносова Н.П., Жеребцов И.Л.* Численность и расселение жителей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья (Мат-лы регион. науч. симпоз., Сыктывкар, 19 октября 2004 г.). Сыктывкар, 2004. С. 147–154; *Безносова Н.П.* Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах // Этнодемографические процессы на севере Евразии. Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 71–97; *Безносова Н.П.* Половозрастная структура населения в годы войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 49–57. (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 67); *Безносова Н.П.* Особенности половозрастной структуры населения Коми АССР в послевоенные годы (1945–1959 гг.) // Территория и население стран и континентов: история и современность (Мат-лы симпозиума с международ. уч. по ист. демогр. и ист. геогр.). Ульяновск, 2015. С. 203–212. (318 с.); *Безносова Н.П.* Состав сельского трудоспособного населения Коми АССР по возрасту и полу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историческая демография. Сыктывкар. 2016. № 2 (18). С. 17–19.
2. *Безносова Н.П.* Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. С. 25, 29. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 460).
3. НАРК. Ф. р.-642. Оп. 1. Д. 889. Л. 3–109.
4. *Безносова Н.П.* Половозрастная структура населения в годы войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 56. (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 67).
5. *Безносова Н.П.* Половозрастная структура населения в годы войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 56. (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 67).
6. НАРК. Ф. Р. 140. Оп. 5. Д. 39. Л. 5–46.
7. НАРК. Ф. Р. 140. Оп. 5. Д. 10. Л. 10.
8. *Безносова Н.П.* Изменение гендерной структуры населения Республики Коми в контексте социально-экономических трансформаций и войн: 1920–1950-е годы // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2016. № 2(26). С. 86–92.
9. НАРК. Ф. Р.-605. Оп. 1. Д. 1236. Л. 12, 15.
10. См.: *Жеребцов И.Л., Безносова Н.П.* Установление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920–1960-е гг. // Историческая демография. Москва–Сыктывкар. 2013. № 1 (11). С. 108–113; *Жеребцов И.Л., Безносова Н.П.* Формирование северной административной границы Республики Коми: 1920–1960-е гг. // Историческая демография. Москва–Сыктывкар. 2014. № 2 (14). С. 74–83.
11. *Безносова Н.П.* Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах // Этнодемографические процессы на севере Евразии. Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 73.
12. НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 8662. Л. 1–6.
13. См.: Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 216–217, 225, 366.
14. НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 5. Д. 82. Л. 26.
15. Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Сыктывкар, 1990. С. 22–24.

Т.Ю. Задкова*

Основные тенденции воспроизводства населения Мордовской АССР в послевоенный период

В статье исследуются основные тенденции демографического развития населения Мордовской АССР в 1946–1953 гг. Автор рассматривает такие показатели, как рождаемость, смертность, естественный прирост; анализирует численность городского и сельского населения.

Ключевые слова: демография, население, рождаемость, смертность, естественный прирост

T. Yu. Zadkova

The main trends in the reproduction of the population of the Mordovian ASSR in the post-war period

The main problems of demographic development of population of the Mordovian ASSR in 1946–1953 are considered in the article. The author studies such indexes as birth-rate, mortality, natural increase, analyses the number of the urban and rural population.

Key words: demography, population, birth-rate, mortality, natural increase

Развитие демографических процессов в населении находится в тесной взаимосвязи со всеми процессами, происходящими в обществе. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. определила основные направления исторического пути развития России в послевоенные годы, отразившись в немалой степени и на демографии. Послевоенный период характеризуется не только восстановлением ран, нанесенных войной экономике и повседневной жизни людей, но и преодолением военных последствий в демографической сфере – восполнением численности населения и нормализацией его половозрастной структуры. Особенно тяжелыми были последствия войны для деревни, где негативное воздействие на ситуацию также оказала миграция в город.

Накануне Великой Отечественной войны завершился сложный процесс формирования национальной государственности мордовского народа. В мае 1928 г. в составе Средневожской области был образован Саранский округ, 16 июля переименованный в Мордовский. В него были включены уезды и волости с мордовским населением, ранее входившие в состав Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерний. 10 января 1930 г. Мордовский округ был преобразован в Мордовскую автономную область в составе Средневожского края с центром в г. Саранске, которая 20 декабря 1934 г. была реорганизована в Мордовскую АССР. В 1936 г. она была выделена из Средневожского края и вошла в состав РСФСР. Образование новой автономной республики было закреплено ее первой Конституцией, принятой в августе 1939 г.

Национальный состав населения МАССР на общем фоне его сокращения менялся незначительно. На протяжении всего исследуемого периода в республике наблюдалось преобладание русского населения: по Всесоюзной переписи населения 1939 г. – 717 412 чел. (60,5%), на 1.07.1946 г. – 553 336 чел. (61,0%), 1.01.1948 г. – 555 696 (60,7%). Мордвы насчитывалось соответственно 404 067 чел. (34,1%), 303 498 чел. (33,5%) и 310 671 чел. (33,9%), татар – 47 273 чел. (4,0%), 37 486 чел. (4,1%), 36 715 чел. (4,0%) [1].

После Великой Отечественной войны сведения об общем количестве населения страны долгое время не публиковались, считаясь совершенно секретными. Это было связано с тем, что признавалось нецелесообразным публиковать данные о численности меньшие, чем до войны. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Мордовии насчитывалось 1 185 183 чел., в том числе 88 034 чел. городского и 1 097 149 чел. сельского населения [2]. Из республики на фронт ушли 241 тыс. чел., из них более 120 тыс. – погибли [3]. На 1 января 1946 г. численность населения составила 880 440 чел. (табл. 1).

* Задкова Татьяна Юрьевна (Саранск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3; otidel_istorii@mail.ru

Таблица 1

Численность населения на 1 января, чел.

Население	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	На 1 июля 1953 г.
Городское	99 780 (11,2)	109 364 (11,8)	107 900 (11,6)	95 960 (10,4)	100 404 (11,0)	103 320 (11,5)	110 193 (12,3)	114 583 (12,7)	116 649 (13,0)
Сельское	780 660 (88,3)	815 960 (88,2)	822 245 (88,4)	823 780 (89,6)	812 135 (89,0)	794 509 (88,5)	781 447 (87,7)	783 578 (87,3)	779 375 (87,0)
Итого	880 440 (100,0)	925 324 (100,0)	930 145 (100,0)	919 740 (100,0)	912 539 (100,0)	897 829 (100,0)	891 640 (100,0)	898 161 (100,0)	896 024 (100,0)
В том числе эвакуированное, тыс.	9,45	4,4	–	–	–	–	–	–	–

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1262. Л. 5; Д. 1298. Л. 7; Д. 1326. Л. 2; Д. 1345. Л. 5; Д. 1376. Л. 2, 9; Оп. 14. Д. 102. Л. 8; Оп. 20. Д. 133. Л. 39; Оп. 22. Д. 403. Л. 11.

С окончанием войны число жителей республики стало быстро расти – с 1946 по 1953 г. оно увеличилось с 880 440 до 896 024 чел. В основе демографического развития лежали восстановительные факторы – компенсаторный рост, демобилизация, репатриация. Между тем этот процесс был неравномерным. В 1946–1947 гг. из-за больших трудностей с продовольствием вновь увеличилась смертность, особенно детская. Так, в 1947 г. среди взрослого населения она возросла по сравнению с 1946 г. на 27%, в том числе детей до 1 года – на 65% [4].

В динамике численности населения можно выделить два периода: 1946–1948 гг. – рост, а с 1949 г. – снижение. Количество горожан значительно увеличилось в 1947 г., что было связано с последствиями голода 1946–1947 гг. Все горожане снабжались продуктами по карточкам, в то время как сельчане были предоставлены самим себе. Поэтому в поисках пропитания многие уходили в города, чтобы устроиться на завод и тоже получать карточки. В 1948–1949 гг. наблюдается отток населения из городов, что было связано с преодолением последствий голода, а с 1950 г. число горожан постепенно растет. Данные табл. 1 показывают, что в целом численность городского населения в 1946–1953 гг. увеличилась незначительно, что в немалой степени объяснялось слабым развитием промышленности в республике. Только в 1950-е гг. в Мордовии началось строительство крупных промышленных предприятий, что привело к резкому изменению структуры населения.

Сельское население достигло максимальной численности в 1949 г. (823 780 чел.). Несмотря на значительный естественный прирост, количество жителей села в послевоенный период сокращалось. Причинами этого были переезд семей колхозников по организованному набору, плановое переселение, поступление в различные учебные заведения Трудовых резервов. Низкая экономическая эффективность колхозов, их неспособность достойно оплачивать труд работников постепенно выталкивали из деревни значительную часть трудоспособного населения, которое в поисках лучших условий было вынуждено менять место проживания, в том числе покидать деревню и уезжать в город.

В практике статистического учета различаются две категории населения: наличное и постоянное. К первой относят лиц, находящихся в данном месте на момент учета; ко второй – всех постоянно живущих на данной территории, включая временно (не более 6 мес.) отсутствующих. На начало 1947 г. в республике насчитывалось 890 706 чел. сельского постоянного населения (включая отсутствующих), а наличного (без отсутствующих) – 793 319 чел., на начало 1951 г. – соответственно 887 529 и 794 509 чел., 1952 г. – 849 955 и 774 334 чел., 1953 г. – 870 077 и 780 404 чел., 1954 г. – 879 234 и 780 668 чел. [5]. Обращает на себя внимание огромная разница в величине считавшихся постоянно проживавшими в сельской местности и фактически присутствовавшими на момент учета. Практически всю ее можно отнести на счет временной миграции. Кроме того, часть сельской молодежи из числа временно отсутствующих могла находиться на учебе в других населенных пунктах, прежде всего – в городах. Ежегодно из деревни выбывали и юноши-призывники, что также сказывалось на общей величине наличного населения. С 1951 по 1954 г. общее количество сельского населения сократилось на 8 295 чел., в то время как наличного – на 13 841. Такая разница свидетельствует о том, что убыль населения из села уже не компенсировалась высоким естественным приростом.

Основными показателями социальных, этнических и демографических процессов, относящихся к естественному движению населения, являются рождаемость и смертность (табл. 2).

Таблица 2

Естественное движение населения в 1945–1953 гг., чел.

Год	Число						Естественный прирост		
	родившихся			умерших			Всего	В том числе в местности	
	Всего	В том числе в местности		Всего	В том числе в местности			городской	сельской
		городской	сельской		городской	сельской			
1945	11 897	1 483	10 414	9 516	1 065	8 451	+2 381	+418	+1 963
1946	23 865	2 605	21 260	9 627	1 042	8 585	+14 238	+1 563	+12 675
1947	26 301	3 046	23 255	12 235	1 400	10 835	+14 066	+1 646	+12 420
1948	27 271	2 597	24 674	10 636	1 036	9 600	+16 635	+1 561	+15 5074
1949	30 289	2 828	27 461	9 409	9 83	8 426	+20 880	+1 845	+19 035
1950	27 459	2 732	24 727	8 780	1 020	7 760	+18 679	+1 712	+16 967
1951	27 279	2 705	24 574	9 210	1 044	8 166	+18 069	+1 661	+16 408
1952	27 062	2 828	24 234	9 414	987	8 427	+17 648	+1 841	+15 807
1953	26 730	2 800	23 930	9 458	1 068	8 390	+17 272	+1 732	+15 540

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 2; Д. 1328. Л. 19 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 11 об.; Д. 27. Л. 1 об.; Д. 79. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 16 об.; Д. 117. Л. 32 об.

После больших войн, когда временно откладываются важнейшие мирные события в жизни людей – заключение браков и рождение детей, – обычно наступает период демографической компенсации. Массовая демобилизация из рядов армии и флота, проходившая до 1948 г. включительно, способствовала бурному всплеску количества браков и быстрому подъему рождаемости. Показатели росли не только за счет появления детей в недавно заключенных браках, но и в семьях со стажем, где деторождение было на время прекращено из-за призыва мужа на фронт или по другим причинам, так или иначе связанным с войной. Если в 1944 г. естественного прироста населения не было (-4945) [6], то уже в 1946 г. число родившихся превысило уровень 1945 г. в 2 раза (табл. 2).

В 1947 г. в Мордовии, в связи с засухой 1946 г. и последовавшим за ней неурожаем, резко ухудшилось продовольственное снабжение населения, что сказалось на замедлении роста показателей воспроизводства населения. Так, в городской местности число родившихся по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 16,0%, в сельской – на 9,4% (табл. 2). Это объяснялось тем, что деревенские жители оказались по сравнению с горожанами в худшем положении, так как не подпадали под организованное государственное снабжение по карточкам.

Анализ уровня рождаемости населения республики с 1945 по 1953 г. показывает ее увеличение, связанное с демобилизацией с фронта мужчин. Увеличению рождаемости способствовали также меры правительства в области демографической политики.

Характерной чертой демографических процессов в послевоенной Мордовии стали серьезные отличия в динамике рождаемости в городе и селе (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о родившихся и умерших на 1 тыс. чел. населения в 1946–1953 гг., чел.

Год	Кол-во родившихся			Кол-во умерших		
	в городской местности	в сельской местности	Всего	в городской местности	в сельской местности	Всего
1946	30	19	20	12	8	8
1947	34	21	22	16	10	10
1948	30	22	23	12	9	9
1949	33	25	26	11	8	8
1950	31	23	23	11	7	7
1951	31	22	23	12	7	8
1952	33	22	23	11	8	8
1953	32	22	23	12	8	8

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 4; Д. 1328. Л. 19 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 11 об.; Д. 27. Л. 1 об.; Д. 79. Л. 2 об.; Д. 100. Л. 16 об.; Д. 117. Л. 32 об.

В расчете на 1 000 чел. городского и сельского населения уровень рождаемости горожан был выше (табл. 3). Таким образом, после кризиса рождаемости в годы войны компенсационные явления в городской среде были выражены сильнее. Сравнительно высокий уровень рождаемости в городе и деревне был обусловлен тем, что в возраст максимальной плодовитости вступили женщины, родившиеся в конце 1920-х гг., когда рождаемость была очень высокой. Спустя 20 с небольшим лет они стали производить многочисленное потомство.

Своеобразным демографическим последствием войны и весьма характерным явлением послевоенной жизни стало распространение внебрачной рождаемости (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о родившихся в 1946–1953 гг., в акте о рождении которых отсутствует запись об отце

Год	В городской местности		В сельской местности		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1946	423	16,2	1 417	6,7	1 840	7,7
1947	476	15,6	2 134	9,2	2 610	9,9
1948	362	13,9	2 442	9,9	2 804	10,3
1949	469	16,6	3 428	12,5	3 897	12,9
1950	368	13,9	2 963	11,9	3 331	12,2
1951	387	14,3	2 992	12,2	3 379	12,4
1952	370	13,1	2 782	11,5	3 152	11,6
1953	394	14,1	2 374	9,9	2 768	10,4

Источники: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 25 об.; Д. 1306. Л. 45 об.; Д. 1328. Л. 36 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 23 об.; Д. 27. Л. 24 об.; Д. 79. Л. 32 об.; Д. 100. Л. 34 об.; Д. 117. Л. 4 об.

Военные потери среди мужчин призывного возраста значительно превосходили масштабы гибели женского населения. Согласно данным о возрастном и половом составе сельского населения республики на 1 января 1951 г. на 36 070 мужчин 1921–1930 гг. рождения приходилось 84 025 женщин, на 27 081 мужчин 1911–1920 гг. рождения – 63 491 женщина [7]. При таких неблагоприятных пропорциях между потенциальными женихами и невестами многие женщины решались на ответственный шаг – родить ребенка без мужа, вне зарегистрированного брака и растить его в одиночку. Их смелость опиралась и на поддержку государства, которое оказывало им дополнительную помощь, например, в виде пособия на ребенка с момента рождения до 12-летнего возраста. Таким образом, государство создавало важные предпосылки для того, чтобы женщины, не имевшие законных мужей, но желавшие иметь детей, могли хотя бы как-то устроить свою личную жизнь. Это отчасти ослабляло напряжение демографической ситуации в связи с крайне недостаточным числом мужчин. Рождение в незарегистрированном браке в послевоенные годы стало обычным и довольно распространенным явлением. В целом в городах этот процесс был более интенсивным, нежели в деревнях, особенно в 1946–1947 гг.

Смертность населения Мордовии в послевоенные годы оставалась приблизительно на одном уровне: в 1946 г. умерло 9 627 чел., в 1947 г. – 12 235, в 1948 г. – 10 636, в 1949 г. – 9 409, в 1950 г. – 8 780, в 1951 г. – 9 210, в 1952 г. – 9 114, в 1953 г. – 9 458 чел. [8]. Результатом засухи 1946 г., вызвавшей неурожай и голод, стал заметный (на 27 %) рост уровня смертности, в том числе сельского населения – на 26%, городского – на 34% [9].

Негативные тенденции в развитии демографических процессов сказались на общих показателях воспроизводства населения. Они стали ухудшаться, тем более что одновременно с ростом смертности снизилась рождаемость. Если в 1946 г. на каждые 1 000 человек в городе приходилось 12 умерших, в сельской местности – восемь, то в 1947 г. соответственно – 16 и 10 [10]. В последующие годы положение улучшилось, причем уровень смертности в сельской местности был ниже, чем по городам.

Анализ изменений смертности в разрезе возрастных групп населения показывает закономерное смещение основной его доли к самым старшим возрастным группам (от 60 лет). Достаточно высоким оставался процент смертности детей до 4 лет. Самая низкая за весь послевоенный период доля маленьких детей до 4-летнего возраста в 1946 г. обусловлена малочисленностью поколения, рожденного в военные годы. Начиная с 5-летнего возраста, количество детей в структуре смертности заметно снизилось. В основных возрастных группах от 15 до 39 лет количество и удельный вес умерших были также относительно невелики. Смертность нарастала более заметно начиная с 40–45-летнего возраста, достигая максимальных значений у пожилых людей после 60 лет (табл. 5).

Таблица 5

Сведения об умерших по полу и возрасту в 1946–1953 гг., чел.

Возраст, лет	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.		1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1–4	1263	1042	2026	1665	1845	1602	1746	1383	1448	1269	1757	1419	1502	1376	1557	1274
5–9	211	176	308	263	155	140	92	89	84	77	56	79	74	60	77	72
10–14	94	78	157	108	130	100	102	76	91	79	95	71	72	51	71	56
15–19	130	120	141	111	30	19	79	81	99	92	92	78	98	99	95	64
20–24	152	167	178	146	181	146	158	135	120	121	103	102	106	97	92	86
25–29	88	114	109	120	152	129	109	112	135	119	153	117	148	104	140	109

Окончание табл. 5

Возраст, лет	1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.		1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
30–34	150	114	156	139	137	96	108	101	93	77	89	97	100	91	92	83
35–39	188	139	210	186	166	163	183	159	148	124	125	113	104	108	99	78
40–44	235	147	295	180	200	177	185	162	164	131	153	124	161	142	175	168
45–49	231	196	258	186	219	191	202	168	174	165	168	149	201	164	171	175
50–54	225	171	280	165	232	178	211	167	210	178	190	145	175	164	210	201
55–59	320	230	374	237	260	207	234	194	226	196	220	178	211	210	228	242
60–64	383	370	467	376	343	344	350	299	308	285	294	307	299	259	293	303
65–69	334	394	449	493	354	408	306	386	333	359	323	391	340	466	393	412
70–74	359	441	400	504	337	454	301	413	304	371	342	415	354	502	379	493
75–79	239	348	333	392	249	396	220	329	228	350	243	383	279	464	275	426
80–84	110	199	136	252	128	220	88	197	98	215	114	235	168	305	193	339
85–89	37	98	61	112	48	98	50	85	58	97	50	110	78	154	65	150
90–94	11	42	11	30		3	19	28	14	36	15	41	17	45	20	59
95–99	5	13	10	29	7	18	4	18	2	16	5	13	9	26	10	24
100 и старше	1	2	1	6		9	1	5	1	7	1	8	1	10	1	8
Неизв.	118	142	102	73	65	82	30	44	37	41	30	17	10	10		
Всего	4 884	4 743	6 462	5 773	5 340	5 296	4 778	4 631	4 375	4 405	4 618	4 592	4 507	4 907	4 636	4 822

Источники: ЦГА РМ, Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 64–64 об.; Д. 1306. Л. 69–69 об.; Д. 1328. Л. 42–42 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 24–24 об.; Д. 27. Л. 25–25 об.; Д. 79. Л. 17–17 об.; Д. 100. Л. 15–15 об.; Д. 117. Л. 42–42 об.

Следует отметить, что почти по всем возрастным группам, начиная с младших, уровень смертности среди мужчин был самым высоким. В 1946–1947 гг. женщин среди умерших в возрасте от 20 до 29 лет было больше, так как демобилизация только завершалась, и мужчин этого возраста насчитывалось очень мало. Но уже с 1948 г. ситуация изменилась в обратную сторону. В возрастной категории от 40 до 64 лет мужская смертность существенно превышала женскую, а с 65 лет среди умерших преобладали женщины (табл. 5). Это было естественно, так как мужчин пожилого возраста было значительно меньше, чем женщин.

Итак, Великая Отечественная война оказала существенное влияние на демографические процессы в Мордовии в послевоенный период. Результатом ее стали убыль населения, крайняя малочисленность взрослых мужчин, вынужденное безбрачие многих еще молодых женщин, повсеместная распространенность неполных семей. При этом естественное движение населения развивалось достаточно успешно. Показатели рождаемости были довольно высокими и стабильными. Из-за массовой гибели молодых мужчин в бракоспособном возрасте очень многие женщины – их сверстницы – так и не смогли выйти замуж и создать семью. Вследствие этого достаточно распространенным явлением стала внебрачная рождаемость, чему в немалой степени способствовала демографическая политика государства, взявшая под защиту мать-одиночку и ее ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака. Достаточно позитивными оказались и изменения в процессах смертности, общий уровень которой незначительно снизился. Однако негативное влияние на демографические процессы оказал голод 1946–1947 гг., приведший к увеличению смертности и падению рождаемости. Тем не менее к 1949 г. кризис удалось преодолеть, что выразилось в устойчивом росте рождаемости и постепенном сокращении смертности.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1298. Л. 15 об.; Д. 1326. Л. 6; Оп. 20. Д. 128. Л. 10.
2. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1326. Л. 36.
3. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / под ред. В.А. Юрченкова. Саранск, 2005. Т. 1. С. 9.
4. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 4.
5. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1254. Л. 19; Оп. 20. Д. 130. Л. 3; Д. 133. Л. 3; Д. 137. Л. 2; Д. 143. Л. 3.
6. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1306. Л. 2.
7. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 20. Д. 130. Л. 3.
8. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 64–64 об.; Д. 1306. Л. 69–69 об.; Д. 1328. Л. 42–42 об.; Оп. 14. Д. 21. Л. 24–24 об.; Д. 27. Л. 25–25 об.; Д. 79. Л. 17–17 об.; Д. 100. Л. 15–15 об.; Д. 117. Л. 42–42 об.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 64–64 об.; Д. 1306. Л. 69–69 об.
10. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1272. Л. 12 об.; Д. 1306. Л. 4.

А.М. Мацук*

**Женщины-учащиеся средних специальных учебных заведений
Европейского Севера СССР (1960–1980-е годы)
(по материалам региональных статистических сборников)**

В статье показана динамика численности женщин-учащихся средних специальных учебных заведений областей и республик Европейского Севера СССР в 1960–1980-е гг. Выявлено процентное соотношение женщин к общему количеству учащихся. Продемонстрировано изменение численности женщин-специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве регионов Европейского Севера страны, а также выявлена доля женщин среди общего количества специалистов со средним специальным образованием.

Ключевые слова: женщины, учащиеся средних специальных учебных заведений, специалисты среднего звена, Европейский Север СССР, 1960–1980-е гг., доля женщин среди учащихся, доля женщин среди специалистов среднего звена

A.M. Matsuk

**Women-students of secondary special educational institutions
of the European North of the USSR (1960s – 1980s)
(based on materials from regional statistical collections)**

The article shows the dynamics of the number of women-students of secondary special educational institutions of the regions and republics of the European North of the USSR in the 1960s – 1980s. The percentage of women to the total number of students was revealed. Demonstrated the change in the number of women-specialists with secondary special education, employed in the national economy of the regions of the European North of the country, and also revealed the proportion of women among the total number of specialists with secondary special education.

Keywords: women, students of secondary special educational institutions, middle-level specialists, the European North of the USSR, the 1960s – the 1980s, the proportion of women among students, the proportion of women among middle-level professionals

В 1960–1980-е гг. как в Советском Союзе в целом, так и в его регионах в частности, происходили процессы активного развития различных сфер народного хозяйства. На Европейском Севере шло развитие экономики, транспорта, промышленности, а также социальной сферы, здравоохранения и культуры. Для бесперебойного процесса функционирования предприятий и организаций всех сфер хозяйства региона были необходимы квалифицированные кадры. В связи с этим значительное развитие в обозначенный период получает сфера образования. Система среднего специального образования позволяла удовлетворить спрос на необходимое количество специалистов среднего звена для действующих и запланированных к открытию предприятий народного хозяйства. Несмотря на важную роль в деле подготовки квалифицированных кадров для различных сфер экономики и социальной сферы, система среднего образования Европейского Севера СССР пока слабо исследована. Истории системы среднего специального образования в целом, а также некоторых техникумов и училищ посвящено небольшое количество исследовательских работ и параграфов в коллективных монографиях, в основном же работы, касающиеся тех или иных учебных заведений данной группы, сводятся к брошюрам, буклетам и небольшим справочным статьям в энциклопедиях.

Что касается более узких вопросов истории системы среднего специального образования Европейского Севера СССР, то, например, такая важная тема, как гендерный аспект истории, еще слабо изучена. Мы частично затрагивали эту проблему в своем исследовании, посвященном вопросу установления динамики

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, almmatsuk@gmail.com.

количества женщин среди учащихся техникумов Коми АССР в 1960–1980-е гг. В данной же статье сделана попытка расширить указанную проблему до масштабов всего Европейского Севера в целом.

В своем исследовании мы использовали данные о количестве женщин-учащихся средних специальных учебных заведений, содержащиеся преимущественно в региональных статистических сборниках. Однако в связи с тем, что в статистических сборниках по Коми АССР за обозначенный период таких данных не содержится (в отличие от прочих областей и республик Европейского Севера СССР), сведения по Коми республике были взяты нами из сводных отчетов высших и средних специальных учебных заведений, находящихся в фонде Статистического управления Коми АССР (Ф. р-140, ГУРК «Национальный архив Республики Коми»).

Полученные данные мы представили в виде отдельных таблиц, содержащих информацию об общем количестве женщин-учащихся средних специальных учебных заведений и об их процентном соотношении к общему количеству учащихся. Разделение на временные отрезки в таблицах приведено в условном виде (начало, середина, конец), так как в статистических сборниках разных областей и республик данные не всегда соотносятся по конкретным годам, но в целом близки (например, данные за 1965/66 учебный год в одном сборнике и данные за 1966/67 – в другом).

Таблица 1

**Сводные данные о количестве женщин, обучающихся
в средних специальных учебных заведениях Архангельской области**

Показатели	Начало 1960-х гг.	Середина 1960-х гг.	Начало 1970-х гг.	Середина 1970-х гг.	Начало 1980-х гг.	Середина 1980-х гг.	Конец 1980-х гг.
Численность женщин, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, тыс. чел.	н.с.	10,7	12,7	14,4	13,4	13,9	12,6
Процент женщин в составе учащихся средних специальных учебных заведений	н.с.	53	56	57	56	57	57

Таблица составлена по: 16; 17, с. 206; 18; 19, с. 209.

Таблица 2

**Сводные данные о количестве женщин, обучающихся
в средних специальных учебных заведениях Вологодской области**

Показатели	Начало 1960-х гг.	Середина 1960-х гг.	Начало 1970-х гг.	Середина 1970-х гг.	Начало 1980-х гг.	Середина 1980-х гг.	Конец 1980-х гг.
Численность женщин, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, тыс. чел.	н.с.	н.с.	н.с.	н.с.	н.с.	11,4	10,3
Процент женщин в составе учащихся средних специальных учебных заведений	н.с.	н.с.	н.с.	н.с.	н.с.	54	53

Таблица составлена по: 3, с. 96.

Таблица 3

**Сводные данные о количестве женщин, обучающихся
в средних специальных учебных заведениях Карельской АССР**

Показатели	Начало 1960-х гг.	Середина 1960-х гг.	Начало 1970-х гг.	Середина 1970-х гг.	Начало 1980-х гг.	Середина 1980-х гг.	Конец 1980-х гг.
Численность женщин, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, тыс. чел.	н.с.	7,4	8,6	9,4	8,1	н.с.	н.с.
Процент женщин в составе учащихся средних специальных учебных заведений	н.с.	57	54	56	54	н.с.	н.с.

Таблица составлена по: 9; 10.

Таблица 4

**Сводные данные о количестве женщин, обучающихся
в средних специальных учебных заведениях Коми АССР**

Показатели	Начало 1960-х гг.	Середина 1960-х гг.	Начало 1970-х гг.	Середина 1970-х гг.	Начало 1980-х гг.	Середина 1980-х гг.	Конец 1980-х гг.
Численность женщин, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, тыс. чел.	1,9	н.с.	10,3	н.с.	9,4	н.с.	9,8
Процент женщин в составе учащихся средних специальных учебных заведений	41	н.с.	57	н.с.	56	н.с.	58

Таблица составлена по: 4; 5; 6; 7.

Таблица 5

**Сводные данные о количестве женщин, обучающихся
в средних специальных учебных заведениях Мурманской области**

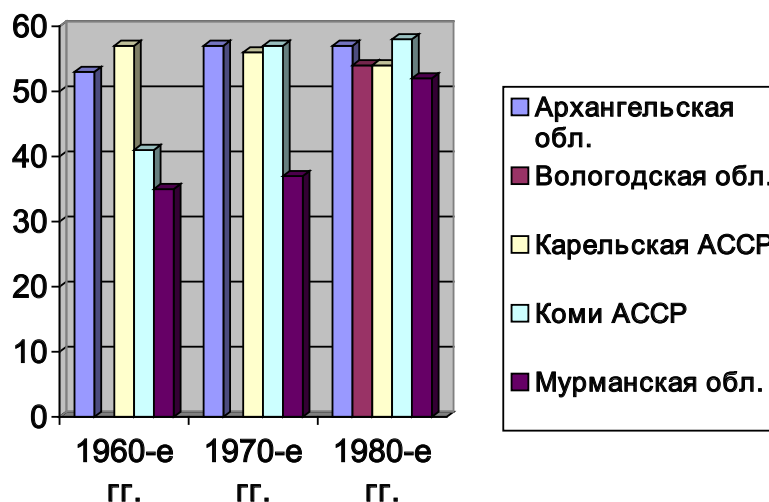
Показатели	Начало 1960-х гг.	Середина 1960-х гг.	Начало 1970-х гг.	Середина 1970-х гг.	Начало 1980-х гг.	Середина 1980-х гг.	Конец 1980-х гг.
Численность женщин, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, тыс. чел.	0,9	2,9	н.с.	2,6	3,2	4	4,7
Процент женщин в составе учащихся средних специальных учебных заведений	22	35	н.с.	37	40	46	52

Таблица составлена по: 26; 27; 28; 29.

Как видно из представленных таблиц, в большинстве районов Европейского Севера уже с 1960-х гг. количество и процентное соотношение женщин к общему числу учащихся средних специальных учебных заведений было достаточно велико (в пределах от 40 до 60% от всех обучающихся). В дальнейшем же заметен в основном лишь рост численности женщин-учащихся, а процентное соотношение не переходит рамки 60%. Необходимо также отметить, что особняком стоит Мурманская область, в которой до конца 1980-х гг. процентное соотношение женщин к общему количеству учащихся было небольшим. Также из общей картины частично выпадает Вологодская область, ввиду отсутствия необходимых сведений за 1960-е и 1970-е гг.

Для наглядности мы привели данные о процентном соотношении женщин-учащихся к общему количеству учащихся средних специальных учебных заведений в виде диаграммы, взяв за показатель наибольший процент в 1960-х, 1970-х и 1980-х гг.

**Процент женщин в составе учащихся средних специальных
учебных заведений Европейского Севера СССР в 1960–1980-е гг.**

Теперь затронем такой вопрос, как численность и доля (%) женщин со средним специальным образованием среди служащих в народном хозяйстве областей и республик Европейского Севера СССР в исследуемый период. Мы свели данные, полученные из региональных статистических сборников, в таблицы, в которых показано как общее количество женщин-специалистов, занятых в народном хозяйстве (с высшим и средним специальным образованием), так и количество женщин-специалистов только со средним специальным образованием. Кроме того, были установлены доли, которые женщины-специалисты как в целом, так и только со средним специальным образованием занимали в общем объеме всех специалистов и в общем объеме специалистов только со средним специальным образованием. Всего представлено четыре таблицы, так как в нашем распоряжении нет необходимых данных по Мурманской области, что тем не менее позволяет составить в определенной мере целостную картину по всему Европейскому Северу.

Таблица 6

**Женщины в составе специалистов со средним специальным образованием
в Архангельской области**

Показатели	Годы				
	1961	1965	1970	1975	1980
Всего женщин-специалистов, тыс. чел.	38,8	44,8	60,4	78,4	100,1
% от общего количества всех специалистов	66,6	62,6	63,4	62	61,2
В том числе:					
Со средним специальным образованием, тыс. чел.	28,7	32,8	43,7	55,9	71,0
% от общего количества специалистов со средним специальным образованием	68,1	64,8	66,2	65,2	64,5

Таблица составлена по (подсчет наш): 17, С. 148; 19, С. 148; 20.

Таблица 7

**Женщины в составе специалистов со средним специальным образованием
в Вологодской области**

Показатели	Годы				
	1966	1970	1975	1980	1985
Всего женщин-специалистов, тыс. чел.	44	54,9	72,8	90,9	108,7
% от общего количества всех специалистов	68,8	68	66,5	65,2	67
В том числе:					
Со средним специальным образованием, тыс. чел.	32,7	40,5	52,3	64,0	74,5
% от общего количества специалистов со средним специальным образованием	71,3	70	69,1	67,8	69,5

Таблица составлена по (подсчет наш): 2; 3, с. 34; 21; 22; 23.

Таблица 8

**Женщины в составе специалистов
со средним специальным образованием в Карельской АССР**

Показатели	Годы					
	1959	1966	1970	1975	1980	1983
Всего женщин-специалистов, тыс. чел.	21,3	28,7	36,6	48,7	60,2	66,6
% от общего количества всех специалистов	71	68	67,3	64,9	64,3	63,9
В том числе:						
Со средним специальным образованием, тыс. чел.	15,6	20,5	25,8	33,1	40,4	44,1
% от общего количества специалистов со средним специальным образованием	74	72	70,1	66,6	66	65,6

Таблица составлена по (подсчет наш): 1; 8; 11; 24; 25.

**Женщины в составе специалистов
со средним специальным образованием в Коми АССР**

Показатели	Годы			
	1965	1970	1975	1980
Всего женщин-специалистов, тыс. чел.	30,1	48,3	69,5	89,9
% от общего количества всех специалистов	58,8	63,9	62,8	63
В том числе:				
Со средним специальным образованием, тыс. чел.	22,8	35,4	50,5	64,3
% от общего количества специалистов со средним специальным образованием	64,4	67,7	67,2	66,8

Таблица составлена по (подсчет наш): 12; 13; 14; 15.

Таблица 9

Как видно из представленных таблиц, количество женщин-специалистов в народном хозяйстве изучаемых регионов как в целом (т.е. с высшим и средним специальным образованием), так и конкретно со средним специальным образованием неуклонно росло. Несмотря на это, в Архангельской, Вологодской областях и Карельской АССР доля женщин среди всех специалистов, а также среди специалистов только со средним специальным образованием постоянно снижалась.

Так, если в Архангельской области в начале 1960-х гг. доля всех женщин-специалистов составляла 66,6%, а среди специалистов со средним специальным образованием – 68,1%, то к началу 1980-х гг. доли снизились до 61,2% и 64,5% в первой и второй категориях соответственно. В Карельской АССР процесс уменьшения доли женщин среди специалистов, занятых в народном хозяйстве, замечен еще сильнее. Так, если в начале 1960-х гг. доля женщин среди всех специалистов составляла 71%, а среди специалистов со средним специальным образованием – 74%, то к началу 1980-х гг. она сократилась до 63,9% и 65,6% в первой и второй категориях соответственно.

В Коми АССР в вопросе доли женщин среди специалистов, занятых в народном хозяйстве, необходимо отметить отличный от других регионов процесс. Здесь, вместе с увеличением общего количества работающих женщин-специалистов как в целом, так и только со средним специальным образованием, увеличивалась и их доля в общем объеме всех специалистов. Так, если в середине 1960-х гг. доля всех женщин-специалистов составляла 58,8%, а среди специалистов со средним специальным образованием – 64,4%, то в начале 1980-х гг. она увеличилась до 63% и 66,8% в первой и второй категориях соответственно.

Таким образом, мы рассмотрели, как изменялось количество женщин-учащихся средних специальных учебных заведений областей и республик Европейского Севера СССР в 1960–1980-е гг., выявили процентное соотношение женщин к общему количеству учащихся. Удалось определить, что в большинстве районов Европейского Севера складывалась схожая картина по динамике изменения количества и процентного соотношения женщин-учащихся техникумов, кроме Мурманской области, в которой до конца 1980-х гг. процент женщин среди учащихся был достаточно небольшим. Помимо подсчета количества учащихся, мы свели имеющиеся в статистических сборниках данные по количеству женщин-специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, в таблицы, что позволило наглядно продемонстрировать, как изменялась их численность в регионах Европейского Севера, а также выявить долю женщин среди общего количества специалистов. Было установлено, что общее количество женщин-специалистов как в целом, так и только со средним специальным образованием в большинстве регионов Европейского Севера в исследуемый период постепенно увеличивалось. Однако доля женщин среди всех специалистов, а также среди специалистов только со средним специальным образованием в Архангельской, Вологодской областях и Карельской АССР постоянно снижалась. В Коми АССР картина была иной – там вместе с увеличением общего количества женщин среди специалистов народного хозяйства увеличивалась и их доля.

Источники и литература

1. 40 лет Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: Госстатиздат, 1960. С. 66.
2. Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во 1987. С. 165.
3. Вологодская область в цифрах (1980–1990 гг.). Статистический сборник. Вологда, 1991.
4. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 5209. Л. 50.
5. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 2. Д. 9921. Л. 40.
6. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 4. Д. 492. Л. 140.
7. ГУРК НАРК. Ф. р-140. Оп. 4. Д. 8523. Л. 48.
8. Карельская АССР 1987. Краткий статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1988. С. 68.
9. Карельская АССР в цифрах в 1976 году. Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1977. С. 100.
10. Карельская АССР в цифрах в 1979 году. Краткий статистический сборник. Петрозаводск, 1980. С. 112.
11. Карельская АССР за 50 лет. Статистический сборник. Петрозаводск: Карельское отделение издательства «Статистика», 1967. С. 99.

12. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 74.
13. Коми АССР в девятой пятилетке. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. С. 108.
14. Коми АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 106.
15. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. С. 115.
16. Народное хозяйство Архангельской области в двенадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск, 1991. С. 88.
17. Народное хозяйство Архангельской области в десятой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1981.
18. Народное хозяйство Архангельской области в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1986. С. 199.
19. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах. Статистический сборник. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1976.
20. Народное хозяйство Архангельской области. Статистический сборник. Вологда: Госстатиздат, 1962. С. 117.
21. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1971, С. 139.
22. Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке. Статистический сборник. Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1976. С. 157, 158.
23. Народное хозяйство Вологодской области за годы советской власти. Статистический сборник. Вологда: Изд-во «Статистика», 1967. С. 117, 118.
24. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник к 50-летию образования СССР. Петрозаводск: Карельское отделение В/О «Союзучетиздат», 1972. С. 97.
25. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск: «Карелия», 1985. С. 57.
26. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1967. С. 91.
27. Население, культура, здравоохранение и труд в 1977 году. Статистический сборник. Мурманск, 1978. С. 41.
28. Население, культура, здравоохранение и труд в 1980 году. Статистический сборник. Мурманск, 1981. С. 57.
29. Основные показатели экономического и социального развития Мурманской области в 1991 году. Мурманск, 1992. С. 85.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 39+504.75+572

Н.И. Григулевич *

Естественное движение населения в российских регионах (конец XX – начало XXI века)**

После распада Советского Союза в 1991 г. в Российской Федерации начался рост смертности, значительную долю которого составляет смертность от внешних причин (случайные отравления алкоголем, самоубийства, убийства). Статистика смертности сильно различается по субъектам РФ. Эти данные должны стать независимыми индикаторами при оценке работы администрации того или иного региона страны. Необходимы срочные государственные меры снижения смертности от разных причин, в том числе внешних.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественный прирост населения, Россия

N.I. Grigulevich

The natural population dynamics in Russian regions (the end of the 19th – early 20th century)

After the collapse of the Soviet Union in 1991, there became a rise in mortality rates in the Russian Federation, a significant part of which is the mortality from external causes (accidental alcohol poisoning, suicide, homicide). Statistics of mortality varies greatly across the subjects of the Russian Federation. These data should become the independent indicator when evaluating the work of the authorities of one or another region of the country. We need urgent government measures to reduce mortality from various causes, including external.

Key words: fertility, mortality, population natural increase, Russia

Начиная с 1992 г. в Российской Федерации смертность превысила рождаемость, наступил процесс депопуляции. Постепенно рождаемость стала расти и к 2017 г. приблизилась к показателям смертности, но практически еще не превзошла их (рис. 1). Добиться же существенного снижения показателей смертности по-прежнему не удастся. По результатам Всероссийской переписи населения, прошедшей в октябре 2010 г. [1], с 2002 по 2010 г. население страны сократилось на 2,2 млн. чел. – с 145 млн. 166,7 тыс. до 142 млн. 905,2 тыс. человек, постоянно проживающих в России (с учетом миграционного прироста). Убыль населения с 2002 по 2009 г. по текущим данным, размещенным на сайте Федеральной службы государственной статистики (в дальнейшем – Росстат), без учета миграционного прироста составляет, по нашим подсчетам, 5 млн. 231,4 тыс. человек.

В мировом рейтинге внешних причин смертности Россия занимает одну из первых позиций. По данным ВОЗ, в 2004 г. среди 192 стран Россия была на 4-м месте по этому виду смертности у мужчин и на 22-м месте у женщин. По этому виду смертности она соседствует с такими беднейшими африканскими странами, как

* Григулевич Надежда Иосифовна (Москва) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119991, Москва, Ленинский пр., 32-А, Nadia100@rambler.ru.

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00274.

Кот-д'Ивуар, Судан, Бурунди и др., а также со слаборазвитыми азиатскими государствами – Непал, Бутан и др. [2]. Значительную долю смертности составляет смертность от внешних причин (случайные отравления алкоголем, самоубийства, убийства, смертность от ДТП). Сразу хочу оговориться, что в данной работе смертность от ДТП мы рассматривать не будем, так как ее относительные показатели не различаются по регионам страны. Иными словами, на дороге все равны. Цель же настоящей работы – показать, что смертность от внешних причин имеет специфику в зависимости от того, в каком регионе ведется ее учет. Рост смертности в стране, в частности, от внешних причин (табл. 1) начался после развала СССР. Пиковые значения отмечаются в середине 1990-х и начале – середине 2000-х гг. Последнее можно объяснить последствиями экономического кризиса 1998 г.

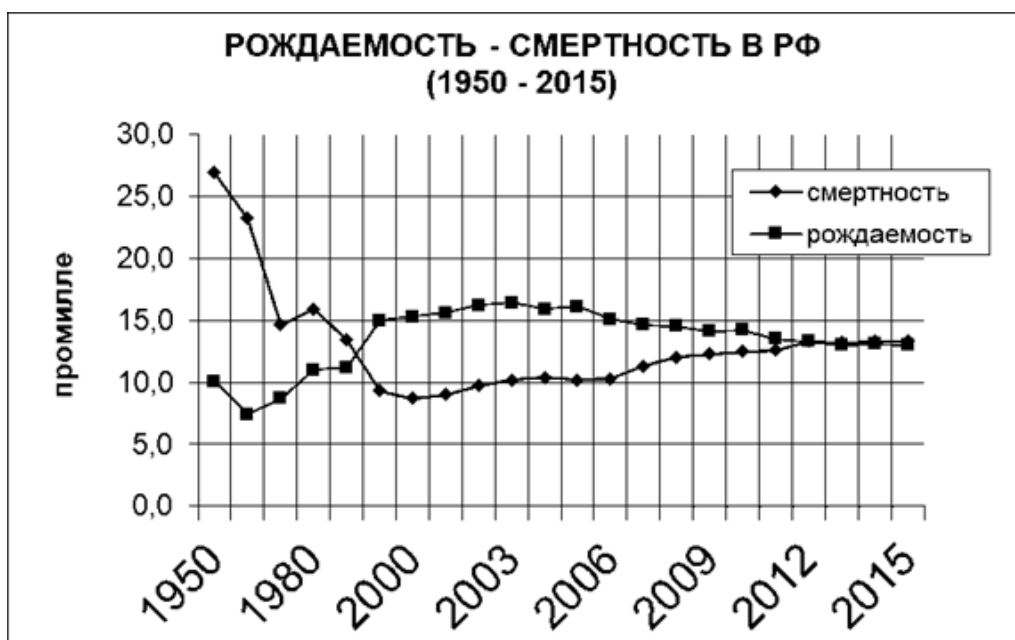

Рис. 1. Рождаемость и смертность в Российской Федерации (1950–2015).

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 17 марта 2017 г.).

Диаграмма составлена Н.И. Григулевич

Таблица 1

**Число умерших в Российской Федерации от внешних причин смерти
в расчете на 100000 населения за год**

Показатели	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.
Все население											
Случайные отравления алкоголем	17,6	30,9	37,8*	24	17,8	25,6	28,4	31,4	28,6	17,7	16,869
Самоубийства	31,1	38,2	42,1	39,3	35,3	39,1	39,5	36,1	32,2	29,1	27,055
Убийства	22,8	30,7	32,6	26,6	22,9	28,2	29,6	29,1	24,9	17,9	16,722
Городское население											
Случайные отравления алкоголем	17,2	30,5	37,2	23,7	17,3	25,2	27,5	29,2	25,8	16,2	15,208
Самоубийства	29	35	37,9	35,3	31	33,8	34,1	30	26,4	23,2	21,343
Убийства	23,3	31,8	33,9	27,4	23,1	28,7	30,4	29	24,2	16,9	15,613
Сельское население											
Случайные отравления алкоголем	19,0	32,1	39,4	24,8	19,2	26,6	30,6	37,5	36,1	21,8	21,387
Самоубийства	36,7	47,1	53,7	50,4	47,3	53,9	54,5	52,9	47,9	45,0	42,583
Убийства	21,6	27,5	29,0	24,3	22,3	27,0	27,5	29,4	26,9	20,3	19,737

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 15 февраля 2012).

* Жирным шрифтом отмечены максимальные значения смертности.

Самоубийства вносят наибольший вклад в смертность от внешних причин и составляют в РФ на 1990 г. в целом 26,5 чел. (городское население – 24,2; сельское – 32,7). Если в городе пик значений в 1994 г. составил 42,1 чел., то в сельской местности люди оказались менее защищенными, и показатели взлетели до запредельных 53,7 самоубийств на 100 тыс. чел. в 1994 г. и 54,5 в 2001 г. (табл.1). В городе к 2010 г. показатели снизились до 18,1 (против 24,2 в 1990 г.), а на селе всего лишь до 38,2 (против 32,7 в 1990 г.). Таким образом, число самоубийств на 100 тыс. чел. в целом по РФ в сельской местности в два раза выше, чем в городах.

Число убийств в целом по стране (на 100 тыс. населения) сопоставимо с жертвами злоупотребления алкоголем: 14,3 в целом за 1990 г. (13,9 в городе и 15,4 на селе). Пиковые значения возросли в два раза и в 1994 г. составили 32,6 в целом по стране (33,9 в городе и 29,0 на селе). Почти таков же пик 2001–2003 гг.: около 30,0 в целом (31,5 в городе и 29,4 на селе). К 2010 г. они упали до 13,3 (чуть ниже, чем в 1990 г.), в городе – до 11,9 и на селе – до 16,8 (больше, чем в 1990).

Наиболее четко по всем внешним причинам смертности прослеживается пик 1994 г. Рост смертности в начале 2000-х гг. несколько размыт (от 1999 до 2003 г.), но тоже прослеживается во всех регионах, за исключением Дагестана, где все показатели смерти от внешних причин (за исключением убийств) за 1990–2010 гг. не превышают 6,7 случаев. И это доказывает прямое влияние социально-экономических причин (в данном случае вызванных распадом государства и последовавшими вызовами) на рост смертности от различных причин в Российской Федерации.

Анализируя данные Росстата по числу умерших от внешних причин в расчете на 100 тыс. населения за год в 1990–2010 гг. в Тверской области, Дагестане и Башкортостане, можно увидеть, что они сильно отличаются в различных субъектах РФ по годам, причинам смертности, а также в зависимости от того, это сельское или городское население. Так, в целом по России случайные отравления алкоголем в 1990 г. составили 10,5* чел., (городское население – 9,9, сельское – 13,6 чел.). Эти показатели, пройдя через пиковые значения середины 1990-х и начала 2000-х гг., к 2010 г. снизились, но все еще превышают значения 1990 г. и составляют 13,38, 12,0 и 17,4 чел., соответственно.

Абсолютный максимум по случайным отравлениям алкоголем (74,2 в целом; 83,2 в сельской местности) показала в 1994 г. Тверская область. Минимум таких смертей (1,1) отмечен в том же году в Дагестане. Второе место за Башкирией (21,0). В начале – середине 2000-х гг. в стране опять отмечался всплеск «алкогольной» смертности (рис. 2), который являлся следствием экономического кризиса 1998 г. В сельской местности наблюдается более плавный, чем в городах, подъем этого показателя. Так как две трети населения России живут в городах, то неудивительно, что городские показатели примерно в два раза выше сельских.

Рис. 2. Смертность от случайных отравлений алкоголем в РФ (1997–2007 гг.)

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25 декабря 2009 г.). Диаграмма составлена Н.И. Григулевич

* Здесь и далее – число умерших на 100 000 населения за год по данным Росстата, 2012. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>

Рекордсменкой по самоубийствам стала Башкирия (69,7 в 1994 г. в целом по республике и «рекордные» 105,4 случаев в сельской местности). Башкирия занимает одно из лидирующих мест в Приволжском федеральном округе по числу самоубийств, но при этом – первое по численности. Количество самоубийств неравномерно распределяется по территории республики. Наибольшее их число отмечено в наименее экономически развитых районах [3]. На втором месте по числу самоубийств на 100 тыс. населения – Тверская область (53,6 в целом; и сравнимые с Башкирией 76,0 в сельской местности). В Дагестане всего 5,4 в 1994 г. и максимальные для республики – 6,3 в 2000 г.

И, наконец, по убийствам в лидерах Тверская область с показателями 37,4 случая за 1994 г. Здесь уместно заметить, что многие убийства совершаются в состоянии алкогольного опьянения, по которому область также лидирует [4, с. 358]. Затем идет Башкирия с 24,0 случаев на 100 тыс. населения за 1994 г., и только потом Дагестан (10,8). В Башкирии и Тверской области к 2010 г. максимальные показатели за 1994 г. снизились, но по-прежнему все еще выше показателей 1990 г. [5, с. 368]. В Дагестане, как уже было указано выше, в 1990–2010 гг. смертность от случайных отравлений алкоголем и самоубийств колеблется от 0,2 до 6,7 случаев на 100 тыс. населения.

В начале 2000-х гг. число убийств в Дагестане стало постепенно снижаться, но в 2010 г. произошел скачок с 7,9 (2009 г.) до 11,65 случаев. В любом случае это меньше, чем в том же 2010 г. в целом по стране (13,2), в Башкирии (12,0) и в Тверской области (17,2 случая на 100 тыс. населения). В целом самым благополучным по динамике смертности выглядит Дагестан [6], в котором наблюдалось лишь незначительное повышение показателей смертности в 1992–1993 гг., после чего началось их плавное снижение, и в 2010 г. смертность достигла 5%, что меньше, чем показатели смертности даже в советское время. И это в республике с непростой социально-экономической ситуацией, где на протяжении последних десятилетий продолжается борьба с терроризмом, часто вводится режим антитеррористических операций. Республика, как и другие субъекты Северо-Кавказского ФО, характеризуется высоким уровнем безработицы и другими социальными проблемами.

Рассмотрим некоторые социально-экономические и демографические процессы, которые происходят, в частности, в Тверской области (Калязинский, Кашинский и Кимрский районы) в последние десять-двадцать лет, и которые в значительной степени характерны для большинства областей ЦФО РФ. В некоторых селах практически не осталось старожиллов, а большинство жителей приезжают из городов только на летнее время. Разрушена инфраструктура советского времени (закрыты многие предприятия, лечебные учреждения, школы), а новая еще только создается, в основном в районных центрах.

Большие проблемы в регионе с занятостью, особенно молодежи. Если посмотреть на данные Росстата по численности безработных в Тверской области за 1996–2010 гг. (табл. 2), то видно, что цифры очень разнятся по месяцам, иногда отличаясь в два раза. Посчитав средний показатель за месяц, мы увидели, что он неуклонно уменьшался с 17,2 тыс. чел. (1996 г.) до 5,1 тыс. (2001 г.) и оставался приблизительно на этом уровне до 2008 г. с минимальным показателем в 4,9 тыс. безработных в месяц. Послекризисные 2009–2010 годы показывают более чем двукратное, по сравнению с этим, увеличение безработицы в области. Люди вынуждены либо работать не по специальности, либо уезжать в поисках заработка в крупные города, прежде всего в Москву.

Таблица 2

Численность безработных граждан, тыс. чел., Тверская область

Год Месяц	1996	1997	2000	2001	2003	2005	2006	2008	2009	2010
Январь	14,9	20,1	6,3	5,4	6,3	8,7	7,2	5,1	9	15,3
Февраль	16,2	20,4	6,2	5,6	6,7	9	7,6	5,3	11,5	16,0
Март	17,2	19,7	6	5,6	6,5	8,7	7,3	5,1	12,8	15,2
Апрель	18,0	18,6	5,6	5,4	6,2	8	6,9	4,9	14	14,5
Май	17,0	16,7	5,0	5,0	5,6	7,2	6,3	4,7	13,9	13,3
Июнь	16,3	15	4,8	4,6	5,2	6,6	6	4,4	13,4	12,2
Июль	16,7	13,6	5,0	4,6	5,3	6,5	6,2	4,6	14	11,8
Август	17	12,8	5,2	4,7	5,3	6,4	6,1	4,6	13,7	11,1
Сентябрь	17	11,6	5,3	4,6	5,1	6,2	5,8	4,4	13	10,3
Октябрь	17,5	10,8	5,0	4,6	5,1	6,2	5,6	4,4	13,2	9,8
Ноябрь	19	10,4	5,2	5,0	5,2	6,6	5,7	4,8	13,7	9,8
Декабрь	19,7	10,3	5,4	5,7	5,6	7,1	6,5	7,1	15	10,5
Среднее значение	17,2	15	5,4	5,1	5,6	7,2	6,4	4,9	13,1	12,4

Что же происходит в Центральной России и Поволжье, почему смертность в этих регионах по некоторым показателям превосходит все мыслимые пределы? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимы дальнейшие детальные исследования. Здесь лишь позволим себе предположить, что ислам, который исповедуют большинство жителей Дагестана, категорически запрещает употребление спиртных напитков. Поэтому количество алкогольных смертей, а также самоубийств, которые часто происходят в состоянии опьянения, в республике исчезающе мало.

По данным Росстата РФ, в 2005 г. от употребления алкоголя в стране умерли 105 тыс. чел. Отравились спиртосодержащей продукцией 40,8 тыс., а у 38 тыс. любителей зелья не выдержало сердце. Но и эти данные врачи считают заниженными как минимум в несколько раз. «В стране не проводятся серьезные социологические исследования по проблемам алкоголизации населения, – считает главный врач московского наркологического диспансера № 5 Игорь Рубченко. – Предполагаю, что все официальные цифры статистики можно смело умножать на 20–30, а то и на сто. Тогда, возможно, узнаем точное число смертельных исходов от алкоголя. Ведь даже инфаркты и новообразования могут случиться по причине неумеренного питания. Кстати, если проанализировать больничные листы, которые выдаются по понедельникам, то увидим: обострения заболеваний сердца, почек, печени связаны с воскресными возлияниями» [7].

Особую остроту в последние годы приобрела проблема женского алкоголизма. Если в России в 1980-х гг. соотношение мужчин и женщин, больных алкоголизмом, было 9:1, то в 1999 г. оно уже составляло 6:1 [8, с.17]. По данным Минздравсоцразвития РФ, в стране на начало 2006 г. официально признаны алкоголиками 40 тыс. детей. За пять лет уровень потребления алкоголя среди подростков увеличился на 65%, а около 40% школьников регулярно употребляют алкогольные напитки.

Итак, смертность в Тверской области в 2010 г. (20‰) в четыре раза превышает смертность в Дагестане (5‰) и существенно выше смертности в ЦФО, в Башкирии и в целом в РФ (15‰). За прошедшие шесть с половиной лет, как можно видеть из табл. 3, относительные показатели смертности в Тверской области снизились незначительно (2016 – 18,2‰; 2017 – 17,6‰). Убыль населения в 2017 г. по сравнению с 2016 г. немного, но все же возросла. Таким образом, в одной из крупнейших областей ЦФО отмечен тренд на убыль населения в ближайшие годы.

Таблица 3

Естественное движение населения в Тверской области за январь–май 2017 г.

Показатели	Количество человек			На 1000 населения ¹⁾	
	2016 г.	2017 г.	прирост (+), снижение (-)	2016 г.	2017 г.
Родившиеся	5890	5181	-709	10,9	9,7
Умершие	9858	9431	-427	18,2	17,6
в том числе детей в возрасте до 1 года	45	22	-23	7,3 ²⁾	3,7 ²⁾
Естественный прирост (+), убыль (-)	-3968	-4250		-7,3	-7,9
Зарегистрировано:					
браков	2435	2551	116	4,5	4,8
разводов	2178	2343	165	4,0	4,4

¹⁾ Показатели месячной оперативной отчетности приведены в пересчете на год.

²⁾ На 1000 родившихся живыми.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Тверское отделение. URL: <http://tverstat.gks.ru/> (дата обращения: 17 июля 2017).

После распада Советского Союза в 1991 г. в Российской Федерации начался рост смертности, значительную долю которого составляет смертность от внешних причин (случайные отравления алкоголем, самоубийства, убийства, смертность от ДТП). В разных субъектах Российской Федерации преобладают различные показатели смертности от внешних причин. Так, в сельской местности Тверской области наибольший вклад дает смертность от случайных отравлений алкоголем и самоубийств. В Башкирии, прежде всего в сельской ее части, наибольшую проблему составляют смерти в результате суицида. В Дагестане, несмотря на сложную социально-политическую ситуацию, смертность в целом существенно ниже, чем в целом по стране. Эти данные должны стать независимыми индикаторами при оценке работы администрации того или иного региона страны. Нужны срочные государственные меры снижения в Российской Федерации смертности от разных причин, в том числе внешних. Это тем более необходимо на фоне объявленного Росстатом превышения смертности над рождаемостью за первые пять месяцев 2017 г. Естественная убыль населения по сравнению с тем же периодом 2016 г. существенно выросла [9]. В 28 регионах России смертность превысила рождае-

мость в 1,5–2 раза. Естественный прирост населения в начале 2017 г. был зафиксирован Росстатом только в 21 регионе, в то время как годом ранее прирост наблюдался в 33 регионах.

Источники и литература

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат, 2012). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.12.2012).
2. Юмагузин В.В. Внешние причины смерти и продолжительность жизни в России. Демоскоп Weekly, 7–20 ноября 2011. № 485–486. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0485/tema01.php> (дата обращения: 27.07.2012).
3. Валиахметов Р.М., Мухамдиева Р.Р., Хилажева Г.Ф. Российские самоубийства: случай Башкортостана. Демоскоп Weekly, 7–30 сентября 2012. № 523–524. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/tema02.php> (дата обращения: 08.10.2013).
4. Григулевич Н.И. Смертность от внешних причин в регионах России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. 676 с.
5. Григулевич Н.И. Тверская область: социально-культурные факторы депопуляции // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2012. 641 с.
6. Grigulevich N.I. Population Decline in the Central Region of Russian Federation (1990–2010) // Coll. Antropol. 36 (2012) 4: 1101–1108. URL: http://www.collantropol.hr/?id_0=2&year_id=651&vol_id=684 (дата обращения: 10.09.2013).
7. Соловьева И.А. Похмельный синдром. В борьбе с алкоголизмом врачи остались одни // Российская Газета. 2006. 4 окт. № 4187.
8. Кошкина Е.А. Эпидемиология алкоголизма в России на современном этапе // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. № 3. Т. 3.
9. Калюков Е. Естественная убыль населения России выросла почти вдвое. URL: <http://www.rbc.ru/society/19/07/2017/596f70789a79472ee3f6f5e7> (дата обращения: 19.07.2017).

А.Ш. Хашба*

Межэтнические браки в Республике Абхазия

В статье оцениваются межэтнические браки с 1994 по 2009 г. Анализируются архивные материалы республиканского загса и официальные показатели статистических сборников республики. Делается вывод, что коренному этносу республики – абхазы вступают в межэтнические браки, особенно мужчины, нежели женщины – в целом свойственны гомогенные браки. Показатели других этносов носят скачкообразный характер.

Ключевые слова: межэтнический брак, абхазское население, Республика Абхазия, брак, экзогамные ограничения

A.Sh. Hashba

Interethnic marriage in the Republic of Abkhazia

The article evaluates interethnic marriages from 1994 to 2009. The archival materials of the republican registry office, and official indicators of the statistical collections of the republic are analyzed. The conclusion is drawn that the indigenous ethnic group of the republic is Abkhaz, enter interethnic marriages, especially men than women, as a whole homogeneous marriages are characteristic. Indicators of other ethnic groups are spasmodic.

Key words: interethnic marriage, Abkhazian population, Republic of Abkhazia, marriage, exogamic restrictions

Составной частью этнических процессов и одним из важнейших показателей их активизации являются браки. «Для этноса, как особой общности людей, характерны этнически однородные, так называемые гомогенные браки, которые обеспечивают стабильность этноса и воспроизводство его в социальном отношении путем передачи новому поколению языка, культуры, хозяйственно-бытовых традиций и т.д.» [1].

По А.Г. Харчеву «брак есть исторически изменяющаяся социальная форма отношений между мужчиной и женщиной, посредством которого общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности» [2].

Важным фактором развития этнических и осуществления этнических контактов являются смешанные браки. «Межэтническая семья – это малая, но весьма важная ячейка полиэтнического общества. Именно в ней можно увидеть всю сложность межэтнических взаимодействий, именно в ней происходит трансформация этнического самосознания» [3], а также «в ней вызревает неизбежно собственное этническое самосознание, осознание своей принадлежности к определенной этнической общности» [4], закрепляется и совершенствуется все положительное, что накоплено этносами в области культурного развития, сохранения традиций, обычаев и языка.

Показатели брака в нашей республике испытывали влияние социальных, экономических и политических изменений на протяжении почти всего минувшего столетия. Также находим отражение и во временных нарушениях нормального течения демографических процессов в результате войн или других социальных катаклизмов, часто сотрясавших нашу страну. Отрицательную роль в формировании браков сыграли диспропорции и численности полов в бракоспособных возрастах. Это безвозвратные потери мужского населения. Они снижают шансы женщин на вступление в брак.

Для изучения процессов межэтнических браков были использованы архивные материалы республиканского загса с 1994 по 2009 г. и показатели статистических сборников с 2010 по 2015 г. Количество зарегистрированных браков в республике представлено в табл. 1.

* **Хашба Астанда Шалвовна** (Сухум) – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела этнологии, Абхазского института гуманитарных исследований; 3849000, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44, astanda13@rambler.ru.

Таблица 1
Зарегистрированные браки среди населения РА с 1994 по 2015 г.

Год	Число зарегистрированных браков
1994	734*
1995	760*
1996	722*
1997	666*
1998	523*
1999	570*
2000	731*
2001	854*
2002	808*
2003	856*
2004	656*
2005	708*
2006	816*
2007	1000*
2008	1211*
2009	1278*
2010	1345**
2011	1436**
2012	1223***
2013	1221***
2014	1023****
2015	1024****

* Расчеты выполнены по данным архива ЗаГСА РА.

** Абхазия в цифрах за 2011 год. Сухум. С. 25.

*** Абхазия в цифрах за 2013 год. Сухум. С. 31.

**** ugsra.org

Данные таблицы свидетельствуют о скачкообразном характере регистрации браков. Причиной увеличения или уменьшения числа зарегистрированных браков предполагается отсутствие соответствующих документов, или поздняя регистрация брака.

Практически всегда есть пары, т.е. брачные союзы, неоформленные по закону. В Абхазии такие союзы характерны среди старшего поколения населения – *дедушек и бабушек*. Современная молодежь регистрирует брак юридически, но есть такие пары, которые составляют исключение.

Доля межэтнических браков зависит от многих факторов: этнонационального состава населения, характера расселения, культуры, религии, традиций, обычаев, образа жизни, психологии народов, и т.д. [5].

На динамику и развитие межэтнической семьи влияют внешние и внутренние факторы. Внешние факторы: экономика, право, политика, религия, территория, характер расселения, рост инонационального населения, особенности половозрастной структуры населения и др. Внутренние факторы: особенности этнической культуры каждого из супругов, обычаи и обряды, психологическая совместимость и степень эмоциональной близости супругов. Именно они, по мнению Л. Моногаровой, являются основными внутренними факторами, определяющими стабильность семьи, взаимоотношения супругов [6].

До сих пор в Абхазии среди абхазского населения сохранились экзогамные ограничения. Они распространяются на однофамильцев как по отцовской, так и по материнской линии и на однофамильцев бабушек обеих сторон. Нарушение экзогамии в прошлом считалось тягчайшим преступлением и наказывалось изгнанием из общества. В наше время нарушение экзогамии не считается тяжким преступлением, тем не менее вызывает осуждение со стороны абхазов. Нарушаются, в первую очередь, ограничения далекой экзогамии, например, запрещение вступать в брак с однофамильцами их бабушек – матери или отца. Что же касается экзогамии между лицами отцовской и материнской фамилий, то она и сейчас строго соблюдается [7].

Абхазам в целом свойственны гомогенные браки. С 1994 по 2009 г. по республике мужчины и женщины абхазы с невестой и женихом своей национальности заключили 5148 брака (56,7%). Мужчины абхазы в меж-

этнический брак вступают чаще (22,4%), нежели женщины абхазки (12,8%). Женщины абхазки предпочитают вступать в брак с мужчинами своей национальности. Русских мужчин, вступивших в межэтнический брак – 49,8%, русских женщин – 63,2%. У армян мужчин и женщин, вступивших в брак с женихом и невестой своей национальности, по – 19,5%. Межэтнические браки у греков мужчин – 88,1%, женщин гречанок – 85,0%. У мужчин и женщин других национальностей показатели межэтнических браков одинаковы – по 82,5%. Грузины мужчины вступили в межэтнический брак – 28,8%, женщины – 38,9%.

А.Г. Волков считает, что в этнически смешанные браки вступают в основном представители народов, близких по особенностям культуры и быта. Но вместе с тем среди них сравнительно широко представлены и другие этнические сочетания [8]. В табл. 2 представлены этносы, вступившие в межэтнический брак в Абхазии с 1994 по 2009 г.

Следует отметить, что вступившие в межнациональные браки преобладают у абхазов мужчин и русских женщин. У армян этот показатель высок в Гагрском, Гулрыпшском и Очамчырском районах, что вызвано массовым заселением ими в этих районах. Максимальные показатели греческого населения представлены по г. Сухум. Женщины грузинки в межнациональные браки вступили в Очамчырском, Ткуарчалском и Галском районах. Это связано с расселением грузин в восточных районах республики. Наиболее низкий показатель у греков и представителей других этнических групп.

С изменением этнического состава республики поменялись соотношения браков у коренного этноса (абхазы) и основных этнических групп. В исследуемый период у абхазов преобладают однонациональные браки. С 1994 по 1999 г. у абхазов уменьшилось количество однонациональных браков, с 2000 г. наблюдается их рост. У армян максимальные показатели однонациональных браков преобладали с 1994 по 2006 г., они носили скачкообразный характер, а с 2007 г. наблюдается резкий спад. Относительно русских и греков в 1994 г. наблюдается преобладание однонациональных браков, в последующие годы показатели уменьшаются. У грузин

резкий рост однонациональных браков наблюдается с 1997 г. Уменьшение и увеличение числа однонациональных браков в первую очередь связано с уменьшением или увеличением количества того или иного этноса, проживающего в республике, а также желанием мужчин и женщин вступить в межнациональный брак.

Таблица 2

Межнациональные браки по этносам по Республике Абхазия с 1994 по 2009 г.

Этносы	г. Сухум		Гагрский Район		Гудаутский район		Сухумский район		Гульришский район		Очамчирский район		Ткуарчалский район		Галский район	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Абхазы	428	274	241	126	243	98	46	20	113	43	207	105	169	68	11	14
	37,0%	23,7%	28,4%	14,8%	47,8%	19,3%	31,3%	13,6%	34,0%	13,0%	50,7%	25,7%	64,0%	25,8%	19,6%	25,0%
Русские	272	390	227	354	101	220	31	58	73	139	50	117	16	51	8	15
	23,5%	33,7%	26,7%	41,6%	19,9%	43,3%	21,1%	39,5%	22,0%	41,9%	12,3%	28,7%	6,1%	19,3%	14,3%	26,8%
Армяне	140	161	174	164	66	53	32	37	66	59	28	30	5	13	—	1
	12,1%	13,9%	20,5%	19,3%	13,0%	10,4%	21,8%	25,2%	19,9%	17,8%	6,9%	7,4%	1,9%	4,9%	—	1,8%
Греки	43	35	27	7	10	11	3	5	13	10	6	8	—	1	—	—
	3,7%	3,0%	3,2%	0,8%	2,0%	2,2%	2,0%	3,4%	3,9%	3,0%	1,5%	2,0%	—	0,4%	—	—
Грузины	86	108	42	52	24	29	4	10	21	48	68	118	40	106	34	21
	7,4%	9,3%	4,9%	6,1%	4,7%	5,7%	2,7%	6,8%	6,3%	14,5%	16,7%	28,9%	18,5%	40,2%	60,7%	42,9%
Др. нац.	188	189	139	132	64	97	31	17	46	33	49	30	25	25	3	2
	16,2%	16,3%	16,4%	15,5%	12,6%	19,0%	21,1%	11,6%	13,9%	9,9%	12,0%	7,4%	9,5%	9,5%	5,4%	3,6%

Таким образом, какой бы не была семья (однациональной, межэтнической), благополучие, долголетие ее зависит только от членов этой семьи. В семьях от межнациональных браков проблемы носят не только бытовой характер, имеется и масса других. Однако если будет достигнуто взаимопонимание между членами семьи и будут приняты традиции, обычаи и культуры с обеих сторон, если эта семья будет поддерживаться со стороны родных и близких, то такие семьи станут успешными, имея равные права в нашем современном обществе.

Источники и литература

1. Бромлей Ю.С. Этнос и этнография. М., 1973. С. 114–120.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
3. Шахбанова М.М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социс. 2008. № 11. С. 72–76.
4. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань, 1999. С. 20.
5. Козлов В.И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982. С. 263.
6. Моногарова Л. Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков // Семья, традиции и современность / Отв. ред. О.А. Ганцкая, И.А. Гришаев. М., 1990. С. 170–202.
7. Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС. М., 1955. Т. 1. С. 84.
8. Волков А.Г. Семья глазами демографа. М., 1989. С. 84.

*Е.В. Фадеева**

Демографическая характеристика современной семьи тазов Приморского края

В данной статье речь пойдет о социально-демографических характеристиках современной семьи тазов. Данные похозяйственных книг и материалы Всероссийской переписи позволяют составить представление о структуре, типологии, размере семьи тазов; соотношении однонациональных и смешанных семей; количестве заключаемых браков, естественном приросте населения, уровне его детности; перспективах социально-демографических процессов семьи данного этноса.

Ключевые слова: тазы, брачность, детность, социально-демографические характеристики

E.V. Fadeeva

Demographic characteristics of the modern family of the tazovs of the Primorsky Krai basin

In this article we will talk about the socio-demographic characteristics of a modern family of pelvis. The data of the economic books and the materials of the All-Russian Census will make it possible to form an idea of the structure, typology, and the size of the family of cans; The ratio of single and mixed families; The number of marriages being concluded, the natural growth of the population, the level of its childhood; Prospects of socio-demographic processes of the family of this ethnos.

Key words: basins, nuptiality, childhood, socio-demographic characteristics

Довольно полное представление об объекте исследования – о современных социально-демографических процессах у тазов Приморского края – можно получить путем анализа различных социальных структур: социально-демографической, профессиональной, образовательной и пр. Сравнительный анализ структурных характеристик тех или иных национальных общностей позволяет выявить и изучить специфику и тенденцию их социального развития. Социально-демографические структуры дают представление об удельном весе трудоспособного населения, соотношении половозрастных групп, уровне образования, типе и величине семьи, количестве детей и уровне брачности.

Исходя из специфики научного интереса автора статьи, главное внимание будет уделено демографическим характеристикам, полученным на основе анализа похозяйственных книг с. Михайловка Ольгинского района Приморского края за 2007–2011 гг. и из материалов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Тазы – небольшая этническая, метисная по своему происхождению, группа населения в Приморском крае с весьма устойчивым самосознанием. Она возникла в середине XIX в. в период маньчжуро-китайской колонизации бывшего Уссурийского края в результате смешения части удэгейцев, нанайцев и орочей с китайскими и маньчжурскими отходниками. Язык тазов – искаженный китайский с примесью слов удэгейского и нанайского языков [1].

В настоящее время, согласно переписи 2010 г., большинство опрошенных состоит в браке – 54,5% (из них 14% мужчин и 27% женщин живут в гражданском браке), разведены официально – 3,6% (4,3% мужчин и 4,2% женщин); разошедшихся – 2,4% (1,1% мужчин и 2,6% женщин), вдовы (вдовцы) – 7,9% (1,1% мужчин и 16,1% женщин) и вообще никогда не состояли в браке 15,4% (23,9% мужчин и 14,4% женщин) [2].

На сегодняшний день среди однонациональных семей преобладают семьи матерей-одиночек (25%), затем идут брачные пары с детьми (18,8%) и брачные пары с детьми и другими родственниками (брат, тесть, племянник, зять) (16,3%). Отметим, что почти втрое уменьшилось количество брачных пар без детей (6,3%), но появилось достаточно большое количество семей одиноких тазов (14,1%) и семей одиноких тазов, проживающих с другими родственниками (37,8%).

* **Фадеева Елена Викторовна** (Владивосток) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, ev_fadeeva@mail.ru.

В смешанных семьях, наоборот, стали превалировать брачные пары без детей (42,4%), далее идут брачные пары с детьми (31,6%) (их число уменьшилось почти в два раза) и брачные пары с другими родственниками (15,9%) (их количество, напротив, увеличилось почти вдвое). К сожалению, увеличилось число семей матерей-одиночек (10,6%) и появилось неведомое до этого такое явление, как семьи отцов-одиночек, которые составляют 5,3% от общего числа семей [3].

Согласно классификации семей по родственным связям, у тазов наибольшая доля приходилась на семьи 3-го типа, т.е. брачную пару с детьми; на втором месте идут неполные малые, преимущественно возглавляемые женщинами, на третьем – семьи бездетных пар. Средняя численность однонациональных семей составляет 1,8 чел., тогда как смешанных – 4,8 чел.

Одной из причин уменьшения численности семьи является снижение уровня брачности. Нарушается традиционная структура семьи: с одной стороны – много матерей-одиночек, внебрачных детей; с другой – неженатых мужчин брачного возраста. Общая тенденция современных браков характеризуется брачным возрастом от 17–18 лет до 25–26 лет, как для женщин, так и для мужчин.

В однонациональных семьях образовательный уровень супругов в 12,6% случаев совпадает, тогда как в 6,3% семей уровень образования жены выше, чем у мужа, и в 18,8% случаев она является главой семьи (в 1990-е гг. это явление не наблюдалось). В семьях таз – русская у жены выше уровень образования в 62,5% случаев, в 12,5% семей – супруга старше мужа (что также не наблюдалось в 1990-е гг.), что в свою очередь повлияло на тот факт, что увеличилось количество семей (37,5%), где жена является главой семьи. Отметим, что в семьях русский – тазка уровень образования супруги выше в 33,3% случаев, жена старше мужа в 40% семей (возможно, это отголоски прежде существовавшего у них обычая левирата), особенно это касается браков женщин-тазок с представителями других коренных этносов, и в 60% подобных семей она выступает главой, тогда как ранее, несмотря ни на что, главой семьи всегда оставался мужчина [3].

Отметим, что главой семьи, кроме семей вдов, разведенных и матерей-одиночек, женщина является, как правило, в тех случаях, когда она либо принимает в дом нового мужа, либо имеет более высокий образовательный уровень и социальный статус, а в трети случаев супруга еще и старше мужа. Подобные цифры свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье. Впрочем, официальные статусы главенства в семье в большинстве случаев являются формальными. Даже при главенстве мужа в наше время, как правило, семейной кассой заведуют женщины. На них лежат обязанности по воспитанию детей, они ведут дом, притом работают и на производстве и нередко получают более высокую заработную плату, чем мужья [4].

С точки зрения образования супругов, в однонациональных семьях в 12,6% случаев уровень образования супругов либо совпадает, либо муж более образован; в смешанных семьях превалируют браки между людьми, чье образование одинаково (40%), тогда как 50% составляют браки мужчин с более образованными женщинами. Эти данные подтверждает общая картина уровня образования местного коренного населения: у мужчин превалирует средне-специальное образование (35,6%), затем идет неполное среднее (15,6%), далее по убывающей – н/высшее (8,9%), среднее (6,7%), высшее (6,7%), начальное (2,2%); учащиеся и дошкольники составляют 15,6%, неграмотных нет. У женщин – среднее образование (30%), средне-специальное (17,5%), начальное (12,5%), неполное среднее (7,5%), н/высшее (5%), высшее (5%); учащиеся и дошкольники составляют 15%, неграмотные – 5% [3].

Отметим, что мужчины всегда были более ориентированы на традиционные отрасли хозяйства, тогда как женщины стремились получить какую-либо специальность, чтобы в дальнейшем занять более высокое социальное положение.

Продолжают интенсивно протекать процессы этнического сближения и межэтнической интеграции. Смешанные в этническом отношении браки имеют у тазов давнюю традицию и были обусловлены разными причинами. Устойчивая тенденция к росту числа смешанных браков наблюдается в последние десятилетия.

По данным похозяйственных книг за 2007–2011 год численность однонациональных и смешанных браков у тазов по сравнению с концом советского периода несколько выровнялась и составляет 35,6% и 42,2% соответственно. Среди смешанных браков, как и в 1990-е гг., превалируют браки с русским населением. Так, количество браков мужчин-тазов с русскими женщинами увеличилось и составляет 42,1%, тогда как число браков женщин-тазок с русскими мужчинами несколько уменьшилось и составляет 26,3%. Обратная ситуация наблюдается в случаях вступления в брак мужчин-тазов с женщинами других коренных народностей (их число уменьшилось и составляет 5,3%), тогда как женщины-тазки стали более охотно вступать в брак с мужчинами других этносов (их количество увеличилось и составляет 5,3%). Вместе с тем появились браки мужчин-тазов с представительницами других этносов (10,6%) [3].

Нельзя не учитывать и то, что новые семьи уже создают и будут создавать метисы во втором и третьем поколениях. Молодежь из этнически неоднородных семей легче вступает в смешанные браки. Во всех селах

преобладают семьи, в которых муж является русским или представителем другой не коренной национальности. Подобная тенденция во многом объясняется и неблагоприятным соотношением полов у тазов. По данным переписи 2010 г. в Приморском крае, например, на 110 мужчин приходится 143 женщины. Из них в возрасте моложе трудоспособного – на 16 мужчин приходится 25 женщин; в трудоспособном возрасте – на 85 мужчин приходится 79 женщин; в возрасте старше трудоспособного – на 9 мужчин приходится 39 женщин [5].

Примерно 21% семей живет гражданским браком. Процент гражданских браков среди женщин выше, чем среди мужчин (27% против 14%). Распространение гражданских браков, принявших в последнее время характер поветрия, объясняется тем, что на селе проще относятся к юридическому оформлению браков (и разводов тоже), которые регистрируются только в случае крайней необходимости. Так, согласно переписи 2010 г., доля мужчин-горожан, живущих в гражданском браке, составляла 4,2%, тогда как среди мужчин-сельчан – 20%. Среди женщин этот показатель составляет 24,1% у женщин-горожанок и 28,9% у женщин-сельчанок [2]. Вторая причина роста гражданских браков – неустроенность и нестабильность жизни. Доля гражданских браков выше в этнически смешанных семьях, особенно с русскими, но не существенно. Объясняется это тем, что многие такие брачные союзы супруги (особенно это характерно для мужчин) воспринимают как временное явление и не всякая женщина в таких браках, интуитивно понимая всю шаткость своего замужнего положения, отважится иметь больше 1-2 детей. Отсюда и низкая детность подобных браков.

На сегодняшний день в семьях мужчин-тазов с русскими женщинами национальность детей записывается как «таз» в 21,2% случаев, в семьях русских мужчин с женщинами-тазками – в 15,9%, тогда как ранее практически всегда национальность детей определялась как «таз».

В смешанных браках тазов с представителями других более крупных этносов у детей в 5,3% случаев национальность определяется как «таз», тогда как в семьях с представителями других КМНС детям в 5,3% случаев записывают национальность родителей другой этнической принадлежности. Отметим, что в одной семье наблюдается случай «деления» национальности детей между родителями (у дочери – по матери-нанайке, у сына – по отцу-тазу) [3].

Отметим, что в селах смена этничности детей, рожденных в смешанных семьях, не имела широкого распространения из-за наличия весьма существенных льгот для народов Севера, зато в городах, где эти льготы не действовали, процесс ассимиляции сказывался уже весьма ощутимо, тогда как в 50–60-е гг. XX в. этот вопрос однозначно решался в пользу родителя северной национальности, особенно в браках с русскими. При этом фамилия ребенка определяется главным образом все-таки по отцу. Очевидно, что этническое самосознание лиц, выросших в смешанных по национальному составу семьях, в значительной степени воспитывается тем этническим окружением, в котором вырастают эти лица (при условии, что отец или мать данного лица происходят из среды этого народа).

Характерной тенденцией демографического развития тазов после 1959 г. становится снижение рождаемости. Причинами подобного процесса являются не только сознательное планирование семьи и переход к малодетной семье, но и прошлые тенденции процессов естественного движения, в том числе и последствия Великой Отечественной войны. Снижение рождаемости было обусловлено и рядом социальных причин: укрупнение колхозов, ликвидация «неперспективных» поселений, переселение в более крупные многонациональные поселки, следствием чего явилось ухудшение жилищно-бытовых условий, а также нехватка мест в яслях и детских садах. Немаловажную роль в данном процессе играли рост числа смешанных браков и неполных семей, безработица, возросшая миграция тазов в городские поселения. В укрупненных колхозах был замечен быстрый процесс метисации. Можно констатировать, что в 1990-е гг. у них завершился в основном переход к малодетной (1-2 ребенка) семье. Такое количество детей сегодня имеет 41% семей, тогда как в 1960-х гг. было много семей с 4-5 детьми, нередко были и семьи с 9-10 детьми. Так, в 2010 г. на одну женщину-тазку в возрасте 20–29 лет «приходилось» по 0,7 ребенка, в возрасте 30–39 лет – 1,2 ребенка, в возрасте 40–49 лет – 1,8 ребенка, тогда как для женщин в возрасте 50–59 лет этот показатель составляет 2,1 ребенка, для женщин 60–69 лет – 2,6 ребенка, а для женщин 70 лет и старше – 2,9 ребенка [6]. 6,7% семей детей не имеет вообще и, учитывая тот факт, что 21,2% женщин не имеют детей, положение с рождаемостью явно не благополучное [3; 6]. Снижение рождаемости и рост смертности не могли не отразиться и на возрастной структуре. К 2010 г. доля детей-тазов до 14 лет сократилась в Приморском крае до 16,2%, доля лиц старше 60 лет возросла до 19% [5]. Еще одно следствие указанной проблемы – рост числа внебрачных детей, число которых с 1990 по 2011 г. выросло с 7,1 до 13,3% [7; 3].

Тем не менее изменения, происходящие в хозяйстве и материальной культуре народа в последнее время процессы взаимовлияния и взаимодействия тазов и окружающего их населения, привели к тому, что в настоящее время тазская семья по многим параметрам сходна с семьей у других народов страны. Значительные изменения, происходившие в семьях тазов в период культурной революции в советскую эпоху, видны в демографической структуре семьи, ее типологии, экономических функциях, социальном составе, внутрисемейных отношениях.

В целом, демографическую ситуацию у тазов можно охарактеризовать следующим образом: снижение уровня брачности как у мужчин, так и у женщин в пользу распространения «гражданских браков» и, как следствие, увеличение количества незаконнорожденных и внебрачных детей; повышение числа разводов с последующим увеличением неполных семей. Видимо, будет иметь продолжение и тенденция уменьшения рождаемости при повышении уровня смертности, главным образом, среди трудоспособного населения.

Источники и литература

1. Тураев В.А. Культурная интерференция в малых этнических группах (вместо заключения) // Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX–XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 135. (Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т.10. Этнограф. исслед-ия).
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 10 т.: Офиц. изд. Т. 4. Нац. состав и владение языками, гражданство. Кн.3. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 2362–2363.
3. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 777. Проблема современного социально-экономического и культурного развития тазов Ольгинского района (1991–2012 гг.). Материалы А.Ф. Старцева. Л. 94–105.
4. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 328–329.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 10 т. Офиц. изд. Т. 4. Нац. состав и владение языками, гражданство. Кн. 3. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 2199.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 10 т.: Офиц. изд. Т. 4. Нац. состав и владение языками, гражданство. Кн. 3. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 2372–2373.
7. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 777. Проблема современного социально-экономического и культурного развития тазов Ольгинского района (1991–2012 гг.). Материалы А.Ф. Старцева. Л. 83–93.

Список сокращений

Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН – Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

И.А. Субботина*

Изменения в брачном и репродуктивном поведении гагаузов Молдавии (вторая половина XX – начало XXI века)

В статье на материалах переписей населения Российской империи 1897 г., Советского Союза (1959, 1989 гг.), переписей населения Республики Молдова 2004, 2014 гг., а также материалах этнодемографических исследований автора 1989–1990, 2004 и 2011 гг., проведенных среди гагаузского населения Молдавии, показаны изменения в брачном и репродуктивном поведении гагаузов, произошедшие в условиях социальной трансформации общества. Дан анализ степени сохранности/трансформации этнокультурной традиции в брачно-семейном поведении гагаузов.

Ключевые слова: гагаузы, Молдавия, брачное и репродуктивное поведение, трудовая миграция, этнокультурная традиция

I.A. Subbotina

Changes in Marital and Reproductive Behavior of Gagauz people in Moldova (second half of 20th – beginning of 21st century)

The article, based on the materials of the population censuses of the Russian Empire in 1897, the Soviet Union (1959, 1989), the censuses of the Republic of Moldova in 2004 and 2014, as well as the materials of the ethno-demographic studies of the author for 1989–1990, 2004 and 2011, conducted among Gagauz population of Moldova, shows the changes in the marital and reproductive behavior of the Gagauz people, which occurred under the conditions of social transformation in the society. It analyzes the degree of preservation / transformation of the ethno-cultural tradition in the marital and family behavior of Gagauz people.

Key words: Gagauz people, Moldova, marital and reproductive behavior, labor migration, ethno-cultural tradition

Модели демографического поведения населения формируются под воздействием множества факторов, как социально-экономического, так и этнокультурного характера. Под воздействием определенной системы культурных норм и ценностей в тех или иных этнических общностях формируется свое, особое демографическое поведение, складываются особые установки матримониального и репродуктивного поведения, связанные с особенностями культуры и быта народа, сформировавшимися в процессе его социально-экономического и культурного развития.

Одной из главных задач изучения демографического развития этнических групп является выявление изменений в брачно-репродуктивном поведении, анализ степени сохранности/трансформации этнокультурной традиции в брачно-семейном поведении.

В статье нам хотелось бы остановиться лишь на некоторых проблемах демографического развития гагаузского этноса: изменениях, произошедших на протяжении полувека в процессах брачности и рождаемости у гагаузов, живущих в Молдавии, а точнее – на анализе изменений ценностей и норм, идеалов и реалий брачного и репродуктивного поведения гагаузов, происходящих в условиях социальной трансформации общества.

В основе нашего анализа лежат данные переписей населения Российской империи (1897 г.), Советского Союза (1959, 1989 гг.), переписей населения Республики Молдова 2004, 2014 гг., а также материалы этнодемографических исследований автора 1989–1990, 2004 и 2011 гг., проведенных среди гагаузского населения Молдавии [1].

Согласно данным Всесоюзной переписи населения Российской империи 1897 г., в конце XIX в. на территории Бессарабской губернии проживало 55,8 тыс. гагаузов [2]. Эти данные свидетельствовали о двукратном

* Субботина Ирина Алексеевна (Москва) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии Российской академии наук; Москва, 119991, Ленинский проспект, д.32а, irinalsu@yandex.ru

увеличении их численности, в сравнении с серединой XIX в., когда число гагаузов Южной Бессарабии по разным оценкам составляло от 22 до 28 тыс. чел. [3].

Гагаузское население, в массе своей крестьянское, было слабо урбанизировано. Среди всех этнических групп, населявших Бессарабию в конце XIX в., у гагаузов был самый низкий удельный вес горожан, не достигавший 1%, в то время как у болгар, вместе с которыми гагаузы переселились в Бессарабию в составе задунайских колонистов, удельный вес горожан был почти в 20 раз выше (11,2%) [4].

Огромные социальные потрясения начала XX в., такие как Первая мировая война, революция, а затем и гражданская война привели к изменениям и в численности, и в национальном составе населения края. Для первых трех десятилетий XX в. точные данные о количестве населения Бессарабии, оккупированной в те годы королевской Румынией, отсутствуют. По данным Румынской переписи 1930 г., гагаузское население Бессарабии за период 1897–1930 гг. увеличилось на 42,3 тыс. чел., или в 1,8 раза, достигнув 98,1 тыс. чел. [5].

Возвращение Бессарабии в состав СССР в 1940 г., депортация части населения республики (в том числе гагаузов) в Сибирь, Великая Отечественная война с ее колоссальными человеческими потерями, голод – вот те события, которые не могли не отразиться на численности гагаузов. По материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. численность гагаузов в Молдавии составляла 95,9 тыс. чел., что было меньше их численности 1930 г. За следующий тридцатилетний период (1959–1989 гг.) абсолютная численность гагаузов возросла до 153,5 тыс. чел., или более чем в полтора раза (159,4%). По темпам роста численности гагаузы обгоняли все наиболее крупные народы республики, за исключением русских, чья численность росла главным образом за счет миграционных и ассимиляционных процессов.

К середине XX в., к 1959 г., коэффициент рождаемости у гагаузов составлял 45‰ и был выше средне-республиканского уровня в 1,4 раза. Этот показатель был в те годы почти таким же, как и у азербайджанцев и народов Средней Азии (43,7‰ – 45,6‰) [6], т.е. рождаемость гагаузов даже в середине XX столетия была выше рождаемости их соседей болгар (29,3‰) в 1,5 раза [7], хотя условия существования в республике этих этнических групп очень близки: это и общность исторических судеб, и многолетнее совместное расселение, и близость хозяйственных навыков, многих элементов быта и культуры, религия и т.п. Решение загадки этих различий, очевидно, нужно искать в истории, социально-экономической и духовной жизни народов, в бытовавших этнических традициях ранних браков, низкого уровня разводов, поощрения многодетности и проч.

К 1989 г. при общем снижении уровня рождаемости в Молдавии коэффициент рождаемости гагаузов оставался самым высоким (22,3‰), хотя за прошедшие тридцать лет он уменьшился более чем в 2 раза. Сократился разрыв в показателях рождаемости между гагаузами и другими этносами Молдавии. Хотя снижение уровня рождаемости у гагаузов проявилось позднее, чем у других этнических групп Молдавии, по скорости снижения рождаемости гагаузы обгоняли все другие народы республики.

Последние десятилетия XX и начало XXI в., насыщенные процессами трансформации всех сторон жизни общества, вызвали неоднозначные перемены в картине расселения гагаузов и в процессах их воспроизводства. Распад Советского Союза привел к разделению на части и так малочисленного этноса, оказавшегося в массе своей поделенным между тремя государствами – Молдавией, Украиной и Россией, что в определенной мере ослабило статусные позиции разделенного народа, во многом обусловленные его численностью, снизило конкурентоспособность этнической группы как в экономической, так и в политической сферах внутри новых стран ее расселения. Произошло резкое снижение уровня жизни гагаузов, усилилось социальное и имущественное расслоение, произошло старение населения, уменьшение доли в нем активных трудоспособных лиц, ускорились распад семей и снижение рождаемости в гагаузских семьях и, как следствие, уменьшился естественный прирост гагаузского этноса. Численность гагаузов в Молдавии, неизменно возрастающая весь советский период, за 1989–2004 гг. (по сопоставимым территориям) не только не выросла, но была отмечена убыль абсолютного числа гагаузов, которая составила десятки доли процента (0,8%) [8]. К 2004 г. коэффициент рождаемости у гагаузов сократился, в сравнении с 1989 г., вдвое (до 11,2‰), а годовой естественный прирост стал отрицательным.

Последняя проведенная в Молдавии перепись населения 2014 г. показала численность гагаузов в 126,0 тыс. чел., что свидетельствовало о существенном ее снижении за постсоветский период на 27,5 тыс. чел., или на 15,3%. Заметное снижение уровня рождаемости у гагаузов, а также постоянно возрастающие, масштабные миграционные перемещения за пределы основного этнического ядра расселения (Гагаузия), в том числе наиболее молодого и образованного поколения гагаузов, создают серьезную опасность целостности этноса, стабильности его воспроизводственных процессов, демографических и социальных перспектив развития гагаузов.

Отмечено, что уровень рождаемости во многом зависит от структурных демографических показателей населения: его возрастного состава, соотношения мужчин и женщин, численности женщин фертильного возраста (15–49 лет), а также в значительной мере от уровня брачности. Развитие брачных отношений у гагау-

зов после переселения их в Буджак было во многом обусловлено особенностями формирования населения Южной Бессарабии (его этническим составом, культурно-бытовыми традициями, социально-экономической спецификой). Полунатуральный характер крестьянского хозяйства в первые годы после переселения в этот регион в конце XVIII – начале XIX в. обуславливал замкнутость и обособленность гагаузской семьи, сохранявшей патриархальные пережитки, поддерживающей сложившиеся нормы брачного поведения гагаузов, в том числе касающиеся ценности брака и возраста вступления в брак. По данным первой Всеобщей переписи населения России 1897 г., в конце XIX в. доля гагаузов, состоявших в браке, была наивысшей среди народов Бессарабии, составляя 41,7%, тогда как в среднем по губернии этот показатель достигал 39,1%, а у соседей-болгар был равен 39,7% [9]. Самый высокий в губернии уровень брачности был характерен как для гагаузских женщин, так и для гагаузских мужчин. Эти различия нельзя объяснить только этнической дифференциацией уровня урбанизации этносов. Ведь и среди сельского населения губернии у гагаузов показатели брачности были самыми высокими.

Одним из факторов, влиявших на сохраняющуюся традицию довольно раннего и более полного состояния в браке гагаузов, была существовавшая в их общественном мнении, которое имело чрезвычайно сильное влияние на поведение каждого гагауза, ценность брака, семьи, о чем писал известный русский исследователь культуры и быта гагаузов В.А. Мошков [10]. Существенное влияние на традиции ранней брачности у гагаузов имел и относительный недостаток женщин в гагаузском населении. И действительно, в силу ли того, что гагаузские мужчины на протяжении многих лет проживания в России на положении иностранных колонистов были освобождены от воинской повинности и «мужской демографический потенциал» был полнее, чем у других народов, или ценность жизни девочек у гагаузов была не столь высока, как мальчиков, или же особую роль играло тяжелое, приниженное положение женщины в гагаузском обществе, отражавшееся на женском здоровье и продолжительности жизни женщин, но, по данным переписи населения 1897 г., например, на 100 мужчин-гагаузов Бессарабии приходилось лишь 93 женщины, (а в отдельных гагаузских селах еще меньше – 86–88 женщин) [11], и это было самое низкое соотношение полов в сравнении с другими народами губернии. Может быть, в этом скрывались истоки и наиболее часто встречающейся межэтнической брачности, в большей мере характерные для мужчин-гагаузов в силу недостаточности однонационального рынка невест.

К середине XX в. уровень брачности гагаузов Молдавии оставался самым высоким среди этнических групп республики, что в немалой степени было обусловлено стабильностью и консервативностью института брака у гагаузов, традиционно низким уровнем разводов, осуждавшихся гагаузским обществом. Так, среди мужчин в возрасте 16 лет и старше на 1000 человек приходилось 813 состоящих в браке, а среди женщин – 684. При этом ранние браки гагаузских мужчин встречались гораздо чаще, чем остального населения республики. Так, в среднем по Молдавии в когорте 16–19-летних мужчин из каждой тысячи человек 36 состояли в браке, тогда как у гагаузов 98 мужчин уже были женаты. В следующей возрастной группе 20–24-летних в среднем по республике из каждой 1000 мужчин 367 состояли в браке, а у гагаузов 649 мужчин из 1000 были женаты [12]. Тогда как по женскому населению этнические различия в уровне брачности были не столь заметны, уровень брачности 20–24-летних гагаузок был лишь в 1,2 раза выше среднереспубликанских показателей. Относительно раннее и более полное состояние в браке гагаузов вело к более высокому уровню рождаемости, детности.

Какие же трансформации происходят в настоящее время с процессами брачности и разводимости у гагаузов? По данным статистики, в этой сфере произошли серьезные изменения. Так, в последнее пятилетие XX в. у гагаузских мужчин на 1000 браков приходилось 315 разводов, у женщин – 335. В начале XXI в. (2001–2005 гг.) в среднем в год на тысячу браков приходилось уже 668 разводов у мужчин-гагаузов и 715 разводов у гагаузских женщин, т.е. относительное число разводов выросло более чем в 2 раза за короткий отрезок времени.

Материалы опроса гагаузов 2004 г. дали представление об установках на развод как всего гагаузского населения, так и горожан и сельских жителей: четверть опрошенного гагаузского населения, вне зависимости от того, живут ли они в городе или на селе, считали, что семью не следует сохранять, если отношения между супругами не сложились или разладились. Сильной традиционной установкой на незыблемость семьи и необходимость сохранять ее в любом случае придерживалась только половина опрошенных гагаузов (52%). Но здесь различия между горожанами и сельскими жителями довольно велики: в селе людей, придерживающихся традиционной, консервативной установки на сохранность семьи, в 1,4 раза больше, нежели в городе (соответственно 58 и 43%).

Женщины, традиционно хранительницы семьи, домашнего очага, в своих установках более радикальны, чем мужчины. Свыше четверти опрошенных гагаузок считали, что сохранять семью не следует, если отношения между супругами разладились, у мужчин такого мнения придерживалась лишь пятая часть опрошенных. При этом установки на развод в селе встречались у женщин в полтора раза чаще, чем у мужчин (30% против

20%), а в городе гендерных различий практически не наблюдалось. Вероятно, в происходящих изменениях в значительной мере «повинна» трудовая миграция гагаузов. В традиционном патриархальном обществе гагаузская женщина в своем поведении руководствовалась сложившимися и устоявшимися общественными ценностями, нормами и стереотипами в большей мере, чем индивидуальной мотивацией. Общественное мнение гагаузов негативно реагировало на независимые жизненные стратегии женщин, касавшиеся как их брачного, репродуктивного, так и миграционного поведения. В настоящее время появляется все большее количество женщин, вынужденных в силу разных причин, самостоятельно зарабатывать деньги и зачастую для этого участвовать в миграционном движении. Факторов, обуславливающих усиливающуюся феминизацию миграционных процессов, достаточно много, но особенно важно то, что в современном обществе, в семье усилилась трансформация гендерных ролей.

Немаловажную роль играют и долгосрочные социально-демографические факторы. Активные безвозвратные миграции молодого поколения, главным образом мужчин брачного возраста, за пределы Молдавии, повышенная смертность мужчин повлекли за собой нарушение половозрастной структуры гагаузского населения, создали диспропорции в соотношении людей брачных возрастов в городе и на селе, что осложнило создание новых семей. Остающиеся в стране молодые женщины зачастую не могут вступить в брак из-за отсутствия подходящих брачных партнеров, повышается удельный вес одиноких незамужних женщин, увеличивается количество детей, рожденных женщинами, не состоящими в браке, растет доля разведенных женщин, часто остающихся с детьми, мужа которых находят себе новую брачную пару в странах приема мигрантов, т.е. возрастает доля в населении неполных семей, возглавляемых женщиной, и, как следствие, семей с очень низким уровнем материального достатка, ибо единственным кормильцем в таких семьях выступает женщина. Все это вызывает и усиливает женскую миграционную составляющую. Многолетнее пребывание женщин вне дома, вне семьи рушит привычное мировоззрение женщин, меняет их моральные и этические установки и нормы поведения, в том числе брачного, трансформирует семейные ценности, разрушает саму семью.

Материалы исследования 2011 г., проведенного среди гагаузской студенческой молодежи 18–29 лет, показали отношение современных молодых людей к браку: только 43% юношей и 54% девушек на вопрос: «Обязательно ли вступать в брак?» ответили: «Обязательно».

Новизна гендерных отношений в современном обществе проявилась в их новой организации, т.е. в появлении альтернативных видов брака, в том числе так называемого гражданского брака, брака без официальной регистрации, который уже считается допустимым и в традиционной гагаузской среде. Так, на вопрос: «Обязательно ли регистрировать брак или можно жить в гражданском браке, без регистрации?» лишь немногим более половины опрошенных (51% гагаузских юношей и 56% девушек) ответили, что брак нужно обязательно регистрировать. Болгарские студенты дали аналогичные ответы. У русской молодежи лишь 40% опрошенных выступили за обязательную регистрацию брака, причем различия между юношами и девушками были очень значительны – 14 и 55% соответственно.

Внедрение новых, неофициальных видов брака существенно изменило отношение к разводам, которые воспринимаются гагаузской общественностью более толерантно: более 60% опрошенных гагаузских студентов считают, что семью, безусловно, не следует сохранять, если отношения между супругами не сложились или разладились.

При анализе демографической ситуации в объяснении динамики и дифференциации рождаемости, определении ее тенденций и перспектив важную роль приобретает изучение демографического «идеала» населения в целом и отдельных его групп. Результаты исследований, проведенных автором в 1989 и 2004 гг., показывают, какие резкие изменения уже произошли в этой сфере за прошедший период. Так, среднее идеальное число детей у женщин-гагаузок за пятнадцатилетний период сократилось с 3,6 до 2,8 ребенка. Эти перемены в одинаковой степени затронули и сельское, и городское гагаузское население. На селе значительно большее влияние на формирование репродуктивной установки оказывают национальные обычаи и традиции, привычки, социальное окружение, которые в городе проявляют себя не столь ярко. Различия в репродуктивном поведении горожанок и сельчанок гагаузской национальности, отмеченные еще в исследовании 1989 г., сохранились и по сей день. Но если 15 лет назад у гагаузок-сельчанок средним идеальным числом детей считалось 3,8 ребенка, а у горожанок 3,3, то в 2004 г. эти средние цифры сократились соответственно до 2,9 и 2,5 ребенка, т.е. примерно на четверть.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что брачные и репродуктивные установки, идеальные представления о количестве детей у гагаузов, о возможности разводов, сложившиеся в соответствии с традиционными нормами гагаузского общества, оказались довольно динамичными, подвижными, и под воздействием стремительно изменяющихся экономических и социальных факторов, одним из которых является трудовая миграция, они довольно быстро утрачивают свое значение, заменяются новыми для гагаузов

демографическими феноменами, что отражается в общественном сознании гагаузского народа. Как показали исследования, у современной гагаузской молодежи, выросшей в условиях массовой трудовой миграции из страны, прошедшей социализацию в семьях без матерей, без отцов, традиционные представления о гендерных ролях, семейных отношениях, о семье в целом, ее значимости и ценности претерпели существенные трансформации.

Источники и литература

1. См. подробнее: Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация. М., 2007; Субботина И.А. Трудовая миграция и изменение экологии гагаузской семьи // Этнос и среда обитания. М.: ИЭА, 2014. Вып. 4. С. 288–299.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 97–99.
3. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. Кишинев, 1979. С. 196.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 94–99.
5. Recensământul general al populației României. 1930. v.II, București, 1938, p. XXVI.
6. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С. 132.
7. Бакурский С.В. Социально-экономические проблемы демографического развития Молдавской ССР. Кишинев, 1984. С. 3.
8. Перепись населения РМ 2004. Статистический сборник. Кишинев, 2006. Т. 1. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. С. 300.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 132–133.
10. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 129.
11. Населенные места Российской империи. СПб., 1905. С. 3–10.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. т. Молдавская ССР. М., 1961. С. 112–114.

М.А. Шишкина*

Мониторинг репродуктивных установок населения северных регионов России**

Описаны демографическая ситуация в области рождаемости и специфика региональной демографической политики в северных регионах России. Проанализированы результаты социологического исследования «Рождаемость и репродуктивные планы населения», проведенного в рамках Микрореписи 2015 года. Выводы автора основаны на ранжировании северных регионов по уровню рождаемости, репродуктивных установок и степени их гармоничности среди населения.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные установки, рождаемость, демографическая политика, Микрорепись–2015, северные регионы России

М.А. Shishkina

Monitoring of reproductive attitudes of the population of northern Russian regions

The article describes the birth rate, specific of demographic policy in northern Russian regions and results of sociological research «Fertility and reproductive plans of the population», which was the one of Microcensus–2015 parts. The author's conclusions are based on grouping the northern regions by birth rate, reproductive attitudes and degree of their harmonicity among the population.

Key words: reproductive behavior, reproductive attitudes, birth rate, demographic policy, Microcensus-2015, northern regions of Russia

Повышенный интерес государства к демографической ситуации охватил уже десятилетний период. Комплекс предпринимаемых на правительственном уровне мер направлен на повышение рождаемости, снижение уровня смертности и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, регулирование миграционных процессов, улучшение здоровья нации. Большое внимание уделяется проблеме низкой рождаемости, поскольку репродуктивное поведение населения большинства регионов страны соответствует суженому типу воспроизводства.

Важные итоги, касающиеся исследования репродуктивных установок и условий, способствующих повышению детности семьи, были получены в ходе Микрореписи населения России 2015 г. Микрорепись охватила 2154,2 тыс. чел. (1,5% численности населения России на 01.01.2016 г.), в том числе население всех северных регионов страны [1]. В рамках ее программы целый раздел был посвящен рождаемости и репродуктивным планам населения. В связи с физиологическими особенностями длительности репродуктивного периода в микрореписи вопросы о рождаемости и репродуктивных планах задавались мужчинам в возрасте 18–59 лет и женщинам в возрасте 18–44 лет, поэтому доля мужчин, ответивших на вопросы данного раздела, больше.

В ходе Микрореписи 2015 г. размер репродуктивных установок у населения исследовался с помощью выявления желаемого при наличии всех необходимых условий – числа детей, включая уже имеющихся, и ожидаемого числа детей – т.е. количества детей, которые они собираются иметь, включая уже имеющихся. Их близость свидетельствует о гармоничности репродуктивного поведения, а сильные отличия – наоборот, о его дисгармоничном характере. Необходимо упомянуть, что в методику Микрореписи не вошли расчеты ее итогов отдельно для жителей Ненецкого АО, поэтому данный регион наравне с другими северными регионами не может быть включен в анализ.

В случае, если респондент хотел бы иметь больше детей, чем у него сейчас есть, ему адресовался вопрос, где ему предстояло по пятибалльной шкале оценить значимость условий, которые могли бы способствовать

* Шишкина Мария Александровна (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 26, shishkina@iespn.komisc.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

рождению желаемого числа детей. Интервьюер показывал Карточку, где было перечислено двенадцать условий, и респонденту нужно было оценить каждое из них, где балл «5» означал, что это условие может сильно повлиять на увеличение рождаемости, а балл «1» – что это условие никак не отразится на рождаемости.

Прежде чем перейти к интерпретации результатов Микрореписи, обратимся к описанию демографической ситуации в области рождаемости в северных регионах России, а также к перечислению действующих мер федеральной и региональной демографической политики, направленных на создание благоприятных условий для более полной реализации потребности населения в детях.

В статье рассмотрены северные регионы России, включающие субъекты федерации, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним*, поскольку по субъектам есть возможность получить достоверную статистическую информацию для межрегиональных сравнений. Хотя данные регионы и объединены по географическому признаку, они значительно различаются по характеру протекания процессов естественного воспроизводства населения. В ряде территорий: в республиках Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областях, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, как и в целом по стране, – с начала 1990-х гг. развернулась депопуляция населения. В результате характерных для 2000-х гг. встречных благоприятных тенденций рождаемости и смертности в Камчатском крае естественная убыль сменилась положительным естественным приростом еще в 2007 г., в Республике Коми и Мурманской области – в 2011 г., в Магаданской области, так же, как и в России, – в 2013 г., в Сахалинской области – в 2014 г. В Республике Карелия и Архангельской области депопуляция сохраняется до сих пор. В Карелии как ввиду более высокого, чем в среднем по России, уровня смертности, так и низкой рождаемости, в Архангельской области – преимущественно из-за низкой рождаемости.

В республиках Тыва и Саха (Якутия), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах в период общероссийской депопуляции и по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост, которому способствует более молодая возрастная структура населения, обуславливающая пониженный уровень общего коэффициента смертности и повышенный коэффициент рождаемости, формируемый, кроме того, за счет особенностей репродуктивного поведения коренных этносов ряда данных регионов (республик Тыва и Саха (Якутия)). В целом на Азиатском Севере усредненный общий коэффициент рождаемости выше, чем на Европейском Севере [2, с. 133].

Негативное воздействие на структуру населения северных регионов России оказывает миграционная убыль жителей практически из всех северных субъектов. Причем структура миграционной убыли от 82 до 95% состоит из населения моложе трудоспособного и в трудоспособном возрасте (рассчитано по [3]), что постоянно и значительно ухудшает репродуктивный потенциал северных территорий. Исключение составляют Республика Карелия и Ненецкий АО, где миграционный прирост несущественно за 2000–2015 гг. превысил убыль, и Ханты-Мансийский АО – с самым высоким уровнем миграционного прироста.

Как и в целом по России, со второго десятилетия 2000-х гг. в северных регионах начинается ухудшение структуры населения детородных возрастов, особенно среди самых молодых фертильных групп. С момента Всероссийской переписи населения 2002 г. к 2015 г. численность женщин в возрасте 15–29 лет уменьшилась в целом по стране на 18,3%. По северным регионам минимальное сокращение данной возрастной группы произошло в Республике Саха (Якутия) (11,3%), Ханты-Мансийском (15,2%), Ненецком (18,1%) и Ямало-Ненецком (18,1%) автономных округах. Максимальной, значительно превышающей среднероссийский уровень, убылью молодых фертильных контингентов характеризуются Магаданская область (41,6%), Республика Коми (41,5%), Мурманская (39,2%), Архангельская (38,2%), Сахалинская (37,4%) области, Республика Карелия (36,6%) и Камчатский край (35,1%).

Активизация демографической политики в России началась в 2006 г. после ежегодного президентского послания Федеральному собранию, вслед за которым последовали издание ряда законодательных актов и внесение редакций в существующее законодательство в области поддержки семьи с детьми. К главным мероприятиям демографической политики в области рождаемости относятся введение в 2006 г. родовых сертификатов в рамках национального проекта «Здоровье»; увеличение размера и изменение способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет; повышение оплаты отпусков в связи с рождением и воспитанием детей – 100% от заработной платы выплачивается 70 дней до и 70 дней после родов. Особенно важной и крупнозатратной мерой стимулирования рождений (усыновлений) второй и последующей очередности стало введение с 1 января 2007 г. федерального материнского (семейного) капитала. Десятилетний опыт действия

* На Европейском Севере это пять регионов: Мурманская область, Республики Карелия и Коми, Архангельская область, в составе которой Ненецкий автономный округ учитывается отдельно. К Азиатскому Северу целиком относятся восемь субъектов федерации: Республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа.

уже сделал его широко известной мерой демографической политики, поэтому ограничимся лишь информацией о том, что его размер в 2015–2016 гг. составляет 453 025 руб.

Во втором десятилетии 2000-х гг. произошли усиление и расширение многообразия мероприятий демографической политики. С 2011 г. в регионах стал выплачиваться региональный материнский (семейный) капитал семьям с целью стимулирования рождения (усыновления) детей третьей или последующей очередности. 14 июня 2011 г. были внесены поправки в Земельный кодекс РФ, согласно которым граждане, имеющие троих и более детей, получили право на бесплатное приобретение земельных участков; с 2013 г. осуществляется предоставление права на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование женщинам в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; в рамках ФЦП «Жилище» (2015–2020 гг.) реализуется подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

Подробнее остановимся на описании особенностей выплаты регионального материнского (семейного) капитала, размер которого существенно различается по регионам (табл. 1).

Таблица 1

Размер регионального материнского (семейного) капитала в северных регионах России

Регион	Размер регионального материнского (семейного) капитала
Республика Карелия	105 тыс. 500 руб., не индексируется
Республика Коми	150 тыс. руб., не индексируется
Архангельская область	50 тыс. руб., не индексируется
Ненецкий АО	300 тыс. руб., ежегодно индексируется.
Мурманская область	108 тыс. 680 руб., ежегодно индексируется
Ханты-Мансийский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Ямало-Ненецкий АО	350 тыс. руб., не индексируется
Республика Тыва	50 тыс. руб., не индексируется
Республика Саха (Якутия)	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Камчатский край	на третьего ребенка – в размере 119 тыс. руб., четвертого – 179 тыс. руб., пятого – 238 тыс. руб.; шестого и последующего ребенка – 298 тыс. руб., ежегодно индексируется
Магаданская область	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Сахалинская область	150 тыс. руб., ежегодно индексируется
Чукотский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется

В основном право на получение регионального материнского (семейного) сертификата имеют семьи после рождения (усыновления) третьего либо последующего ребенка. Но есть и исключения. Так, в Коми усыновители получают другой вид пособия, региональный капитал им не полагается. В Республике Тыва из-за высокой рождаемости выплата производится только после рождения (усыновления) пятого либо последующего ребенка. В целях стимулирования рождаемости и предотвращения откладывания первенцев с 1 января 2015 г. в двух регионах региональный материнский капитал в размере 100 тыс. руб. назначается на первого ребенка: в Камчатском крае женщинам, родившим первенца в возрасте 19–24 лет, и в Магаданской области женщинам, родившим (усыновившим) первого ребенка до 25 лет.

Выплата регионального материнского (семейного) капитала в Архангельской области и Чукотском АО не носит целевой характер – его можно расходовать на любые нужды получателя. В Ямало-Ненецком округе эти средства можно направить на улучшение жилищных условий, получение медицинской помощи членами семьи (родителями и (или) детьми) в медицинских организациях, расположенных на территории Российской Федерации и за ее пределами, а также на получение разовой денежной выплаты в размере 25 тыс. руб. при рождении (усыновлении) третьего (последующего) ребенка.

Все остальные северные субъекты объединяет то, что региональный материнский капитал семьи могут расходовать на улучшение жилищных условий и получение образования ребенком (детьми), а также на другие направления, предусмотренные региональным законодательством. Наиболее широкие возможности для его расходования (пять и более направлений) предоставлены семьям в Ненецком АО, Мурманской области и Якутии.

С 1 января 2013 г. для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране, на федеральном уровне была установлена поддержка нуждающимся семьям после рождения третьего и (или) последующего ребенка до достижения им трех лет в размере регионального прожиточного минимума на детей. Данная выплата производится из федерального бюджета в регионах с низкой рождаемостью с целью ее стимулирования и поддержки семей с тремя и более детьми. В их число входят и семь северных субъектов: Республики Карелия и Коми, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край. В Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах данное пособие выплачива-

ется на тех же основаниях, что и федеральное, но из средств региональных бюджетов. В республиках Тыва и Саха (Якутия) и Чукотском АО пособие на третьего ребенка в малоимущих семьях не выплачивается [4].

Результаты Микрореписи показали, что по ожидаемому и желаемому числу детей во всех северных регионах страны, как и в целом по России, идеалом выступает двухдетная модель семьи (табл. 2, 3).

Таблица 2

Желаемое число детей среди населения России и северных регионов РФ
(мужчины в возрасте 18–59 лет и женщины в возрасте 18–44 лет) по итогам Микрореписи 2015 г.,
на 1000 человек соответствующего пола и возраста

Субъект	Указавшие число желаемых детей	0	1	2	3	4	5 и более
Российская Федерация	859 670	85	268	453	148	27	19
Республика Карелия	5 955	106	269	430	149	28	18
Республика Коми	9 014	94	257	449	159	25	16
Архангельская обл.	10 337	89	262	466	145	23	15
Арханг. обл. без НАО	8 889	91	271	472	134	21	11
Мурманская обл.	7 554	76	254	468	162	25	15
Ханты-Мансийский АО	7 209	102	226	461	167	26	18
Ямало-Ненецкий АО	3 935	58	188	490	200	35	29
Республика Тыва	4 750	113	137	346	257	90	57
Республика Саха (Якутия)	9 275	92	180	385	231	72	40
Камчатский край	5 388	112	221	468	149	28	22
Магаданская обл.	3 425	85	273	438	165	23	16
Сахалинская обл.	4 683	89	306	420	148	20	17
Чукотский АО	2 233	112	228	394	181	38	47

Таблица 3

Ожидаемое число детей среди населения России и северных регионов РФ
(мужчины в возрасте 18–59 лет и женщины в возрасте 18–44 лет)
по итогам Микрореписи 2015 г., на 1000 человек соответствующего пола и возраста

Субъект	Указавшие число ожидаемых детей	0	1	2	3	4	5 и более
Российская Федерация	953116	109	311	444	105	19	12
Республика Карелия	6673	128	312	425	108	18	9
Республика Коми	9119	119	294	447	115	16	9
Архангельская обл.	10648	106	282	463	118	19	12
Арханг. обл. без НАО	9158	108	295	466	106	16	9
Мурманская обл.	7828	91	296	484	107	16	6
Ханты-Мансийский АО	9024	112	246	473	135	22	12
Ямало-Ненецкий АО	6171	79	226	514	142	23	16
Республика Тыва	5242	136	173	363	211	74	43
Республика Саха (Якутия)	9442	108	203	398	202	57	32
Камчатский край	6297	135	277	452	105	20	11
Магаданская обл.	4203	109	314	424	124	17	12
Сахалинская обл.	6118	121	336	417	102	14	10
Чукотский АО	2581	110	259	433	149	23	26

Репродуктивные ожидания населения значительной части северных регионов России выше общероссийского уровня, исключением являются Республика Карелия, Архангельская область без учета Ненецкого АО, Мурманская, Сахалинская области. Самые высокие репродуктивные установки как по желаемому, так и по ожидаемому числу детей наблюдаются в Чукотском АО, Республике Саха (Якутия), Республике Тыва, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Население данных территорий больше всего ориентировано на семью, способствующую расширенному режиму воспроизводства. Репродуктивные ожидания на уровне одного ребенка, т.е. малодетности в самом строгом понимании, которая ведет к явной депопуляции при массовом распространении, наиболее распространены в Республике Карелия, Архангельской области без учета Ненецкого АО, Мурманской, Магаданской и Сахалинской областях.

Сопоставление желаемого и ожидаемого числа детей отражает тот факт, что дисгармоничность в репродуктивном поведении начинает проявляться при наличии потребности в трех и более детях в целом у населения России и среди всех без исключения северных регионов страны (табл. 4).

Таблица 4

Превышение желаемого над ожидаемым числом детей населения России и северных регионов РФ (мужчины в возрасте 18–59 лет и женщины в возрасте 18–44 лет) по итогам Микрореписи 2015 г., %

Субъект	0	1	2	3	4	5 и более
Российская Федерация	-22,02	-13,83	2,03	40,95	42,11	58,33
Республика Карелия	-17,19	-13,78	1,18	37,96	55,56	100,00
Республика Коми	-21,01	-12,59	0,45	38,26	56,25	77,78
Архангельская обл.	-16,04	-7,09	0,65	22,88	21,05	25,00
Арханг. обл. без НАО	-15,74	-8,14	1,29	26,42	31,25	22,22
Мурманская обл.	-16,48	-14,19	-3,31	51,40	56,25	150,00
Ханты-Мансийский АО	-8,93	-8,13	-2,54	23,70	18,18	50,00
Ямало-Ненецкий АО	-26,58	-16,81	-4,67	40,85	52,17	81,25
Республика Тыва	-16,91	-20,81	-4,68	21,80	21,62	32,56
Республика Саха (Якутия)	-14,81	-11,33	-3,27	14,36	26,32	25,00
Камчатский край	-17,04	-20,22	3,54	41,90	40,00	100,00
Магаданская обл.	-22,02	-13,06	3,30	33,06	35,29	33,33
Сахалинская обл.	-26,45	-8,93	0,72	45,10	42,86	70,00
Чукотский АО	1,82	-11,97	-9,01	21,48	65,22	80,77

Также во всех субъектах доля тех, кто ориентируется с учетом реальных условий на однодетную семью выше, чем доля тех, кто предпочел бы при всех благоприятных условиях ограничиться только одним ребенком. Ранжирование северных регионов России показало, что среди населения Республики Саха (Якутия), Архангельской области, Республики Тыва, Ханты-Мансийского АО, Магаданской области, ориентированного на среднететную (с тремя-четырьмя детьми), расхождение между желаемым и ожидаемым числом детей есть, оно существенное, но ниже среднероссийского значения. Тогда как в Чукотском АО, Сахалинской области, Ямало-Ненецком АО, Республике Коми, Камчатском крае, Республике Карелия, Мурманской области доля тех, кто ориентирован иметь семью с высоким уровнем детности, имеет более сильное, чем в целом по России, расхождение в уровне детности в зависимости от учета реальных или гипотетического наличия идеальных условий для реализации репродуктивных установок.

Такая дифференциация между желаемым и ожидаемым числом детей свидетельствует о важности реализации государственной семейной и демографической политики, направленной на улучшение уровня и качества жизни семей с детьми. Выявление приоритетных мер, способствующих повышению рождаемости по оценкам населения, с этой точки зрения представляет отдельный исследовательский интерес. Среди населения северных регионов России значимость мероприятий семейной и демографической политики, способных создать условия для рождения желаемого числа детей, несколько, но не принципиально, различается. Поэтому можно выделить приоритетные меры для всех регионов. К ним относятся: повышение уровня жизни семьи; возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы; возможность получения федерального и регионального материнского (семейного) капиталов; возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях; получение ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет, т.е. предоставление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком.

Таким образом, в ходе мониторинга репродуктивных установок населения северных регионов России можно сделать ряд выводов:

- В трех регионах, к которым относятся Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский АО и Республика Тыва, наблюдаются высокая рождаемость, высокий уровень репродуктивных установок и более низкое, чем в целом по России, расхождение в желаемом и ожидаемом числе детей. Если в Ханты-Мансийском АО такая ситуация в основном складывается за счет более высокого уровня жизни населения, то в Республике Саха (Якутия) оказывает влияние на такую ситуацию фактор высокой концентрации коренного этноса с высокими стандартами репродуктивного поведения, а в Тыве – этнический фактор в противовес условиям жизни обуславливает тот факт, что фактическая и гипотетическая рождаемость достигает максимальных значений.
- Есть регионы, где уровень репродуктивных установок средний или высокий, а расхождение между желаемым и ожидаемым числом детей превышает среднероссийский показатель. К ним относятся Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край, Чукотский АО. Следовательно, в данных регионах существует большой потенциал повышения рождаемости, в том числе за счет расширения структуры семей с тремя и более детьми, сдерживаемый неудовлетворительными условиями жизни – важным фактором, который приобретает все большую значимость на этапе высокой степени рационализации репродуктивного поведения.

- На Севере России к регионам с низкой рождаемостью и более низким (относительно других регионов) уровнем репродуктивных установок относятся Республика Карелия, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области. В этих регионах население уже осуществило переход к малодетности. И тем не менее требуется глубокое изучение факторов рождаемости населения данных регионов с целью предотвращения сокращения интенсивности рождаемости до критически низких значений.

- Низкий (50 тысяч рублей) уровень регионального семейного капитала в Архангельской области коррелирует со степенью актуальности демографических проблем в регионе. А значит, там необходимо изыскание дополнительных средств на региональном уровне в разделе расходов на охрану материнства и детства. Данная рекомендация обуславливается не столько необходимостью стимулирования массовой многодетности (в территориях с произошедшим переходом к малодетности такую задачу ставить не целесообразно), сколько важностью обеспечения социальной поддержки семей, решившихся на рождение трех и более детей на уровне, не ниже, чем в среднем по другим регионам. Тем более надо взять во внимание тот факт, что по уровню жизни населения Архангельская область (без включения Ненецкого АО) занимает далеко не первые позиции в рейтинге северных регионов России.

Источники и литература

1. Микрореперпись населения – 2015. Методологические пояснения. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf
2. Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2015. № 1. С. 129–144.
3. Социально-демографическая характеристика мигрантов. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>
4. Сведения о ежемесячном пособии на третьего ребенка до трех лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.assessor.ru/notebook/posobija/emesyachnoe_posobie_na_tretego_rebenka_do_3_let/

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 314.148

*В.В. Муравьев**

Пространственная диффузия населения и культурная динамика

Природные условия, существующие на определенной территории, являются одним из факторов формирования особенностей культуры. Носители верований, знаний и ценностей живут в разных районах мира. Поверхность планеты как бы поделена между различными культурными комплексами. Если носители определенной культуры расселяются на необжитых пространствах, их культура расширяет сферу своего влияния.

Ключевые слова: диффузия достижений культуры, расселение населения, миграции, духовная культура

V.V. Muravyov

Spatial diffusion of the population and culture dynamics

Natural conditions of certain territory are factors of cultural features shaping. Bearers of beliefs, knowledge and values live in different parts of the world. The surface of the planet is divided, as it were, between different cultural complexes. If carriers of a certain culture are settled in uninhabited spaces, their culture expands the sphere of its influence.

Key words: diffusion of cultural achievements, Population resettlement, Migration, Spiritual culture

Появляющиеся на свет люди занимают место на земной поверхности. Жизнь существует пространственно-временным образом. Каждой культуре присущи особое восприятие и понимание заселенного пространства – способов сосуществования людей и вещей, жилищ и могил, носителей родной культуры и варваров. Исследование такого восприятия позволяет определить формы взаимодействия объективного расселения и передвижений населения с материальными и духовными культурными составляющими истории, исследовать диалектику взаимодействия предметных и духовных факторов миграций населения, обнаружить относящиеся к этим видам активности человека ценностные ориентиры, нормы и модели поведения, традиции и ментальные константы.

Параметры расселения и миграций населения воздействовали на форму и содержание политической идеологии, смысловые уровни художественных образов, систем морали, религиозные учения и обрядность, и, в свою очередь, подвергались их обратному влиянию. Исследование такого взаимодействия позволяет выявить контрарные понятия, задающие направления определения, экспликации и оценки областей, типов занимаемого людьми пространства. Это парные идеи: а) обжитого места (сельбища) и новой территории; б) благоприятного для пребывания и опасного пространства; в) своей и чужой земли; г) натуральных и священных мест.

Пространственная диффузия первобытного населения сопровождалась культурной эволюцией. Локальные различия материальной культуры, наличие не имевших аналогов достижений обнаруживаются на материалах мустье. В период верхнего палеолита местные культуры развиваются с разной скоростью, их достижения обнаружены в значительно различающихся по площади ареалах, что свидетельствует об

* **Муравьев Виктор Викторович** (Сыктывкар) – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект 55, chylib@outlook.com

образовании культурных кругов. Передаваемые от поколения к поколению способы изготовления орудий, знания, нормы взаимодействия индивидов и групп, предметы художественного творчества, ранние религии вместе с их носителями распространялись в пространстве.

Переселения эпохи цивилизации сопровождались смешением различных по происхождению культур. Наиболее массовыми миграциями были передвижения кочевых народов, военные походы и бегство от завоевателей. Смену мест проживания вызывало стремление найти благоприятные условия производства пищи. В результате массовых переселений представителей одних этносов на территорию других происходило интенсивное взаимодействие культур субстратного и пришлого населения во всех областях, в том числе религиозной сфере. При этом не обязательно религия завоевателей утверждалась среди побежденных. Движение религиозных комплексов, как в Месопотамии, могло быть обратным по отношению к движению военных группировок. Вследствие перемещения носителей религиозных идей и обрядов между пространственными центрами самостоятельных религий существовали зоны их смешения.

С переходом к производящей экономике формируется понятие собственности на землю. Идея собственности привязывала людей к земле, закрепляя стремление к оседлости. В качестве обоснования права на территорию использовалась идея первопоселения. Собственниками земли считались люди, впервые заселившие ее, или потомки первых поселенцев. Таким образом, право владения территорией связывалось с культом предков.

Исследователи выделяют два типа восприятия пространства древними людьми. Динамическое (маршрутное) восприятие формируется на основе кочевания. Мир понимается как место странствий, в ходе которых человек постоянно вступает во взаимодействие с новыми внешними обстоятельствами. Статическое (радиальное) восприятие пространства связано с оседлостью. Мир воспринимается как имеющий центр, в котором проживает человек. Не только люди, но и их земля созданы сверхъестественными покровителями, например, японцы и их острова были порождены одной и той же божественной парой. Вокруг центра располагаются все большие по площади круги. По мере их удаления от центра влияние культуры на происходящие события ослабевает и усиливается присутствие опасных, враждебных сил.

Таким образом формируются представления о неоднородности пространства, наличии в нем области, благоприятной для пребывания человека, и опасной периферии. Такое восприятие мира утверждается на базе оседлого образа жизни и развития городов. Идея центра пространства присутствует не только в культуре оседлых, но и кочевых народов. Специфика представлений кочевников об устройстве мира состоит в том, что его центр есть место, по отношению к которому осуществляется движение Вселенной. Так, у монгольских народов центр космоса – мировая ось, вокруг которой движется Вселенная. Предполагается, что в палеолитическую эпоху идеи центричности не было, поскольку наскальные изображения этого периода не имеют центра.

Миграции населения находят отражение в идее Пути. Путь есть линия движения от одного места в пространстве к другому. В ее исходной точке находится человек, испытывающий некоторую потребность. В конечном пункте – предмет, ее удовлетворяющий. Этот предмет может быть материальной или духовной ценностью, а также угрозой, которую необходимо устранить. Помимо начала и конца путь включает в себя рубежи, границы, препятствия, которые нужно преодолевать. Универсальным символом препятствия является образ креста. Помимо препятствий в пути имеются развилки, места возможных направлений движения, прохождение которых ставит путника в ситуацию необходимости правильного выбора. Неотъемлемым, постоянным свойством пути в мифах является наличие трудностей, преодоление препятствий.

Образ пути находит воплощение в вероучении и религиозных обрядах древних культур. Среди ритуалов важное место занимают торжественные процессии обхода определенных территорий, путешествия богов и жрецов из одного храма в другой, паломничества. Повсеместное распространение имеют божества – охранители различных мест, в частности – поселений. Есть также божества – покровители мигрантов. Они сопровождают путников, помогая найти правильную дорогу и справиться с трудностями путешествия.

Идея пути приобретает все более обобщенный характер. Путь – не только перемещение в пространстве, но и движение к некоторой цели во времени. Путь – это линия жизни, образец духовного, особенно нравственного и религиозного развития. Наконец, путь – это Дао, направление движения мира, определяемое его фундаментальными законами.

Веды помещали в центре вселенной мировое дерево – смоковницу, поддерживаемую Варуной. Мировой центр рассматривался как место, где сосредоточены святость и благо, тогда как на периферии пребывают зло и опасность: «Поистине, после того, как это божество отразило от тех божеств зло и смерть, оно послало [зло] туда, где кончаются страны света. Там оно поместило их зло. Пусть поэтому никто не идет к людям, никто не идет до конца стран света, не то он встретится со злом, смертью» [1]. От дважды рожденных, совершивших путешествие в другие страны, требовали совершения очищающих обрядов.

В отличие от индийцев, китайцы постоянно испытывали присутствие центральной власти, в какой бы части страны они не находились. Императоры стремились, чтобы их влияние в провинциях было макси-

мальным. Они хотели, чтобы народ был единым в своих склонностях, привязанностях и антипатиях. Их отношение к локальным обычаям и особенностям было критическим: «Люди, соблюдающие местные обычаи и погрязшие в заблуждениях, не знают удержу и тем нарушают правильные законы правителя, а это всегда вредно для государства и мешает народу» [2].

Степень воздействия государства на подданных в определенной степени зависела от места проживания. С шанских времен, чем ближе жил народ к дворцу правителя, тем в большей зависимости от власти находился. Вольностей, независимости было больше в труднодоступных местах, таких как горные области. Расселение на территориях Древнего Китая не было равномерным. Осуществлять контроль над подданными было проще в районах с высокой плотностью заселения.

Китайцы понимали время как соединение различных периодов – древности и современности, настоящего и будущего. Пространство определялось как совокупность различных местоположений [3]. Не случайно символом Китая является пространственный рубеж – Великая Стена. Пустоте отдавали предпочтение перед наполненностью. Она считалась местом пребывания Дао и именовалась Дворцом Полного Небытия. Пустое и наполненное – единые противоположности, проявления взаимодействия *инь* и *ян*. В мире явлений пустое пространство заполняется, а избыточно наполненное – разряжается. Поэтому желательно, чтобы расселение людей было редким [4]. Вместе с тем населения должно быть достаточно, чтобы не было пустующих земель [5].

Никто не сомневался, что Поднебесная находится в центре земного пространства, поэтому ее называли Срединным царством. В этом мировом центре имеет место наивысшая концентрация вскармливающей энергии Дао-дэ. По мере удаления от Срединного государства излучаемая Дао энергия рассеивается. Поэтому собственно китайские земли – Хуа-ся – место, где живут наиболее развитые люди. Население периферии – варварские народы, призванные подчиняться царям Поднебесной.

Конфуций рекомендовал тем, кто попал в чужие края, соблюдать принятые в них обычаи, даже если они варварские [6]. По его словам, выбирая место для поселения, следует прежде всего узнать, какие там живут люди. Лучше оставить государство, в котором неспокойно, где нет порядка и человеколюбия. Если же земли заселяются гуманными личностями, они исправляют грубые нравы. Обычные люди и мудрецы понимали, что жизненное пространство украшают не только благоприятные природные условия, но и добрые отношения между занимающими его людьми.

Уединенная жизнь в глуши казалась ученым и поэтам Китая предпочтительнее городской. Самым лучшим считалось пребывание в естественном природном окружении, среди гор и источников, где камни навевали думы о древнем, а воды – об отдаленном. На следующее место ставили деревенскую жизнь, работу на огороде с капустой и отдых в саду. Проживание в городе рассматривалось как худшая доля из трех. Созерцание дикой природы – гор, вод и деревьев – считалось значимой составляющей проведения досуга. Ее аналогами были пейзажные парки, домашние карликовые сады, живописные пейзажи.

Формирование городских поселений – один из признаков цивилизации. Для них характерны большие численность и плотность населения, чем в деревнях. Горожане преимущественно заняты деятельностью не-сельскохозяйственного характера. Они получают из аграрной зоны продукты питания и сырье для ремесел. М. Вебер отмечал, что древние города были в большей мере потребительскими, чем производящими центрами [7]. В городах размещались органы управления формирующихся государств. Они также были местами торговли, осуществления обменных операций.

На городской территории возводили фортификационные сооружения, дворцы правителей, храмы и гробницы. Храмовые постройки занимали центральное место в поселениях. Древнейшие города являлись культовыми центрами. В дни календарных праздников и важнейших событий индивидуального жизненного цикла их посещали жители окружающей город сельскохозяйственной зоны.

Для людей, связанных с храмом, он выступал не только как центр населяемой ими территории, но и земного мира в целом, исходная точка отсчета, измерения пространственных перемещений и расселения. Храм также являлся областью соединения, пересечения натурального мира со сверхъестественным, местом, где осуществлялось взаимодействие этих миров. В древних цивилизациях святилища, расположенные под открытым небом вне городских поселений, сохранились отчасти. С распространением земледелия леса уступали место полям и садам. Только небольшие рощи священных деревьев оставляли чаще всего на возвышенностях, как говорится в Библии, на «высотах», в качестве прибежищ местных духов и божеств. В некоторых цивилизациях власти и жрецы городских храмов требовали от сельских жителей отказаться от поклонения локальным божествам и уничтожали местные святилища.

Возведение храма при Соломоне и последующее уничтожение святилищ под открытым небом сделали Иерусалим культовым центром религии Иеговы. Принимая вид облака и огненного столпа, Бог привел своих последователей-кочевников к месту назначения. С момента их поселения на заповеданной территории, он ведет людей во времени к предсказанному моменту прихода мессии. Из иерусалимского храма влияние

Сущего распространялось на людей независимо от места их пребывания: «И буду обитать среди сынов Израилевых, и буду им Богом» [8].

Эпоха цивилизации – время возникновения империй, мировых держав, объединявших разные народы с их своеобразной культурой. В отличие от прежних государств эти ранние, как и возникшие позже империи, имели значительные территории и объединяли области с неоднородными природными условиями, населенные народами, ведущими кочевой или оседлый образ жизни и специфическую хозяйственную деятельность. В империях создавалась «вертикаль власти», благодаря которой управление велось из единого центра, а государство подразделялось на однотипные административные единицы, имевшие автономию лишь в частных вопросах.

Ближневосточные правители предпринимали насильственные переселения побежденных народов и своих подданных. Одним из средств достижения внутреннего государственного единообразия были насильственные переселения народов. Так, в VI в. до н.э. десятки тысяч иудеев были переправлены в Вавилонию, где они познакомились с учениями и мифами, позже вошедшими в Библию.

Утрата связи с родной землей подрывала способность покоренных народов противодействовать центральной власти. Люди переселялись в районы, обезлюдившие от войн и прежних переселений. Объединение разных народов и племен в рамках империи и их массовые переселения вели к смешению религий и культур в целом. Перенимались культы чужих богов, заимствовались мифы и обряды, утверждались общегосударственные святилища. Возникала поощряемая правителями тенденция формирования официальной, царской религии.

В религиозной жизни империй складывалось некое единство, позволяющее отличать их религиозную культуру от религий других империй. Как предполагают исследователи, существенные различия в религиозных взглядах были причиной отсутствия заметного взаимодействия месопотамской и египетской цивилизаций.

Официальные религиозные комплексы древних империй были только частью их религиозной культуры. Присоединявшиеся территории сохраняли культы своих богов. Сельскохозяйственные ареалы входили в состав государственных земель, и их население становилось подневольным государственной власти. Города же сохраняли элементы самоуправления, а их жители считались свободными гражданами империи. Поэтому городские храмы пользовались значительной независимостью. Они не были подразделениями единой государственной религиозной системы. Правители признавали культы городских богов и искали поддержки их жрецов. В политическом отношении древние империи были более унифицированы, чем прежние государства. В религиозной области в них было больше многообразия, чем в государствах, не достигших имперского уровня.

Население отдельных регионов теряло политическую самостоятельность, попадая в состав то одной, то другой великой державы. При этом люди сохраняли местную религию и особенную духовную культуру. Идеи и ценности, сложившиеся в Палестине на сравнительно небольшой территории между Месопотамией и Египтом, были сохранены, несмотря на гибель местных царств, миграции и насильственные переселения значительной части населения. Они распространились за пределы Восточного Средиземноморья и всего Древнего Востока, оказавшись включенными в состав религиозного комплекса христианства.

В условиях постоянных военных конфликтов сохранялись и увеличивали население те цивилизации, где идеи культурного превосходства над соседями и патриотические установки не приводили к изоляционизму. Устойчивость мировых держав обеспечивалась политикой устранения региональных различий, положением, при котором к этносам, оказавшимся в границах такой державы, не относились как инородным.

Одной из причин устойчивости Китая было то, что вольно или невольно вливавшиеся в состав Поднебесной народности за непродолжительный период теряли статус инородцев. Различия в языке, обычаях, обособленность поселений могли долгое время сохраняться. Бывали и прямые кровопролитные стычки. Но все это не имело политического характера, поскольку китайское государство не предпринимало действий, консервировавших этнические разделения. Представители чужих этносов, показавшие способности и лояльность, получали высокие должности, и это воспринималось как нормальное явление. Жители Китая и его правители не придавали большого значения существованию этнических различий. Они не пытались их сохранять, ожидая, что «расцвет» локальных культур приведет к их будущему сближению.

Известно, что при взаимодействии разных этносов, способом сохранения различий между ними является этническая эндогамия. Хотя китайцы и считали себя цивилизованнее других народов, у них не наблюдалось предубеждений против смешанных браков. Предполагалось, что взаимодействие с выходцами из Среднего государства может сделать варваров лучше, но оно не ведет к ухудшению качеств китайцев. Поэтому дети от смешанных браков не утрачивали качеств китайского родителя, они – китайцы. Великим народам присуще убеждение, что дети от смешанных браков приобретают качества цивилизованного родителя, а не «портятся» от варварской крови.

Фактором устойчивости китайской цивилизации было такое отношение к пространству, при котором утрата хотя бы небольших территорий считалась недопустимой. Все земли, потерянные в войнах, со временем были возвращены. Ситуация, при которой кто-либо из правителей в мирное время допустил отделение части регионов, бросив на произвол судьбы живущих там китайцев и друзей Поднебесной, относилась к разряду фантастических. Подобный правитель покрыл бы позором себя и весь свой род. Возможно, об этом можно было бы задуматься тем, кто, без сожаления расставшись с территориями российской империи, объявляют себя хранителями многовековых традиций Великой России.

Природные условия, существующие на определенной территории, являются одним из факторов формирования особенностей культуры. Носители верований, знаний и ценностей живут в разных районах мира. Поверхность планеты как бы поделена между различными культурными комплексами. Если носители определенной культуры, расселяются на необжитых пространствах, данная культура расширяет свой ареал. Если мигранты поселяются на уже заселенном месте, освоенном приверженцами иных культур, возникают три возможности. Первая – пришельцы со временем принимают культуру местного населения. Вторая – автохтонное население перенимает культуру мигрантов. Третья – местное и пришлое население сохраняют собственные взгляды, ценности и нормы, и тогда население одной территории делится по этому признаку.

Источники и литература

1. Брихадараньяка упанишада : I, 3, 10 // Упанишады. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 17–172.
2. Документы Цинь // Хрестоматия по истории Древнего Востока: в 2 ч. / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. М.: Высш. школа, 1980. Ч. 2. С. 181.
3. Мо-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 2. С. 70.
4. Дао дэ цзин: 80 // Древнекитайская философия: в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 114–138.
5. Мо-цзы // Древнекитайская философия: в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 193.
6. Лунь юй 13: 19 // Древнекитайская философия: в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 139–174.
7. Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 108.
8. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета: Исход 29 : 45. М.: Издание Московской Патриархии, 1990.

М.Ю. Киселев*

Проблемы народонаселения советского государства в дискуссии Секции общественных наук Академии наук СССР

В статье представлена информация о дискуссии 7 июня 1968 г. на заседании Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР по докладу члена-корреспондента Т.В. Рябушкина «Проблемы народонаселения в СССР», сохранившейся в фонде Архива Российской академии наук.

Ключевые слова: народонаселение, СССР, Академия наук, дискуссия, архив

M. Yu. Kiselev

Problems of population of the Soviet state in the discussion of the Section of Social Sciences of the Academy of Sciences of the USSR

The article presents information on the discussion on June 7, 1968 at a meeting of the Section of Social Sciences of the Presidium of the USSR Academy of Sciences on the report of corresponding member T.V. Ryabushkin «Problems of population in the USSR», preserved in the fund of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Key words: population, USSR, Academy of Sciences, discussion, archive

Архив Российской академии наук (РАН) занимает ведущее место среди ведомственных архивохранилищ России по истории науки и культуры, руководящих органов Академии наук, ее учреждений и организаций, деятельности выдающихся ученых в период XIX–XX вв. Архив развивается как общеакадемический информационный научный центр, осуществляющий комплекс мероприятий по обеспечению ретроспективной информацией исследователей различного уровня. В фондах архива сохранились документальные комплексы по истории демографических исследований в России [1], среди которых особое место занимают стенограммы заседаний руководящих органов Академии наук. Дискуссии по актуальным вопросам развития отечественной фундаментальной науки отражали личную позицию отдельных ученых, их мнение и суждения, которые позволяют понять процесс принятия решений.

В Архиве РАН сохранилась стенограмма заседания Секции общественных наук Президиума Академии наук (АН) СССР от 7 июня 1968 г.: доклад члена-корреспондента Т.В. Рябушкина «Проблемы народонаселения в СССР» и дискуссия по докладу [2]. Т.В. Рябушкин в этот период занимал должность заместителя директора Института экономики АН СССР. Необходимо отметить, что документ имеет гриф «Для служебного пользования». В тексте стенограммы упоминаются тезисы доклада и проект решения, которые были представлены членам заседания и отсутствуют в комплексе документов. Представлена информация о выступлениях отдельных участников дискуссии.

В своем докладе Т.В. Рябушкин отметил, что довольно тревожные симптомы демографических процессов в СССР заставляют самым тщательным образом подумать об активных мероприятиях государства для регулирования процессов воспроизводства населения. На представленном графике докладчик показывал, что в определенный период времени происходило довольно плавное снижение рождаемости, с 1950-х гг. наблюдалось более резкое уменьшение показателя, а после 1960 г. характер изменения рождаемости особенно изменился. По его мнению, средний показатель рождаемости по стране оставался еще на довольно высоком уровне, но в отдельных регионах положение складывалось не совсем благоприятное. Средний показатель по СССР в 1967 г. составлял 17,4 на 1000 чел., по РСФСР – 16, в Эстонии – 15, в Латвии – 14, в Азербайджане – 36, в Узбекистане – 35. Основные факторы снижения рождаемости, по мнению ученого, следующие: возраста максимальной рождаемости достигли женщины, родившиеся в военные годы; увеличение численности женщин, занятых в народном хозяйстве; усиление тенденции сознательного ограничения размера семьи.

В качестве примера сознательного ограничения размера семьи Т.В. Рябушкин привел результаты обследований 5000 работниц Москвы, проведенных научно-исследовательским институтом Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР. Среднее число детей, которых желает иметь семья, вступающая в брак,

* Киселев Михаил Юрьевич (Москва) – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архив Российской академии наук, 117218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, kiss_ran@mail.ru

составило 1,5. Среди семей, уже имеющих двух детей, 98% не желали больше иметь детей, только 2% выразили желание иметь третьего и четвертого ребенка. Ученый отметил, что между этими показателями имеется довольно высокая корреляция. По сравнению с 1936–1937 гг. и настоящим периодом коэффициент рождаемости на 1000 женщин в возрасте после 35 лет сократился в несколько раз.

Т.В. Рябушкин сообщал, что по уровню естественного прироста населения СССР занимал более высокое место, чем другие европейские страны, однако уровень рождаемости выглядел не так благополучно. Общий уровень смертности в стране один из самых низких, но по детской смертности он выше ряда зарубежных стран. По его мнению, снижение рождаемости ускорит процесс старения населения, что вызовет серьезные экономические проблемы, связанные с социальным обеспечением пенсионеров, которых уже к 1968 г. насчитывалось 34 миллиона.

Докладчик отмечал, что ни в одном из государственных и научных органов не был разработан комплекс мероприятий, который проводил гибкую эффективную государственную политику, способствующую и поощряющую оптимальные размеры рождаемости. Специалистами в области демографии предлагался ряд государственных мер по поддержанию рождаемости на необходимом уровне: введение ежемесячных пособий матерям при рождении третьего ребенка; установление системы работы – половина недели для женщин, имеющих детей; более широкое использование общественных фондов для обеспечения детей (бесплатное питание дошкольников и школьников). По расчетам профессора Б.Ц. Урланиса при установлении ежемесячного пособия матери при рождении третьего ребенка для поддержания существовавшего уровня рождаемости потребовалось бы 100 млн. руб., для ожидаемого повышения рождаемости – 150 млн. руб.

Т.В. Рябушкин считал, что такие мероприятия в конце концов себя должны оправдать и к ним нужно приступать как можно раньше. По его мнению, разработка комплекса государственных мер по оптимизации рождаемости запаздывает, поскольку результаты скажутся через 18–20 лет. Он не поддержал некоторые соображения о запрещении абортов, ссылаясь на опыт предвоенных лет, когда в 1939 г. на 1000 жителей число абортов составляло 36,5, что было сопоставимо с уровнем рождаемости. Докладчик сообщал, что не проводились комплексные исследования влияния образования и роста доходов семьи на уровень рождаемости. Что касается организации научных исследований в области демографии, Т.В. Рябушкин предлагал: создать научно-исследовательский институт по проблемам демографии; издавать специальный демографический журнал; поставить перед правительством вопрос о создании при Совете Министров СССР специальной комиссии по вопросам народонаселения.

В ходе дискуссии директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.Н. Федосеев задал вопрос докладчику о специфических причинах снижения рождаемости в различных регионах страны. Он высказал предположение, что снижение рождаемости в западных областях РСФСР, Украине и Прибалтике связано как с войной, так и с какими-то другими факторами. Т.В. Рябушкин согласился с предположением П.Н. Федосеева, отметив, что сейчас фактор войны отпадает, но сознательное ограничение размеров семьи наблюдается не только в Прибалтике и Центральной России. Специальное обследование в Свердловской области, которая не пострадала от войны, показало, что и там наблюдалась схожая ситуация. Т.В. Рябушкин предложил дифференцировано подходить к вопросу о введении пособий на рождение третьего ребенка: охватить регионы РСФСР и Прибалтики, исключив Азербайджан и Армению. В то же время он подтвердил, что комплексные специальные обследования и научное изучение специфических причин снижения рождаемости в различных регионах и группах населения страны не проводились.

Академик-секретарь Отделения экономики АН СССР Т.С. Хачатуров просил разъяснить связь снижения рождаемости и старения населения с возникновением проблем, связанных с обеспечением пенсионеров. По его мнению, какой бы рождаемость не была, престарелые всегда есть; это, скорее, связано со снижением смертности, в результате высокой смертности и престарелых становится меньше. Кроме того, его интересовал вопрос о расчете оптимального размера прироста населения. Т.В. Рябушкин в ответе ссылаясь на демографический закон, согласно которому население считается более молодым там, где рождается большее количество детей. Что касается количества престарелых, то ученый уточнял, что не рассматривал абсолютное количество, а имел в виду удельный вес населения пожилого возраста. Он констатировал, что расчет оптимального размера прироста населения не проводился, который должен быть связан с расчетом динамики развития всей экономики.

На вопрос члена-корреспондента АН СССР К.Н. Плотникова о влиянии государственной помощи многодетным матерям, начиная с четвертого ребенка, на рождаемость, Т.В. Рябушкин ответил, что существенного влияния она не оказала. Профессор В.Я. Аболтин считал, что причиной малосемейности молодых пар является жилищный вопрос. Т.В. Рябушкин согласился с ним, отметив, что жилищный вопрос не был одной из главных причин снижения рождаемости.

Особый интерес представляет выступление организатора Демографической секции московского Дома ученых профессора Б.Ц. Урланиса, который подчеркнул недопустимость отношения к проблемам народона-

селения в АН СССР. По его мнению, «когда вопрос касается того, каким образом народ живет сейчас, как исправить остроту демографической ситуации, как изучить вопросы, связанные с современным населением, на это никаких денег не отпускают и Академия наук проявляет здесь полную индифферентность». Он предложил создать научно-исследовательский демографический институт, ссылаясь на решение Президиума АН СССР 1961 г. Кроме того, ученый сообщил, что в РСФСР, за исключением автономных республик, коэффициент рождаемости составлял 13,6‰ – самый низкий из всех стран мира; по уровню рождаемости в возрасте 20–24 лет Российская Федерация находится в самом конце списка стран, тогда как сто лет назад она была на первом месте. Ученый не согласился с утверждением Т.В. Рябушкина о низком коэффициенте смертности в стране. По его мнению, СССР теряло ежегодно 200 тыс. чел. в работоспособном возрасте, что связано с проблемами алкоголизма и травматизма.

Сотрудник Института экономики АН СССР профессор М.Я. Сонин выступил с заявлением, что в предстоящие 7–8 лет стране не нужны высокие темпы роста населения. В то же время он предлагал изучение и обсуждение вопроса о дифференцированной политике народонаселения в различных регионах страны. Ученый выступил против введения ежемесячных пособий матерям при рождении третьего ребенка, поскольку, по его мнению, на это потребуется 100 млн. руб. в месяц. Директор Научно-исследовательского института ЦСУ СССР А.Я. Боярский высказал свое мнение о дифференцированном подходе к проблеме рождаемости в национальных республиках страны: «Если наши мероприятия в области политики народонаселения будут в республиках отличаться так и настолько, насколько это окажется допустимым, это будет стимулировать миграцию в определенных направлениях, причем миграцию не трудовых ресурсов, а это будет миграция женщин с детьми – с детьми, уже родившимися или только ожидаемыми».

В своем выступлении заведующий кафедрой народонаселения МГУ Д.И. Валентей не поддержал предложение Т.В. Рябушкина о введении ежемесячных пособий матерям при рождении третьего ребенка. Среди вопросов, которые должны были беспокоить Академию наук, он назвал проблему трудовых ресурсов: только в Москве дефицит рабочих составлял на 1 апреля 1968 г. 140 тыс. чел. Ученый одним из важнейших вопросов считал проблему миграции: по официальным данным ежегодно меняли место жительства 12 млн. чел., но по ряду оценок эта цифра составляла 18 млн.; 12% рабочих и учащихся в стране ежедневно совершали поездки на работу и домой из одного района в другой. Причем это проблема не только крупных городов, но самая сложная и большая проблема средних городов. К вопросу об уровнях рождаемости он отнес проблему переселения из села в город: уходит наиболее трудоспособная часть населения, которая не была удовлетворена условиями труда и культурными условиями жизни и согласна работать в городе за меньшую зарплату. По его мнению, развитие малых и средних городов путем создания там промышленных центров не решило проблему подъема и оживления этих городов. Он также остановился на вопросе внутренней колонизации, связанной с освоением окраинных районов страны: «Неужели мы должны осваивать Тюменскую область в ведомственном плане только силами Министерства нефтяной и газовой промышленности?! Из этого ничего не выйдет». В то же время, согласно исследованиям, в Кировской области наблюдался по сути процесс деколонизации. Ученый предложил наряду с созданием института демографии в АН СССР создать институт по комплексному изучению проблем народонаселения при МГУ.

В заключении Т.В. Рябушкин предложил укреплять структурные подразделения, занимающиеся проблемами демографии в Институте экономики АН СССР и МГУ; создать разделы демографии в журнале «Вопросы экономики» и философском журнале по общим методологическим вопросам. Вопрос о времени организации демографического института, по его мнению, должен решать Научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения» АН СССР, созданный в 1967 г.

Примечателен тот факт, что по результатам дискуссии 7 июня 1968 г. было принято постановление № 12 Секции общественных наук [3], в котором предписывалось для подготовки предложений о развитии научных исследований по проблеме народонаселения СССР создать комиссию, которая должна была представить предложения до 1 октября 1968 г. Предложения комиссии в документах секции обнаружить не удалось.

В заключении можно сделать вывод о недостаточном внимании Академии наук СССР к проведению научных исследований в области демографии, разногласиях между учеными-демографами и сотрудниками учреждений статистики в оценке некоторых проблем демографии. Отдельные демографические процессы, которые обсуждались в дискуссии, актуальны и в настоящее время. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории демографии и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Источники и литература

1. Киселев М.Ю. Источниковедческие аспекты демографических исследований в фондах Архива Российской академии наук // Историческая демография. 2014. № 1. С. 78–80.
2. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1731. Оп. 1. Д. 96. Л. 4–85.
3. АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 92. Л. 52.

А.В. Хрунин, Г.В. Хворых*

Комплексная генетическая история популяций северо-востока Европы и Западной Сибири**

Представлены результаты исследований генетического разнообразия популяций северо-востока Европы и Сибири, полученные с использованием методов полногеномного секвенирования и полногеномного генотипирования. Установлен существенный вклад популяций Западной Сибири в становление генофондов охотников-собирателей восточной и северной Европы (8000–6600 лет назад), носителей Ямной культуры (5300–4700 лет назад), а также современного населения северо-востока Европы. Определены геномные участки аллельной вариации, ассоциированные с действием естественного отбора (участки протяженной гаплотипической гомозиготности) у ижемских и прилузских коми.

Ключевые слова: геном человека, ДНК полиморфизм, популяции северо-востока Европы, популяции Западной Сибири, геномы древних людей, естественный отбор, гаплотипическая гомозиготность

A.V. Khrunin, G.V. Khvorykh

Complex genetic history of Northeastern European and Western Siberian populations

The results of studies of genetic diversity of populations from Northeastern Europe and Siberia, obtained with whole genome sequencing and genome-wide genotyping approaches, are presented. The contribution of Siberian people into gene pools of Eastern European hunter-gatherers from Samara, Karelia, Hungary, and Sweden (from 8000–6600 yrs. ago); Yamnaya people (5300–4700 yrs. ago); and modern-day Northeastern Europeans are demonstrated. Patterns of allelic variation associated with footprints of natural selection (regions of extended haplotype homozygosity) are identified in the genomes of Izhemski and Priluzski Komi.

Key words: human genomes, DNA polymorphisms, Northeastern European populations, Western Siberian populations, ancient human genomes, natural selection, haplotype homozygosity

Становление любой общности, будь то отдельная популяция (группа) или целый этнос, определяется совокупностью различных факторов. С одной стороны – это этническая история и эволюционные траектории всех этнических компонентов, вошедших в состав конкретной современной этнической общности. С другой – влияние естественного отбора, осуществляющего адаптацию, вошедших в состав общности индивидов к определенным условиям среды обитания. В результате этих процессов в генофонде формирующейся общности (совокупности геномов индивидов) происходит накопление специфических характеристик (изменений). Эти изменения могут быть представлены однонуклеотидными заменами, повторами различной длины, вставками, или, наоборот, делециями. Такая вариабельность – полиморфизм – одно из важнейших свойств генома. В то же время оказалось, что у людей внутри этнических общностей параметры вариабельности могут быть сходными. Разные этнические группы могут отличаться между собой по частоте и по спектру встречаемости отдельных полиморфных вариантов. Сравнивая популяционные спектры вариации, можно оценить степень сходства и различия популяций, проследить этноисторические траектории их становления, а также вычленить участки генома, подвергшиеся действию естественного отбора. Возможности исследования особенностей популяционной (генетической) структуры населения тех или иных регионов и этнических

* Хрунин Андрей Владимирович (Москва) – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Отдела молекулярных основ генетики человека Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института молекулярной генетики Российской академии наук, 123182, г. Москва, пл. акад. Курчатова, 2, khrunin@img.ras.ru; Хворых Геннадий Викторович (Москва) – главный специалист Отдела молекулярных основ генетики человека Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института молекулярной генетики Российской академии наук, 123182, г. Москва, пл. акад. Курчатова, 2, khvorykh@img.ras.ru.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 16-04-00635-а).

групп резко возросли с появлением геномных технологий: высокопроизводительного генотипирования и полногеномного секвенирования второго поколения. Обе основываются на использовании микрочиповых технологий. Однако, если первая ограничена в наборе тестируемых участков генома (на текущий момент предел составляет около 4,5 млн. особым образом отобранных ДНК маркеров) [1], то у второй такого предела практически нет. Последнее позволяет использовать в анализе более полные данные о гаплотипах хромосом и делает его (анализ) менее требовательным к размеру выборки индивидов [2]. Обе технологии были использованы в рамках нашей работы по исследованию спектров аллельной вариации в популяциях Сибири и Северо-Востока Европы.

Сибирь – крупнейший географический регион России, понимание популяционной истории которого, как показывают некоторые из уже имеющихся результатов исследований, способно пролить свет не только на происхождение современного населения Евразии [3], но и популяций нового света (Америки) [4]. Однако многие детали генетических взаимоотношений населения Сибири с населением Европы и Восточной Азии остаются малопонятными, в том числе и из-за невключения в уже проведенные исследования представителей целого ряда групп коренного населения, например, популяций манси, хантов и ненцев. В рамках нашего проекта были секвенированы геномы 28 индивидов из 14 этнических групп Сибири (ханты, манси, ненцы, эвены, эвенки, якуты, алтайцы и буряты) и восточной/северо-восточной Европы (коми, вепсы, карелы, русские, белорусы и калмыки) [5]. Этническая принадлежность определялась на основе анкетирования: в исследование включались неродственные индивиды, предки двух предшествующих поколений которых принадлежали к соответствующему этносу и проживали на территории исследуемого района. Адекватность этнической самоидентификации контролировалась анализом однонуклеотидного полиморфизма секвенированных образцов ДНК с использованием метода главных компонент, результаты которого показали, что в пространстве первых двух главных компонент все исследованные образцы располагались в составе соответствующих этнических облаков, формируемых образцами, генотипированными ранее с использованием ДНК-микрочипов. Число секвенированных геномов из отдельных групп варьировало от одного до четырех. Средняя глубина секвенирования (покрытия), т.е. то количество раз, которое был отсеквенирован (прочитан) каждый нуклеотид в геноме, составило 38. Полученные последовательности геномов были сравнены с геномами 36 современных индивидов из 18 различных мировых популяций, а также древними геномами – геномами людей, живших в предыдущие исторические эпохи.

Рассмотрим сначала генетические взаимоотношения между представителями современного народонаселения. Для их оценки нами было смоделировано филогенетическое дерево взаимосвязей между исследованными индивидами, полученное с использованием программы TreeMix [6] на основе анализа аллельного статуса 30 миллионов однонуклеотидных замен. Достоинством программы является то, что она не только строит деревья, но и моделирует те межпопуляционные потоки генов, которые не могут быть отображены в рамках простых бифуркационных деревьев. Модель разместила европейские и азиатские популяции вдоль двух рано разошедшихся ветвей. При этом западносибирские популяции манси, ханты и ненцев формировали субкладу в составе общеевропейской ветви, а восточносибирские – эвены, эвенки, якуты и буряты – отдельную линию, родственную восточноазиатским популяциям. Программа также указала на дополнительное родство между располагающимися на весьма удаленных ветвях дерева популяциями западной и восточной Сибири. Сорок три процента особенностей генетической вариабельности западносибирских популяций происходят от их смешения с некоей древней восточносибирской популяцией, наиболее близкой к современным эвенкам, а ненцы, кроме того, еще дополнительно получили тридцати восьми процентный вклад от популяции, близкой современным эвенкам. Эти выводы были подтверждены и другими методами анализа, в частности, анализа D-статистик, применяемых для оценки существования потока генов между популяциями [7]. С их использованием было также показано, что соседствующее положение северных европейских популяций с популяциями западной Сибири на диаграмме обусловлено их смешением с последними. Проведенные расчеты показали, что смешение генофондов западно- и восточносибирских популяций могло иметь место семь-девять тысяч лет назад.

Далее обратимся к древним геномам, проанализированным в нашем исследовании. В рассматриваемом контексте наиболее интересными выглядят результаты сравнений с генетическим материалом, выделенным из костных останков позднелепестчатых стоянок Афонтова гора и Мальта, расположенных на юге Сибирского федерального округа. Возраст останков составляет двадцать четыре (МА-1) и семнадцать тысяч лет (AG-2), соответственно. В литературе их называют «древними североевразийцами» [1]. На полученном древе они группировались вместе с индивидами из западносибирских популяций, что свидетельствует о генетической связи между ними и современным населением Западной Сибири. Здесь также наличествовала уже отмечавшаяся выше генетическая связь западносибирских популяций с восточносибирскими. С учетом смоделированных программой пропорций, можно подсчитать, что пятьдесят семь процентов присущей манси и ненцам вариабельности восходит к древним североевразийцам.

Эти и другие результаты анализов были суммированы в виде модели, отражающей направления и временные рамки изменений популяционной структуры населения Северной Евразии в последние пятьдесят тысяч лет (рис. 1). В соответствии с ней предполагается существенный вклад популяций Сибири в становление генофондов не только практически всех охотников-собирателей Восточной Европы (Самара, Карелия, Венгрия), но и охотников-собирателей Швеции, а также носителей Ямной культуры. Причем это влияние, по-видимому, являлось следствием их взаимодействия с западносибирскими популяциями. Предполагается также, что носители ямной культуры, оказавшие огромное влияние на генетическую структуру многих популяций, не имели такового применительно к населению западной Сибири, в частности, манси.

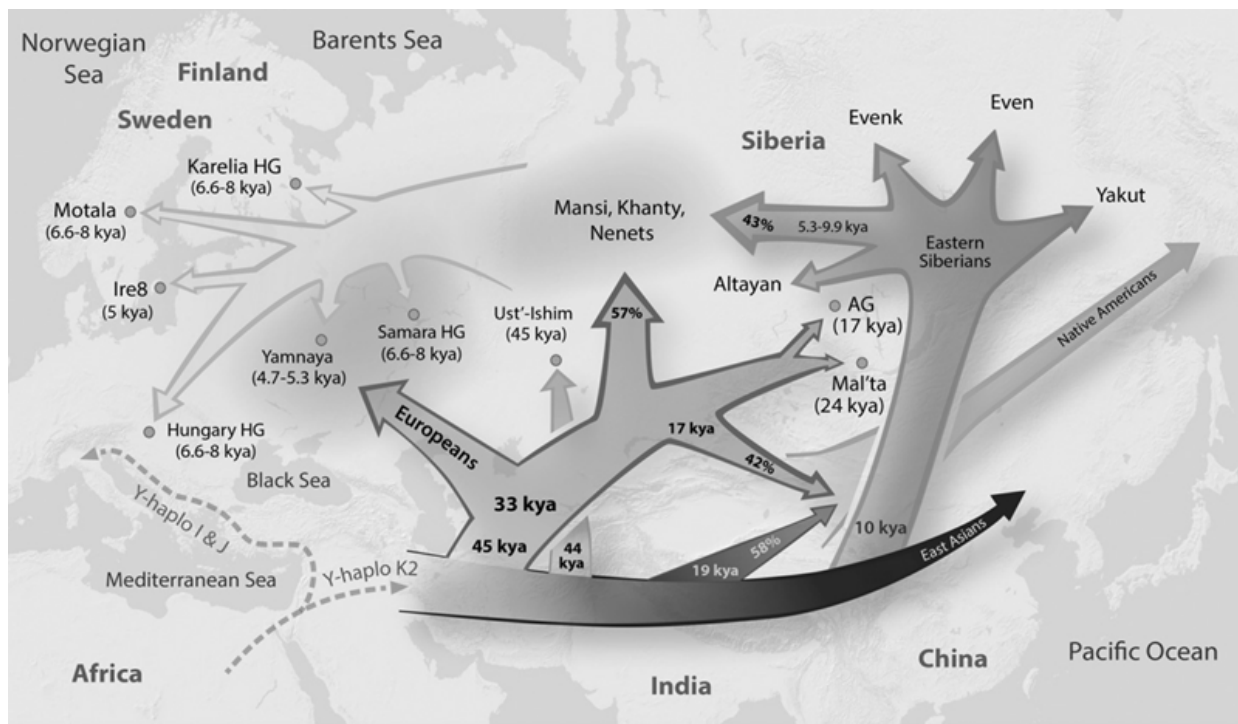

Рис. 1. Модель становления популяционной структуры населения Северной Евразии (воспроизводится без изменений из работы Wong et al. [5])

Показаны направления и временные рамки изменений популяционной структуры населения Северной Евразии в последние пятьдесят тысяч лет. Точками отмечены места локализаций останков древних людей, геномы которых были секвенированы в последние несколько лет (в скобках указан возраст захоронений в тысячах лет). Проценты на стрелках представляют собой доли вклада одних популяций (линий) в генетическую вариабельность других. Так 57% присущей общим предкам манси, ханты и ненцев генетической вариабельности происходит от популяции, близкой к древним североевразийцам из Мальты и с Афонтовой горы, а 43% – от популяции, близкой к эвенкам и эвенкам. Дата в 45 тысяч лет представляет собой время разделения линий QR и NO Y-хромосомы, а 33 тыс. лет – время расхождения Y-гаплогрупп Q и R. Около 10 тысяч лет назад произошло вычленение предков восточносибирских народов из общей восточноазиатской ветви, а в промежутке между 5.3 и 9.9 тысяч лет имел место контакт и последующее расхождение древней восточносибирской популяции с предками представителей коренного западносибирского населения.

Еще одним фактором, влияющим на характеристики генофонда, выступает естественный отбор, адаптирующий генофонд популяции к конкретным условиям среды обитания. С развитием геномных технологий и биоинформатических методов стало возможным обнаруживать маркеры, так называемые геномные «следы», естественного отбора в популяционных данных, анализируя спектры аллельных частот вдоль хромосом. В простейшем случае, если конкретный генетический вариант является адаптивным, то это приводит не только к увеличению его частоты в популяции, но также и частот сцепленных с ним аллелей близкорасположенных локусов [8]. В результате в данном участке генома наблюдается уменьшение гетерозиготности. Если частоты аллелей локусов, которые находятся внутри такого геномного региона, сравнить с точно таким же регионом из родственной популяции, не подвергшейся действию естественного отбора, то будет наблюдаться увеличение различий аллельных частот между этими популяциями. Выделяют несколько видов «следов» отбора в геноме, различающихся по времени их существования и, соответственно, возможностям их обнаружения. С учётом отмеченных выше временных рамок становления генофондов

Северо-Востока Европы и Сибири наиболее оптимальными выглядят методы, основывающиеся на анализе структуры гаплотипов, отдельные протяженные (длинные) варианты которых могут сохраняться в популяциях в течение 25–30 тысяч лет [9].

Гаплотип – это сочетание аллелей близкорасположенных локусов одной хромосомы, характеризующихся совместным наследованием в ряду поколений. Для выявления следов селекции проводят оценку размеров гаплотипов и их идентичности на различном расстоянии от тестируемого полиморфизма, определяя протяженность так называемой гаплотипической гомозиготности (extended haplotype homozygosity). Причем делают это сразу для обоих аллельных вариантов. Выявленные в геномном окружении каждого из аллелей параметры гомозиготности сопоставляют и получают набор соотношений (индексов) (iHS, **integrated haplotype score**) [10], среди которых потом отбирают те, которые превышают определенное пороговое значение. На рис. 2 представлен спектр таких индексов (точек), полученных для каждого из почти шестисот тысяч проанализированных в популяции ижемских и прилузских коми однонуклеотидных полиморфизмов. И здесь сразу стоит отметить, что интерес представляют не единичные точки, а их группы, образующие пики. Существуют пики, характерные для многих популяций, например, маркирующие переносимость лактозы. Другие, напротив, являются специфическими и отражают индивидуальные особенности адаптации популяции.

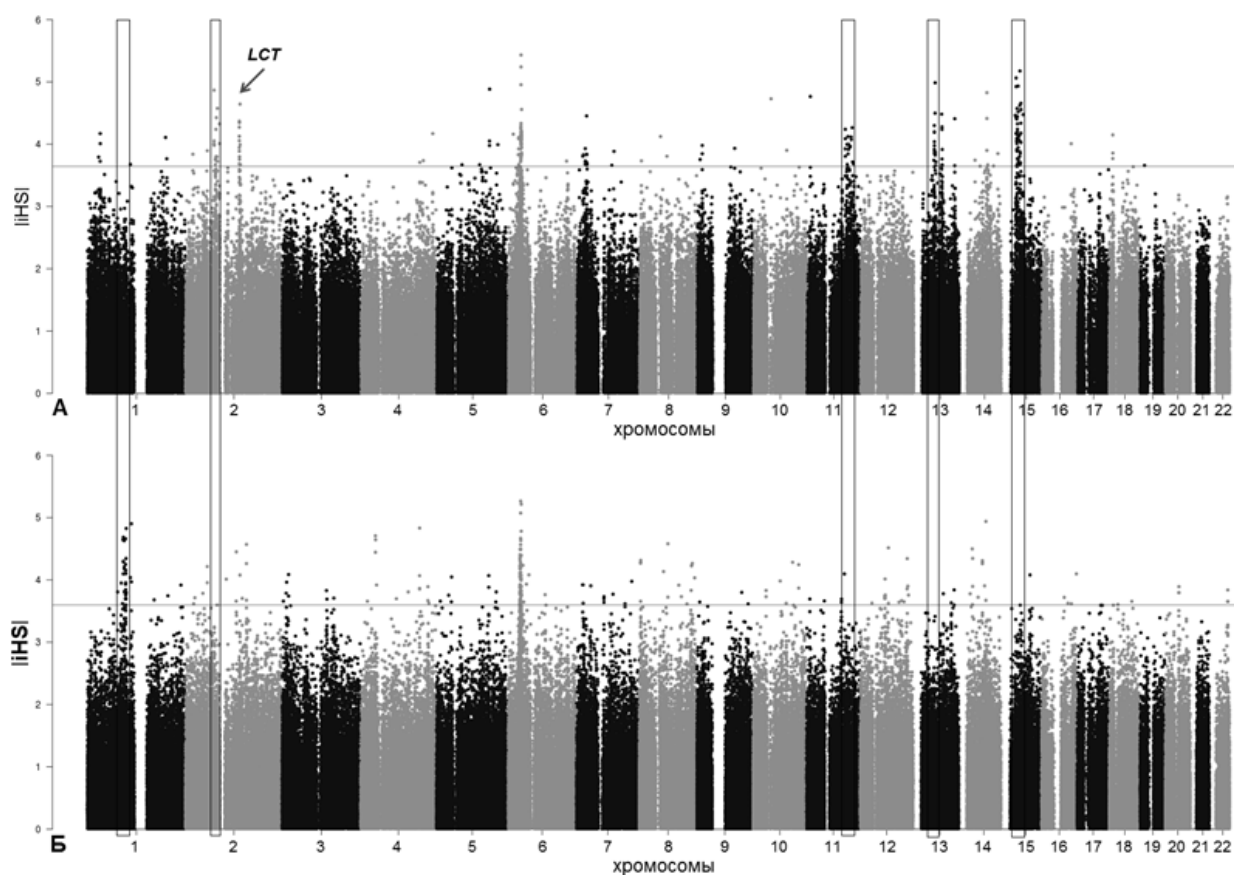

Рис. 2. Геномные (похромосомные) диаграммы индексов iHS в популяциях коми
 А. Ижемские коми. Б. Прилузские коми. Стрелкой отмечен регион, связанный с адаптацией к поступлению в организм лактозы (молока). Горизонтальная линия – соответствует 99,9 перцентилю. Вертикальными прямоугольниками выделены геномные регионы, различающиеся между популяциями коми по представленности в них групп высоких значений индексов iHS.

Мы сравнили геномные распределения найденных значений индексов в популяциях ижемских и прилузских коми и выявили пять геномных регионов, по которым они отличались друг от друга, четыре из которых были локализованы в популяции ижемских коми и лишь один у прилузских. Среди них были идентифицированы гены, кодирующие рецепторные белки, белки транспортеры, белки, участвующие в межклеточных взаимодействиях, в трансформации и репарации клеточных мембран. Весьма интересным фактом является ассоциация следов отбора с белок некодирующими участками генома, содержащими гены микро-РНК и длинных межгенных некодирующих РНК, обычно выполняющих функции регуляторов тех или иных процессов.

Сравнение следов адаптации, выявленных в популяциях коми, с таковыми в популяциях северных русских, вепсов и манси показало, что не все они могут рассматриваться как специфичные для коми. Исключение – участок на 13 хромосоме у ижемских коми, включающий среди прочих те самые белок не кодирующие РНК. Специфичные для ижемских коми участки, включающие гены не кодирующих РНК, в частности, на 6-й хромосоме, найдены и с использованием других биоинформатических методов анализа генетической вариации. Их детальная характеристика является предметом нашей дальнейшей работы.

Источники и литература

1. Microarrays. URL: <https://www.illumina.com/techniques/microarrays/human-genotyping.html> (дата обращения: 31.07.2017).
2. Novembre J., Peter B.M. Recent advances in the study of fine-scale population structure in humans // *Curr Opin Genet Dev.* 2016; 41:98–105.
3. Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A., Renaud G., Mallick S., Kirsanow K., Sudmant P.H., Schraiber J.G., Castellano S., Lipson M., et al. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // *Nature* 2014;513(7518):409–413.
4. Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford T.W. Jr., Orlando L., Metspalu E., et al. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // *Nature*. 2014;505(7481): 87–91.
5. Wong E.H., Khrunin A., Nichols L., Pushkarev D., Khokhrin D., Verbenko D., Evgrafov O., Knowles J., Novembre J., Limborska S., Valouev A. Reconstructing genetic history of Siberian and Northeastern European populations // *Genome Res.* 2017;27(1):1–14.
6. Pickrell J.K., Pritchard J.K. Inference of population splits and mixtures from genome-wide allele frequency data // *PLoS Genet.* 2012;8: e1002967.
7. Durand E.Y., Patterson N., Reich D., Slatkin M. Testing for ancient admixture between closely related populations // *Mol Biol Evol.* 2011;28(8):2239–52.
8. Oleksyk T.K., Smith M.W., O'Brien S.J. Genome-wide scans for footprints of natural selection // *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2010;365(1537):185–205.
9. Sabeti P.C., Schaffner S.F., Fry B., Lohmueller J., Varilly P., Shamovsky O., Palma A., Mikkelsen T.S., Altshuler D., Lander E.S. Positive natural selection in the human lineage // *Science*. 2006;312(5780):1614–20.
10. Voight B.F., Kudaravalli S., Wen X., Pritchard J.K. A map of recent positive selection in the human genome // *PLoS Biol.* 2006;4(3):e72.

Э.А. Савельева*

Население Прилузья в эпоху средневековья (по археологическим источникам)

В статье представлены материалы археологических раскопок средневековых памятников Прилузья (Лоемского могильника и поселения, а также Векшорского могильника), свидетельствующие о разно-этнических, разнокультурных группах населения в Прилузье в эпоху средневековья. Лоемский могильник и поселение оставлены пришлым финским населением, исходной территорией которого могла быть Северо-Западная Русь, на территории которой проживали прибалтийские финны, в культуре которых прослеживается древнерусский компонент. Векшорский могильник, предположительно, может быть отнесен к памятникам лузской пермцы. Эти материалы позволяют выявить истоки неоднородного состава коренного населения Прилузья.

Ключевые слова: археология эпохи средневековья, могильник, поселение, этнокультурная принадлежность, прибалтийские финны, лузская пермца

E.A. Savelyeva

The population of the Luza area in the Middle Ages (on archaeological sources)

Materials of archaeological excavations of medieval sites of the Luza area (Loemsky burial ground and settlement, as well as Vekshorsky burial ground), indicating of different-ethnic and different-cultural groups of the population in the Luza area in the Middle Ages are presented. Loemsky burial ground and settlement were left by the newly arrived Finnish population, which original territory could have been North-Western Russia, inhabited by Baltic Finns, the ancient-Russian component being traced in their culture. Vekshorsky burial ground, presumably, can be referred to the sites of the Luza Perm. These materials allow to identify the origins of the heterogeneous composition of the indigenous population of the Luza area.

Key words: archaeology of the Middle Ages, burial ground, settlement, ethno-cultural identity, the Baltic Finns, Luza Perm

История формирования коренного населения Прилузья представляет особый научный интерес в связи с проблемой этногенеза коми-зырян и древнерусской колонизацией региона. Согласно данным лингвистики, лузско-летский диалект коми языка имеет целый ряд специфических особенностей, свидетельствующих о сложном процессе формирования коренного населения Прилузья. В нем содержится ряд слов, указывающих на бывшие контакты населения Прилузья с древними марийцами и удмуртами [1]. Современные фамилии жителей свидетельствуют об их связях с коми-пермяками и сысольчанами [2, 3]. В лузско-летском диалекте коми языка содержатся прибалтийско-финские, волжско-финские и русские топонимы. На Лузе фиксируются и саамские названия. Так, Луза (Луз) в переводе с саамского означает семужья река. По предположению А.И. Туркина, топонимы саамского происхождения могли проникнуть в коми язык через посредство прибалтийско-финских и русского языков [4]. Существует предположение, что саамы могли входить в состав заволочской чуди.

Прилузская группа коми выделена Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым, отметившими своеобразие ее материальной и духовной культуры [5, 6]. Особого внимания заслуживает предположение Л.Н. Жеребцова о выделении в Прилузье двух этнографических групп – лузской и летской [7, с. 101]. Это согласуется и с данными исследований Т.И. Жилиной, выявившей различия в говорах лузских и летских коми [8], что подтверждают и новейшие исследования А.Г. Мусанова [9, с. 11]. В кандидатской диссертации и статьях Ю.И. Бойко убедительно обосновано, что лузские и летские коми идентифицируют себя как отдельные локальные сообщества, подтвердив тем самым предположение Л.Н. Жеребцова. Она выявила своеобразие летской и лузской

* Савельева Элеонора Анатольевна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, eleonorasav@yandex.ru

групп коми в традициях домостроительства, комплексе одежды, традиционной системе питания, календарной, семейной и погребально-поминальной обрядности. По мнению И.И. Бойко, эти различия объясняются в значительной мере особенностями этнической истории лузских и летских коми, которые восходят к эпохе средневековья [10].

В настоящее время не представляется возможным определить точное время заселения Прилузья древними коми. Первые письменные свидетельства о населении Прилузья относятся к 1485 г. В «Жалованной грамоте Ивана III волостным людям пермякам» упоминается лузская пермца, однако в ней не определены ни ее границы, ни существующие населенные пункты [11]. Прилузские коми еще в XIX в., подчеркивая свое отличие от коми-пермяков и коми-зырян, называли себя пермяками, однако уже в документах XVII в. (1676 г.) лузская пермца упоминается как «местечко бедное, самое худое, а людишки зыряне безответные». Л.П. Лашук в монографии «Формирование народности коми» правомерно ставит вопрос: означает ли это, что все население Лузской пермцы в XVII в. было коми-зырянским? По данным историков, жившее по берегам Лузы население попало под власть русских князей в конце XII – начале XIII в., но массовая крестьянская колонизация Нижнего Прилузья начинается в XIV–XV вв. По р. Лузе граница между русским и коми селениями в XVII в. пролегла в районе современного Спаспоруба, где живут коми и русские [12, с. 136]. Эта граница сохраняется до сих пор. В этнографической литературе XIX – начала XX в. Лоемская волость названа русской.

Археологическое изучение Прилузья началось в 1969 г. Коми филиалом АН СССР. Следует отметить, что в 1959 г. этнографы Коми филиала АН СССР Л.П. Лашук и Л.Н. Жеребцов зафиксировали место случайной находки человеческих костей в с. Лойма и высказали предположение о том, что это древний могильник с трупосожжениями, аналогичный вымско-вычегодским XI–XIV вв. Они осмотрели также три прилузских городища (Лоемское, Спаспурбское и Объячевское), определив их как осадные городки-крепости XV–XVI вв. [13]. Л.П. Лашук в названной выше монографии высказывал предположение, что поселения коми-зырян существовали в Прилузье в XI–XIV вв., но возникли еще раньше в XI–XIV вв., ссылаясь на многочисленные коми топонимы [14, с. 52, 53]. Они приводятся и в статье Ю.В. Бойко [15], а также в работе А.Г. Мусанова [16].

Прилузский археологический отряд под руководством автора данной статьи в 1969 г. выехал в с. Лойма исследовать упомянутый могильник. Рядом с могильником было открыто поселение (Лоемское городище). Работы продолжались на протяжении трех полевых сезонов (1969, 1970, 1971 гг.). На протяжении трех лет был полностью исследован Лоемский могильник, частично – Лоемское городище и открыт новый могильник – Векшорский. Раскопки Лоемского поселения были завершены М.В. Кленовым в 1993 г.

Лоемский могильник был и остается уникальным памятником. Аналогичные ему по комплексу признаков – погребальному обряду, вещевому инвентарю – не известны ни на территории Республики Коми, ни в смежных регионах. Он расположен на территории с. Лойма и к моменту раскопок был значительно разрушен песчаным карьером, а также в процессе строительных работ совхоза. Размеры могильника в связи с этим определить невозможно. Вещи из разрушенных погребений частично попали в Национальный музей Республики Коми, но, вероятно, большая часть исчезла бесследно. Нами на площади около 1000 кв. м были вскрыты 43 могильные ямы, в абсолютном большинстве содержащие одиночные погребения, только в одном случае зафиксировано парное захоронение. Могильник функционировал в XIII–XIV вв.

Он грунтовый, не имеет внешних признаков в отличие от вымско-вычегодских, имеющих на поверхности заметные впадины. Преобладают погребения, совершенные способом ингумации (92, 5%), тогда как на могильниках вымской культуры в этот период преобладает кремация. Погребения ориентированы в широтном направлении, костяки – головой на запад, тогда как на могильниках вымской культуры – в меридиональном, головой на север. В погребениях Лоемского могильника исключительно редко встречается глиняная посуда (целые сосуды положены только в два погребения), тогда как на вымско-вычегодских фрагменты керамики встречены в абсолютном большинстве погребений и за их пределами. В Лоемском могильнике обнаружено девять медных котелков, тогда как на вымско-вычегодских они единичны. У вычегодских пермян существовала традиция намеренной поломки многих вещей, помещаемых в могилу, особенно железных (острых, колющих). На Лоемском могильнике сломанные изделия не встречаются. Лоемская керамика представлена двумя гладкими плоскодонными сосудами, тогда как вымско-вычегодская – округлодонными или слегка уплощенным дном, орнаментированная отпечатками зубчатого штампа, кольцевыми вдавлениями, образующими различные комбинации узоров. Столь же существенно отличаются украшения женского костюма. Характерными украшениями лоемского являлись разнообразные сложные подвески. На кожаный шнур нанизывались шумящие подвески, трубчатые и спиралевидные пронизки, бусы, бубенчики, костяные фигурки уточек. К популярным лоемским украшениям относятся разнообразные зооморфные полые шумящие подвески, многобусинные и проволочные височные кольца, перстни, шаровидные бубенчики с коническим верхом и уплощенной нижней частью, богатые кожаные пояса с набором бронзовых накладок. Характерно и то, что пояса лежат не на погребенных, а в изголовье, в свернутом виде.

В целом по всем признакам, определяющим этнокультурную принадлежность, Лоемский могильник отличается от вымско-вычегодских. Поиски аналогий погребальному обряду, лоемским украшениям, керамике уводят нас в земли волжских (древние марийцы) и прибалтийских (водь, чудь заволочская, корела) финнов, однако полного тождества нет [17, с. 92–138].

Лоемское поселение расположено на мысу 20-метровой террасы, примерно в 300 м от берега реки. Известен местному населению как Юрьев городок, принадлежащий чудь, однако при раскопках оборонительные сооружения не выявлены. Памятник относится к типу небольших мысовых поселений. Оно одновременно могильнику [18, с. 137–145].

Какому же этносу (археологической культуре), хотя бы предположительно, можно отнести Лоемский могильник и поселение? Название села Лойма финского происхождения. В переводе с финского языка означает пески, бугристое, песчаное место, поросшее вереском или мхом, в переводе с эстонского – водяная лужа, заросший травой приток ручья. Прибалтийско-финское происхождение имеют названия ряда притоков Лузы. Материалы могильника не вызывают сомнений в том, что могильник языческий, оставлен финским населением, а не русскими пришельцами, но и не лузской пермцой, как я предполагала в первой публикации памятника [19]. С учетом новейших археологических материалов со смежных территорий в настоящее время представляется, что это финское население попало на Лузу с новгородским колонизационным потоком через Костромское Поволжье, культура населения которого содержала некоторые водские, ижорские или карельские компоненты. Возможно, это было население, близкое костромским финно-уграм, культура которых, по мнению Е.А. Рябикина, обнаруживает наибольшую близость древнемарийской [20, с. 17].

Заманчиво было бы соотнести поселение с могильником, тем более они расположены рядом и одновременно. Однако материалы этих двух памятников трудно сопоставимы. На могильнике основную массу находок составляют украшения, на поселении – керамика. Большую часть керамической коллекции составляют гончарные круговые сосуды, изготовленные в традициях русского гончарного ремесла, хотя представлены и лепные сосуды, характерные для финно-угорского населения Костромского Поволжья. Население, которым оставлены и могильник, и поселение, объединяет одинаковый культурно-хозяйственный уклад. В экономике, судя по находкам кос-горбуш, наральника, костей домашних животных, ведущую роль играли земледелие и животноводство. Наиболее вероятно, что могильник принадлежит населению могильника, но для подтверждения этого предположения необходимы поиски и раскопки других подобных поселений.

Памятники, аналогичные Лоемскому комплексу, пока выше Лоймы не известны. Но не исключено, что они пока не найдены. Памятники пермского населения в этом районе также не известны. Предположительно, с лузской пермцой может быть связан Векшорский могильник, расположенный выше Лоемского по Лузе, в одном километре выше деревни Векшор, но ниже Ношуля, которое считается первым коми селением по р. Лузе. Он был открыт и частично раскопан автором статьи в 1969 г., в 1996–1997 гг. – полностью вскрыт Вилегодско-Прилузским отрядом ИЯЛИ под руководством А.Р. Игушева. Могильник расположен в урочище Шойна-Яг, что в переводе с коми означает Кладбищенский бор. Он небольшой по размерам, насчитывает 31 погребение. Большинство ориентировано с севера на юг, все совершены способом ингумации. Могильник не богатый. Менее половины погребений содержат инвентарь: орудия труда (топор, ножи), промысловое оружие и один боевой наконечник стрелы. Среди предметов быта представлены кресала, из украшений – бронзовый перстень и бусы. Обнаружен один жертвенный комплекс, между погребениями встречаются предметы от поминальных тризн. Посуда отсутствует. Датируется XIV в. [21, с. 146–159].

Векшорский могильник обнаруживает близость могильникам вымской культуры перми вычегодской, что проявляется в топографии, грунтовым характере могильника, в меридиональной ориентации могильных ям, традиции совершения поминальных тризн и сопровождении погребений жертвенными комплексами. Кроме того, как отмечено выше, он расположен в урочище Шойна Яг (Кладбищенский бор) и сопоставляется местным населением с древней чудью, как и вымско-вычегодские могильники. Векшорский могильник существенно отличается от Лоемского и по обряду погребения и вещевому инвентарю и, соответственно, этнокультурной принадлежности, хотя хронологически они близки. Наиболее вероятна его принадлежность лузской пермце. В настоящее время это первый и пока единственный памятник, который может принадлежать лузской пермце.

Таким образом, по пока немногочисленным археологическим источникам можно предположить, что в формировании коренного населения Прилузья в эпоху средневековья принимали участие смешанные группы населения, оставившие памятники типа Лоемского могильника и поселения, и местное пермское, вероятно, немногочисленное население, близкое по культуре вычегодским пермянам. Судя по небольшому Векшорскому могильнику, содержащему очень скромный инвентарь, возникает предположение, что он оставлен населением небольшого поселения. В целом, население Прилузья в эпоху средневековья было этнически неоднородным, но конкретная история его формирования пока не изучена. Проблема формирования населения Прилузья нуждается в дальнейшей разработке, прежде всего, по археологическим источникам.

Источники и литература

1. Жилина Т.И. Марийские и улмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. С. 30–33.
2. Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми-зырян. Сыктывкар, 1977. С. 8–9.
3. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. С. 72.
4. Туркин А.И. Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра филол. н. М.: Наука, 1989. С. 39–40.
5. Жеребцов Л.Н., Лаиук Л.П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 53–97.
6. Лаиук Л.П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 97–105.
7. Жеребцов Л.Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107 (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 38).
8. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 270 с.
9. Мусанов А.Г. Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар, 2007. 103 с.
10. Бойко Ю.В. Лузско-летские коми: коллективные номинации и культурные границы // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар: 2012. С. 122–132. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71).
11. Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича жителям перми вычегодской 1485 г. // Документы по истории коми. Сыктывкар: 1979. С. 30–33 (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 4).
12. Лаиук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 290 с.
13. Лаиук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. // Архив Коми филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. 13. № 48.
14. Лаиук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 290 с.
15. Бойко Ю.В. Лузско-летские коми: коллективные номинации и культурные границы // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар: 2012. С. 122–132. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71).
16. Мусанов А.Г. Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар, 2007. 103 с.
17. Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 92–138 (МАЕСВ. Вып. 13).
18. Савельева Э.А., Кленов М.В. Лоемское поселение // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 137–145 (МАЕСВ. Вып. 15).
19. Савельева Э.А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972. 46 с.
20. Рябинин Е.А. Костромское Поаолжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с..
21. Савельева Э.А., Игушев А.Г. Векшорский могильник // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 146–159 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15).

О.Л. Петрякова*

К вопросу об источниках данных о населении Арктической зоны

В данной статье поднимаются вопросы о необходимости проведения мониторинговых исследований численности и состава населения Арктической зоны, потребность в подобной информации весьма велика. С ее учетом должны быть разработана и реализована не только демографическая, но и социально-экономическая политика в Арктическом регионе.

Ключевые слова: население Севера, коренные народы, мониторинговые исследования

O.L. Petryakova

To the question about the sources of data on the population of the Arctic zone

This article raises questions about the need for monitoring the size and composition of the population of the Arctic zone, the need for such information is very high. Its accounting should be based on the development and implementation of not only demographic but also socio-economic policy in the Arctic region.

Key words: the population of the North, indigenous peoples, monitoring

Несмотря на то, что имеется немало научных работ, посвященных проблемам Севера и Арктической зоны России в частности, изданных как еще в советские годы, так и в более позднее время, большинство работ носило чаще всего природно-ресурсную направленность, касающуюся сохранения природных ресурсов и эффективного использования трудового потенциала [1]. С другой стороны, немало научных статей и разработок особенно в постсоветский период касается уникальности северной природы и культуры, экологических проблем, тенденций развития коренных народов. Эти научные исследования нередко носят описательный характер, поскольку сталкиваются с значительной нехваткой комплексной информации, отражающей все стороны жизнедеятельности населения, проживающего в зоне Российского Севера. Среди имеющихся источников статистической информации, находящихся в открытом доступе, следует назвать, прежде всего, материалы переписей населения, сборник «Регионы России», выходящий ежегодно, статистический бюллетень «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», который, увы, не предоставляет данных о коренных народах, а уж тем более в разрезе образа жизни – традиционный или оседлый. Кроме того, в последние годы, в связи с принятием Стратегии на официальном сайте Росстата, появились публикации официальной статистической информации по показателям «Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» [2]. К сожалению, в них весьма мало именно демографической информации, в том числе о коренном населении, в разрезе пола и возраста, специальных коэффициентов рождаемости и т.п. Большинство источников статистической информации отличаются излишней обобщенностью, не публикуются в разрезе районов, а имеющиеся социологические исследования из-за различия в методологии и инструментарии практически все несопоставимы между собой. Наиболее информативны, конечно, материалы переписи, однако они успевают устареть. Это затрудняет, а то и делает невозможным комплексный анализ социально-экономического положения населения, проживающего в данном регионе, что необходимо для проведения грамотной, стратегически выстроенной социально-экономической политики с учетом специфики той или иной территории, а также интересов и особенностей различных категорий населения.

В настоящее время в условиях обострения уже существовавших и появления новых проблем на Севере страны (к которым можно отнести ухудшение экономической и экологической ситуации в регионе, нарастающий конфликт в сфере ресурсопользования между коренным и пришлым населением, в том числе крупными промышленными компаниями, нестабильность многих демографических процессов) такая политика особенно актуальна. В качестве основного документа, направленного на решение вышеуказанных проблем, следует отметить Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безо-

* Петрякова Ольга Леонидовна (Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Института изучения детства, семьи и воспитания РАО (ИИДСВ РАО), 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16.

пасности на период до 2020 г. и принятую в качестве механизма ее реализации государственную программу социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г. (принята постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366). Реализация Стратегии предусматривает проведение мониторинговых исследований, разработку дополнительных форм статистической отчетности, публикацию информации в открытом доступе. Однако, анализируя эту информацию на сайте Росстата, можно прийти к выводу, что ее нельзя считать достаточной ни для научных, ни для практических целей.

Поэтому, по нашему мнению, необходимы дополнительные мониторинговые исследования, касающиеся, прежде всего, демографического и социально-экономического аспекта и направленные на восполнение указанных пробелов в статистической информации, тем более при имеющемся регулярном статистическом наблюдении оносительно многих показателей внести ряд изменений не составит очень больших трудностей и материальных затрат.

При организации подобных исследований следует учитывать, что социально-экономическое положение населения и отдельных граждан региона и во многом демографическое поведение обусловлены целым рядом факторов: природно-климатических, экономических, социальных, политических, демографических и психологических, носящих как объективный, так и субъективный характер. Если говорить о населении Арктической зоны, то к ним можно отнести:

- природно-климатические особенности региона, во многом детерминирующие как уровень экономического развития территории, так и потребности населения и возможности их удовлетворения. Суровые природно-климатические условия Севера (низкие температуры, полярные ночи, сильные ветры и т.п.) предъявляют повышенные требования к уровню здоровья населения, что требует иного качества питания и жилья, медицинского обслуживания, необходимости летнего отдыха вне Севера и т.п., чем в других регионах страны.

- факторы макросреды и те изменения, которые в ней происходят, в том числе социально-экономическая обстановка в регионе, уровни инфляции, занятости и безработицы. Инфляция в значительной степени ухудшает уровень жизни населения, обесценивает сбережения, что снижает вариативность поведения населения, возможность самим справиться с возникшими трудностями. Падение уровня жизни на Севере приводит к значительному ухудшению качества питания (увеличению потребления углеводов и снижению потребления белков), проведения отпуска и досуга, что, в свою очередь, резко ухудшает состояние здоровья населения и его социально-экономический потенциал в целом.

- уровень жизни населения (уровень доходов, жилищные условия, благоустроенность быта и др.). Уровень жизни населения во многих северных регионах значительно отстает от среднероссийского, прежде всего это связано с отставанием регионов нового освоения по всем показателям еще в советский период (состояние жилищно-коммунальной сферы, условий труда, медицинского обслуживания), а также с экономическим кризисом 1990-х гг., сопровождавшимся безработицей, обесцениванием зарплат и всех существовавших ранее льгот и северных компенсационных выплат, ухудшением качества снабжения. Это повлекло за собой массовый отток населения с Севера. Сегодняшний кризис утяжеляет ситуацию даже в регионах с весьма высоким уровнем жизни (например, арктическая часть ЯНАО), однако в некоторых регионах еще не преодолены последствия кризиса 1990-х гг. И сейчас нередки задержки выплат заработной платы, уровень бедности и имущественного расслоения выше, чем в среднем по стране, значительно больше населения проживает в аварийном и ветхом жилье. Все это значительно ухудшает социально-экономический потенциал населения, подрывает его здоровье и возможности быстрой и безболезненной адаптации к изменениям.

- социальная инфраструктура и уровень ее развития (наличие детских садов и школ и мест в них, состояние сферы здравоохранения, транспорта, предприятий бытового обслуживания). Никогда Север не отличался высокоразвитой социальной сферой, но это несколько компенсировалось высокими зарплатами и возможностью получения таких услуг вне Севера. Однако ситуация резко обострилась в 1990-е гг., когда многие учреждения социальной сферы были закрыты (из-за остановки промышленных предприятий, на балансе которых они находились), оттоком квалифицированных кадров из этой сферы и вообще с Севера, что привело к ухудшению качества медицинских и образовательных услуг на Севере, особенно для жителей труднодоступных удаленных регионов.

- личностные характеристики граждан (их социальный статус, уровень образования, общая культура, их ценностные ориентации). Высокий уровень образования и квалификации, хорошее состояние здоровья способствуют тому, что даже в сложных социально-экономических условиях человек легче приспосабливается к ним, имеет больше разнообразных вариантов поведения в кризисных ситуациях. Однако уровень образования в большинстве регионов Севера неуклонно падает, ухудшается и состояние здоровья, из-за имеющихся миграционных тенденций оно практически «не разбавляется» пришлым населением, имеющим, как правило, несколько лучшие показатели образования.

– социальная помощь населению со стороны общества и государства, реализуемая в регионе. В силу того, что большинство северных выплат и льгот обесценилось и утратило свое значение, призванное компенсировать тяготы проживания на Севере, значительная часть населения является социально-незащищенной, чувствует незаинтересованность и неспособность государства и местных органов власти в создании приемлемых условий для нормальной жизнедеятельности жителей региона.

Исходя из сложности объекта изучения, множества факторов, влияющих на него, исследование социально-экономического положения населения Севера и выявления имеющихся проблем, а также возможных вариантов их преодоления требует специфических методов. Наиболее подходящей методикой для осуществления контроля за социально-демографическими процессами, происходящими в регионе, изменении основных ключевых показателей в динамике является мониторинг.

В настоящее время мониторинг представляет собой один из важнейших компонентов информационного обеспечения управления социальными и экономическими процессами. В самом общем виде под мониторингом понимается специально организованная и постоянно действующая система сбора, хранения и анализа информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований и оценки состояния, тенденций, прогноза и рисков развития природного, социального или экономического явления, используемая при принятии управленческих решений.

Основными компонентами мониторинга социально-демографических характеристик населения предлагается:

- сбор информации, который представляет собой активный, планомерный и целенаправленный процесс наблюдения за объектом мониторинга, факторами воздействия на этот объект, фактическим состоянием среды существования объекта;
- обработка и интерпретация полученных данных;
- прогноз состояния среды и оценка прогнозируемого состояния объекта мониторинга;
- выявление отклонений и негативных явлений в развитии объекта, определение причин нарушений с указанием того, что следует изменить для улучшения состояния в данной области.

По нашему мнению, объект мониторинга – социально-экономический потенциал населения региона – необходимо рассматривать как единство следующих элементов:

- социально-демографического потенциала;
- трудового потенциала;
- образовательного потенциала;
- состояния здоровья членов семьи;
- экономического потенциала (доходов населения, имущественной и жилищной обеспеченности).

Концептуальные гипотезы социально-экономического потенциала населения могут явиться основой построения системы и индикаторов социальной и экономической мобильности населения региона в условиях трансформации социально-экономических условий развития России. Как известно, показатели представляют собой конкретные характеристики отдельных элементов социально-экономического потенциала населения, а также противоречий их реализации. Они составляют информационную базу для индикаторов, которые, в свою очередь, выражаются через средние и медианные величины; соотношения; удельные доли; темпы изменений; коэффициенты частоты, концентрации и дифференциации; индивидуальные и агрегированные индексы, комплексные оценки. Индикаторы предназначаются для измерения результатов влияния социально-экономической среды на уровень благосостояния семей. Вместе с показателями они образуют систему независимых переменных для построения моделей корректировки социальной политики.

Система показателей социально-экономического потенциала населения может быть агрегирована в разделы, характеризующие отдельные составляющие потенциала, условий его реализации:

- социально-демографические показатели различных категорий населения;
- трудовой потенциал и условия его реализации;
- доходы, расходы и потребление населения региона;
- жилищно-бытовые условия;
- имущество и собственность;
- социальная защита и поддержка населения;
- здоровье;
- образовательный уровень;
- противоречия реализации социально-экономического потенциала;
- показатели социальных аномалий.

Поскольку мониторинг – это средство и этап в обосновании и подготовке управленческих решений, в его сферу включаются не только результаты, но и круг меняющихся регулируемых факторов, воздействующих

ций на процессы развития населения территории в новых социально-экономических условиях. Результатом мониторинга должны явиться выявление и диагностика «болевых точек» реализации потенциала семьи, что необходимо для формирования мер социальной политики, конкретных рекомендаций по оказанию помощи различным категориям населения.

Источники и литература

1. Агранат Г.А. О развитии высокоширотных районов. Север: новые проблемы и возможности. Рациональное использование ресурсов. М.: Знание, 1984; Прохоров Б.Б. Экология человека. Социально-демографические аспекты. М.: Наука, 1991.
2. Календарь публикации официальной статистической информации по показателям Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1.htm

М.С. Черкасова*

Демографические события по челобитным служилых людей первой четверти XVII в.

В статье речь идёт о разных формах учета населения в России XVII в. Внимание обращается на церковный учёт, представленный в документации архиерейских кафедр. Предлагается также социокультурный анализ челобитных служилых людей 1623–1626 гг. В них они просили увольнения во временный отпуск в связи с различными демографическими событиями – браками, болезнями, смертями родственников. Обширная совокупность челобитных может рассматриваться как своего рода учёт служилых людей московских чинов в Разрядном приказе.

Ключевые слова: население, формы учёта, церковь, челобитные, служилые люди, демографические события

M.S. Cherkasova

Demographic events by the petitions of the serving people in the first of the 17th century

In the article we are talking about different forms of civil registration in Russia 17th cent. Attention is drawn to the Church, represented by hierarchal documentation departments. It is proposed to analyze sociocultural petitions military people 1623–1626. In them they requested the dismissal to a temporary leave of absence in connection with various demographic event – marriages, illnesses, death of relatives. An extensive set of petitions can be regarded as a kind of accounting of military people Moscow ranks in Bit order.

Key words: population, accounting forms, church, petitions, serving people, demographic events

Непреодолимой задачей историко-демографических исследований было и остаётся расширение источниковой базы. Массовые, статистические источники в России начинаются с первой четверти XVIII в. с введением ревизий податного населения и метрического учёта [1]. Для предшествовавшего времени наиболее широко используемые – это писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. Менее известны, выявлены и освоены в исследованиях по исторической демографии материалы церковного учета допетровского периода. Он велся на уровне отдельных епархий, а в их рамках – десятин, «заказов»-благочиний, приходов [2].

В документации патриаршего дома, митрополий (Новгородской, Ростовской), архиерейских кафедр XVII в. записи о брачности городского и сельского населения представлены по-разному: 1) конкретная фиксация каждого брака по городу и ближайшему предместью в венецных разделах; 2) более суммарные сведения о структуре браков (первый, второй, третий, в соответствии с каноническим правом) в пределах «заказов»-благочиний; 3) совокупные суммы за венецные, похоронные, почеревные, ставленные пошлыны, собранные в десятинах [3; 4; 5; 6]. Например, в приходах Белозерской и Пошехонской десятины Патриаршего дома в 1639–1641 гг. в книге его казенного приказа отмечены свадьбы отроков, двоеженцев и взятые за них пошлыны [6, с. 56–57]. В Белозерской десятине Вологодской епархии в 1673 г. было заключено 758 браков, из которых 77,3% были первыми (в абс. 586), 20,5% – вторыми (в абс. 156) и 2,1% – третьими (в абс. 16) [7, кн.47, л.8]. Можно представить соотношение в бюджете кафедры разных источников доходов. Например, в мае 1667 г. с Усть-Вымской и Вожемской десятины Вологодской епархии архиерейский приказчик Федор Караулов собрал: 1) 227 руб. церковной дани и земского оброка; 2) 47 руб. венецных, новоявленных, похоронных и почеревных денег [7, кн.41, л. 22об.].

О церковном учёте брачности и смертности не только в дOMETрический период, но даже до решений «Большого московского собора» 1666/67 г. о регулярном ведении священниками записных книг венчаний, рождений и смертей свидетельствуют ежегодно подаваемые приходскими попами в казённый приказ Вологодской архиерейской кафедры «скаски» и «памяти» о количестве венчаний, появившихся на свет ново-

* Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета, 160035, г. Вологда, ул. Ленина, 15. mscherkasova@mail.ru

рожденных, в том числе и вне законного брака, и скоропостижно умерших среди их прихожан. В Устюжской десятине Ростовской митрополии поповские старосты-заказчики систематически вели такие книги в первой половине – середине XVII в.

Не менее интересны проявлением личностного начала различные челобитные. Они касаются того, что вслед за Б.Н. Мироновым [8] можно назвать демографическими событиями: вступление людей в брак, смертность и её причины (виды болезней; уголовные преступления, несчастные случаи) – всё это в контексте человеческих переживаний происходящего, повседневных забот по преодолению жизненных обстоятельств. Улавливаются эмоциональный фон повседневной жизни, восприятие людьми болезней (своих и близких) и смертей (включая детские), представления о единстве семейно-родственных ассоциаций, их поминальные практики, духовно-религиозные установки сознания Человека той эпохи. Так открываются перспективы для изучения хотя и не общестатистических, зато социокультурных аспектов исторической демографии. Плодотворность такого подхода была успешно показана в классической монографии Ю.Л. Бессмертного [9].

В предлагаемых заметках речь идёт об описании демографических событий в отпускных челобитных служилых людей за 1626–1629 гг., опубликованных Е.Н. Горбатовым [10]. Документы были выявлены исследователем среди Столбцов Московского стола Разрядного приказа в РГАДА (ф. 210) общим числом 472. Челобитные были написаны на имя царя Михаила Федоровича, подавались в Челобитный или Разрядный приказ и содержали просьбы служилых людей московского чина о временном отпуске с государевой службы в связи с различными, как говорится, «семейными обстоятельствами». «Резолюции» дьяков Разрядного приказа в ответ на челобитные были только положительные.

Около 15% причин увольнения в отпуск в челобитных были связаны со свадьбами, причём не столько самих служилых, сколько их родственников – сыновей, дочерей, сестёр, братьев, племянников. Практически всегда указано на предварительный сговор-ряд, иногда приведены конкретные сроки планируемой свадьбы, место её проведения (город, уезд или «деревнишко») и размеры «заряда», то есть штрафа в случае нарушения свадебного соглашения сторон. В челобитных отражены порой житейские обстоятельства частной жизни людей, что обычно отсутствует в серийных источниках по исторической демографии – комплексах писцовых и переписных книг. Например, Фёдор Извольский, племянник которого Иван собирался по сговору жениться в г. Туле, писал в своей челобитной от 31 января 1628 г., что он у Ивана – единственный родственник («оприче меня у него приятеля ближнево нет никого»). В этой связи дядя просит отпустить его в Тулу «для племянничиска моего свадьбишка». Разрешение на отпуск «до мясного заговенья» было получено [10, с. 310]. Упоминания постов и мясоедов свидетельствуют о влиянии православного календаря на ритмы брачности, её церковное регулирование. В самом деле, венчания были невозможны в периоды четырёх основных в году постов – Великого, Петровского, Успенского и Рождественского. Иван Вельяминов сговорил свою племянницу (дочь родного брата) замуж за Ф.А. Кологреева «на срок по шестое воскресенье по Великом дне». В своей челобитной (около 18 апреля 1628 г.) он просил отпустить его в Тулу, поскольку её отец человек бедный, выдать ему нечем, а племянницу вскормил и выдает замуж он, дядя. Было получено разрешение «отпустить И. Вельяминова на время» [10, с. 315–316].

В челобитных чаще всего речь шла о первых браках, но иногда отражены и вторые – у вдов с их «прожитками». Жилец Ф.П. Зиновьев сговорил жениться на вдове А.Г. Кузьминой с прожиточным её поместьем на срок за неделю до Троицына дня [10, с. 361]. Им было получено разрешение: «если до нынешнего заговейна не успеет жениться, то отпустить с Петрова дня». Повторные браки иногда порождали коллизии между мачехами и старшими детьми. У М. и О. Елизаровых после смерти отца мачеха деревню запустошила и всем завладела, просят отпустить для раздела с мачехой [10, с. 296]. Один из них был отпущен. У Гришки Зюзина овдовела сестра Марьица – муж её, кн. Даниил Долгоруков (судя по всему, второй) умер на государевой службе в Валуйках. Г. Зюзин просит отпустить его съездить к вдовой сестре, чтобы по справедливости было разделено поместье между нею и пасынком [10, с. 249]. Братья Т. и С. Денисьевы просят отпустить их забрать тело отца, умершего на государеве службе в Цареве-Санчурске, дать подводы для перевоза мачехи и их братьев от второго брака отца [10, с. 306].

По челобитным служилых людей можно изучать то, что ныне именуется «антропологией болезни» [11]. Служилые люди в своих челобитных нередко ссылались на болезни, из-за которых они стремились посетить конкретные монастыри (или другие святые места) для облегчения недуга или съездить «в свою деревнишку к женишке и детишкам». Какие же болезни и как описаны в челобитных? Приведём прямые высказывания: «...я человек болной и увечной, день брожу, а два дни или неделю лежу, при смерти бываю» [10, с. 258]; «...по греху была надо мною скорбь, отнелася нога, и я обещался помолитца соловецким чудотворцем в своей скорбе» [10, с. 261]; «на государевой службе в Сибири в Березове был болен сердечною болезнью» [10, с. 352–353]; «болен головою болезнью и не слышу ухом» [10, с. 322], «...лежу болен очми, мало вижу шестую неделю»; «... по греху своему заболел животною и головою болезнью» [10, с. 258]. В челобитной В. Тихменева выска-

зывалась просьба отпустить его помолиться в монастырь Макария Унженского, куда тот обещал («обрекался») съездить пока лежал болен [10, с. 225]. В тот же монастырь просил отпустить себя «для немощи своей» дьяк Иван Грамотин [10, с. 227], а с ним двух братьев Милославских и двух братьев Опухтиных. Несмотря на далекое расстояние от центра страны, многие стремились в паломническую поездку ради исцеления на Соловки: «в болести помолиться соловецким чудотворцом» [10, с. 270].

С болезнями было связано стремление помочь родственникам, проявление живых человеческих чувств. Скажем, брат П. Опраксина на государственной службе лежит болен, а предназначенные ему на смену люди не спешат явиться. П. Опраксин просит разрешить ему привезти больного брата в Москву до зимнего пути [10, с. 243]. У Петра Корсакова тесть Василий Аврамов «в своей старости лежит болен на смертной постеле, начаясь себе смерти». Петр просит отпустить его помолиться в монастырь чудотворному образу Тихвинской Богоматери и Александра Свирского и проститься с тестем [10, с. 231]. У двух братьев (Михаила и Осипа Елизаровых) «отец лежит в деревне конечно болен», те просят отпустить их обоих на время. Разрешено было отпустить одного брата «для тое их нужи» [10, с. 234].

Отражены в челобитных переживания и по поводу болезней женщин, особенно матерей: «...по моему греху матушка конешна болна лежит в деревни», челобитчик просит отпустить проститься с матерью [10, с. 234]. Другая коллизия: матушка поехала на богомолье и вдруг ей самой «божиею волею болезнь учинилась, и поновляли, причащали, и маслом соборовали», послали к сыновьям (А.Ф. и Ф.Ф. Долгоруковым) человека с сообщением, что она кончается и не говорит (судя по-всему, это мог быть инсульт. – М.Ч.). Братья просят разрешить поехать к ней проститься, а если умрет, то тело погребти [10, с. 237]. Есть свидетельства и младенческой смертности: у П. Опраксина «судом Божиим робеночка не стало», просит отпустить его во Владимир на неделю в Рождественский монастырь, где покоятся родители, и «погребти робеночка» [10, с. 279].

В заботах о больных родственниках, духовном стремлении проститься с умирающими отцами, матерями, братьями, женами эмоциональные чувства нередко переплетались с хозяйственными соображениями. «Женишко моя лежит в деревнишке болна, причащали и маслом соборовали, и призреть её некому, умрет, животишки все растащат, а детишек нет» [10, с. 290].

В соответствии с православной традицией Московской Руси престарелые родители постригались в монашество, и сыновья просили увольнения, чтобы их навестить. «Батюшка мой конечно болен, пострижен и посхимлен в коломенском Голутвине монастыре», – пишет Я. Беклемишев в двух своих челобитных от 10 и 22 июля 1627 г., в которых просит отпустить его с батюшкой проститься [10, с. 282, 284]. Ему было дано разрешение на месяц. У Богд. Голохвастова умер дядя Дмитрий Голохвастов в Казани. Богдан просит отпуск, чтобы перевезти его тело в звенигородский Онофреев монастырь «где кладутца родители наши» и тем самым «устроить душу его» [10, с. 262]. Человек мог стремиться посетить могилы родителей и на скромном деревенском кладбище. Ив. Измайлов по причинам службы три года не был в своей деревне «у родителей на гробех». Просит государя отпустить «у родителей на гробех проститца» [10, с. 257].

Стольник Дмитрий («Митка», как он себя называет) Колтовский в челобитной от 8 сентября 1626 г. просит отпустить его в Тихвин «проститься на гробе царицы Дарьи Алексеевны» [10, с. 242]. Здесь речь должна идти о настоятельнице тихвинского Введенского девичьего монастыря (с 1604 г.), в миру Анне Алексеевне Колтовской, четвертой (и очень недолгой – всего 4 мес.) жене Ивана Грозного, умершей в апреле 1626 г. [12]. Митка же (Дмитрий) Колтовский – это кто-то из её родственников. Согласно повторной его челобитной от 15 сентября 1628 г., он, как и в первый раз, был отпущен в Тихвин на месяц [10, с. 334–335].

Если на службе находились два брата, то Разрядный приказ давал разрешение на отпуск одному из них. Отец ради своей «болезни и увечья», а затем повторно – «для моей болезни и смерти» просит отпустить к нему со службы какого-нибудь из сыновей. Было получено разрешение отпустить большего, «а иным то не в образец» [10, с. 281–282]. Нередко отец и сын служили в разных местах и в случае болезни старшего сын старался попасть на место его службы. У В.М. Новосильцова отец занемог в Крапивне. Сын просит отпустить его «для отца моего болезни на Крапивну» [10, с. 335]. Заботы по транспортировке больного или умершего домой или к месту погребения ложились на родственников. У Ив. Борятинского брат Никита умер, когда ехал с государственной службы с Вятки, а жена его также больна и дети невелики. В ответ на просьбу отпустить его встретить братнее тело и проводить до Москвы было дано разрешение на 10 дней [10, с. 353–354]. У П. Кологривова брат умер на государственной службе в Перми Великой, а по обещанию своему велел тело своё положить в Псково-Печерском монастыре. П. Кологривов просит отпустить его проводить тело своего умершего брата до названного монастыря [10, с. 307]. Помимо болезней, отмечены случаи смертности из-за уголовных преступлений. Зять кн. Ив. Лобанова-Ростовского кн. Ив. Туренин был зарезан в деревне своими же холопами в Козельском у. и «нынеча лежит не погребен» [10, с. 257].

Иногда служилых людей отпускали просто для свидания с родственниками (не в связи с их болезнью). Князь Ив. Ростовский по приглашению дяди кн. Юрия Буйносова-Ростовского просил отпустить его, чтобы

навестить дядю [10, с. 225]. Федор Шейдяков был отпущен на три недели в Клинский уезд погостить у родственников жены – тещи и шурьев кн. Петра и Бориса Бабичевых [10, с. 256–257]. С. Молвянинов просит отпустить его «помолится к Николе Бородинскому, Евфимию Суздальскому, у родителей проститца и с братьями в *домишку собрата*» [10, с. 327]. В. Яковлев просит отпустить его в Суздаль у родителей побывать [10, с. 381] и получил отпуск на две недели.

В заключение отметим, что как источники церковного учёта, о которых шла речь в начале статьи, так и челобитные требуют дальнейшей разработки. Если первые могут изучаться в сравнительном плане с писцово-переписными книгами, то вторые углубляют социокультурные, историко-антропологические аспекты исторической демографии, расширяя тем самым её горизонты.

Источники и литература

1. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М., 2006.
2. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М. – СПб., 2016.
3. Приходная книга новгородского дома Св. Софии 1576/77 г. / Сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М. – СПб., 2011. С. 54–74.
4. Черкасова М.С. Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) // Материалы XIII Всеросс. научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003. С. 93–105.
5. Черкасова М.С. Вопросы демографии и расселения на севере России по источникам церковного учёта XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.–Уфа, 2016. С. 98–106.
6. Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказ первой половины XVII в. // Вестник церковной истории. 2014. № ¾ (35–36). С. 31–71.
7. Гос. архив Вологодской обл. Ф. 883 (Н.И. и И.Н. Суворовы).
8. Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2000. Т. 1. С. 170–171.
9. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1989.
10. Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.– СПб., 2013. С. 213–396.
11. Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни древней Руси XI – начало XVII в.). Армавир, 2014.
12. Пугач И.В. Вдовый удел: Устюжна Железопольская и традиции удельной системы // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб., 2006. С. 465–467.

*С.Н. Плотников, Г.Н. Плотникова**

**Земские статистические материалы
как источник по исторической демографии
(на примере Пермской губернии)**

В статье речь идет о земских статистических материалах как источнике по исторической демографии населения Пермской губернии. Авторы считают, что изучение демографических процессов, происходивших в Пермской губернии, немыслимо без анализа статистических материалов, собранных земскими служащими. Они являются наиболее прогрессивными и достоверными для своего времени. В статье также представлены малоизученные источники – списки избирателей земских гласных.

Ключевые слова: демографические источники, земская статистика, население, Пермская губерния

S.N. Plotnikov, G.N. Plotnikova

**The Zemstvo statistical materials
as a source on historical demography
(for example of the Perm province)**

The Zemstvo statistics as a source on historical demography of the population of the Perm province. The Zemstvo statistics as a source on demography of the population of the Perm province is considered. According to authors, studying of the demographic processes occurring in the population of the Perm province is impossible without the analysis of the statistical materials collected by Zemstvo employees. They are the most progressive and truthful in this historical period. There are not enough learning sources such as the Zemstvo electoral lists.

Key words: a source on demography, Zemstvo statistics, population, the Perm region

Изучение исторической демографии немыслимо без привлечения статистических материалов. Как известно, первая всеобщая перепись населения в России была проведена лишь в 1897 г. До этого приходилось использовать различные трудно сопоставимые статистические материалы отдельных министерств и ведомств. Среди них наиболее ценными источниками являются материалы земской статистики, появившиеся в результате земской реформы 1864 г.

Земские статистические данные представлены по отдельным губерниям и уездам, поскольку земства были введены именно в них. Таким образом, земская статистика является наиболее ценным источником для изучения демографических процессов в отдельных регионах. Ее данные сопоставимы, так как формировались по единым подходам. С введением земств в России сформировался целый слой высокопрофессиональных, известных далеко за пределами своих губерний, земских статистиков.

Значительную часть Урала представляла Пермская губерния – одна из наиболее крупных губерний Российской империи по занимаемой площади и численности населения (ее основные территории сегодня занимают Пермский край и Свердловская область). Эта губерния особенно интересна тем, что она, как и Россия в целом, располагалась в Европе и Азии, была полиэтничной, поликонфессиональной, поликультурной. По сравнению с многими другими губерниями здесь было мало дворян, преобладали крестьяне, в силу чего такие земства называли «мужицкими».

Земские учреждения в Пермской губернии в силу ряда факторов были введены несколько позднее – в 1870 г. Более подробно их формирование в данном регионе охарактеризовано в исследовании С.Н. Плотникова [1]. Открытию чрезвычайных уездных и губернского земских собраний предшествовал установленный законом подготовительный период. В это время, в частности, были составлены списки избирателей по

* Плотникова Галина Николаевна (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgp80@yandex.ru; Плотников Сергей Николаевич (Пермь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, sgp80@yandex.ru

первым двум куриям и ведомости о сельских обществах крестьян, которые также являются специфическим источником по исторической демографии региона. Данный вид источников мало изучен, в силу чего представляет особый интерес для исследователей. Он не относится к деятельности земских статистиков, но его происхождение напрямую связано с началом земской реформы, что в более широком понимании позволяет отнести его к земской статистике.

Списки избирателей земских гласных составлялись по отдельным уездам и были опубликованы в Пермских губернских ведомостях (далее – ПГВ) [2].

По первой курии составлялся список лиц, имеющих право участвовать в избирательном съезде уездных землевладельцев. В нем указывалась численность землевладельцев уезда, их сословная и гендерная принадлежность, звание по табели о рангах, количество принадлежавшей им земли. Списки подтверждают вывод о том, что малочисленность дворян по данной курии в Пермской губернии компенсировалась священнослужителями, представлявшими землевладение конкретной церкви.

По второй курии составлялся поименный список лиц, которые имели право участвовать в городских съездах для выбора гласных в уездное земское собрание по купеческим свидетельствам или по владению недвижимым имуществом на установленную законом сумму. Списки дают возможность получить сведения не только о численности, сословной и гендерной принадлежности, но и о звании по табели о рангах, воинском звании, а также семейном положении городских избирателей. Данные списки также позволяют получить наиболее подробные поуездные поименные сведения о гильдейских купцах и мещанах, которые составляли основную часть городских избирателей.

По третьей курии составлялись поуездные ведомости о сельских обществах крестьян мужского пола (ре-визских душах) с разделением по волостям. В силу многочисленности крестьян в ведомостях представлены данные об их общей численности по волостям, а не поименно, как в двух первых куриях. Ведомости также содержат сведения о числе дворов и количестве земли в них в десятинах и саженьях.

Таким образом, списки избирателей земских гласных дают исследователям возможность получить более подробную информацию не только о численности населения губернии в целом, но и по отдельным уездам, городам и волостям на момент их составления (1869 г.). Они позволяют дать пространственную характеристику размещения населения губернии по сословной принадлежности и материальному положению. Однако данный источник не позволяет проследить представленные демографические данные в динамике. Этот пробел позволяют устранить дальнейшие исследования земских статистиков, которые начались вскоре после открытия земских учреждений.

Пермские земские статистики оставили после себя огромное наследие. К числу наиболее известных пермских земских статистиков относятся П.А. Голубев [3], Е.И. Красноперов [4] и Н.А. Скалозубов [5]. Они не ставили целью изучение демографических процессов в крае, но их исследования дают обширные сведения не только социально-экономического плана, но также содержат разнообразные демографические данные по отдельным уездам Пермской губернии. К их числу относятся сведения о сословной и этнической принадлежности жителей края.

Результаты своих исследований пермские статистики отразили на страницах «Сборника Пермского земства» (далее СПЗ) [6], в «Трудах совещаний при Пермской губернской земской управе» [7], «Обзоре Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1893, 1894, 1898, 1899, 1900 годы» [8] и «Памятных книжках и адрес-календарях Пермской губернии» [9]. Многочисленные и разнообразные сведения, в том числе демографического характера, также отражены в журналах очередных и чрезвычайных Пермского губернского и уездных земских собраний [10].

Особую ценность с точки зрения демографических сведений представляют «Списки населенных мест Пермской губернии, изданные Пермским губернским земством» [11], и «Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 год» [12]. Они содержат конкретные демографические данные не только о населении Пермской губернии (половой, сословной и этнической принадлежности) в конкретный период времени, но и о его динамике.

Таким образом, земские статистические материалы являются достоверным специфическим источником (самым прогрессивным для своего времени), особенно ценным для исследователей демографической характеристики края в ее многочисленных проявлениях.

Источники и литература

1. Плотников С.Н. Становление Пермского земства (1870–1879 гг.): Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Пермь, 2000.
2. ПГВ. 1869. № 76–78, 81–88, 90, 92, 94–98, 100.
3. Голубев П.И. Историко-статистические таблицы. Пермь, 1904; Голубев П.И. Историко-статистические поуездные таблицы // Материалы по изучению Пермского края. Вып. II. Пермь, 1905.

4. *Красноперов Е.И.* Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Вып. 1. Красноуфимский уезд. Пермь, 1879; *Красноперов Е.И.* Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Вып. 2. Шадринский уезд. Пермь, 1880; *Красноперов Е.И.* Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Вып. 3. Верхотурский уезд. Пермь, 1881; *Красноперов Е.И.* Енапаевская волость (Красноуфимского уезда Пермской губернии). Экономическое исследование. Пермь, 1883.

5. *Скалозубов Н.А.* Общий очерк о крестьянских промыслах в Красноуфимском уезде по ответам корреспондентов // СПЗ. 1887. № 5–6; *Скалозубов Н.А.* Очерк экономического положения населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1896; *Скалозубов Н.А.* Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1898.

6. Сборник Пермского земства (СПЗ) – периодическое издание Пермской губернской земской управы, выходившее в 1872–1907 гг.

7. О мерах улучшения экономического положения крестьянского населения // Труды совещания при Пермской губернской земской управе 28 декабря 1892 г. и 8 января 1893 г. Пермь, 1893.

8. Обзор Пермской губернии за 1893 г. Пермь, 1894; Обзор Пермской губернии за 1894 г. Пермь, 1895; Обзор Пермской губернии за 1898 г. Пермь, 1899; Обзор Пермской губернии за 1899 г. Пермь, 1900; Обзор Пермской губернии за 1900 г. Пермь, 1901.

9. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1890 г. Изд-е Пермского губернского статистического комитета. Пермь, 1899 и др.

10. Журналы Пермского губернского чрезвычайного земского собрания. Пермь, 1870; Журналы 1-го очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года с докладами губернской управы и другими приложениями. Пермь, 1871 и др.; Журналы 1-го очередного Шадринского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1870 г. и доклады уездной земской управы. Шадринск, 1877 и др.; Журналы чрезвычайного и первого очередного Камышловского уездного земского собрания, бывших в прошлом 1870 г. Пермь, 1871 и др.; Журналы Соликамских уездных: первого чрезвычайного и первого очередного земских собраний 1870 г. Пермь, 1871 и др.; Журналы 1-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1870 г. Пермь, 1871 и др.; Журналы Чердынского уездного земского собрания за 1870 г. Пермь, 1870 и др.; Журналы IX очередного Ирбитского уездного земского собрания с отчетами и докладами Ирбитской уездной земской управы за 1878 г. Ирбит, 1879 и др.; Журналы 8-го очередного Верхотурского уездного земского собрания сессии 1877 г. с докладами управы и другими приложениями. За 1877 г. Ирбит, 1878 и др.; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 3-й очередной сессии (1872 г.) и доклады уездной земской управы и др.; Журналы 2-го очередного Красноуфимского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1871 г. Пермь, 1874 и др.; Журналы 2-го очередного Кунгурского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1871 г. с докладами уездной управы и приложениями к ним. Казань, 1872 и др.; Журналы 9-го очередного Осинского уездного земского собрания, доклады управы и другие приложения. Пермь, 1879 и др.; Журналы 2-го чрезвычайного Оханского уездного земского собрания. Казань, 1874 и др.; Журналы Пермского уездного земского собрания. Первое трехлетие (1870–1873 гг.). Пермь, 1873 и др.

11. Списки населенных мест Пермской губернии за 1904 г. Издание Пермского губернского земства. Пермь, 1905.

12. Движение населения Пермской губернии с 1882 по 1900 г. Пермь, 1903. Ч. I. Шадринский уезд и др.

Г.К. Лисовская*

**«Период травмы»: социально-демографические процессы
в Республике Коми в 1990-х годах на материале коми рассказа**

В статье на материале коми рассказа 90-х гг. XX в. рассмотрены социальные процессы этого периода, которые на фоне политических и экономических реформ обрели кризисное этнодемографическое содержание. Находясь в центре социальных тенденций времени, писатели обозначили наиболее значительные проявления кризиса, выявили основные симптомы социальных и культурных травм в жизни общества.

Ключевые слова: коми рассказ, этнодемографический кризис, социальные и культурные травмы, кризис идентичности

G.K. Lisovskaya

In the article on the material of the Komi narrative of the 90s

In the twentieth century, social processes of this period, which, against the backdrop of political and economic reforms, acquired a crisis ethno-demographic content. Being in the center of social trends of time, writers marked the most significant manifestations of the crisis, revealed the main symptoms of social and cultural traumas in the life of society.

Key words: Komi story, ethno-demographic crisis, social and cultural trauma, identity crisis

Демографические и этнические процессы в Республике Коми 90-х гг. XX в. развивались противоречиво, но их общее направление свидетельствует о социальном кризисе этого периода. Об этом дают представление статистические данные, их анализ и интерпретация в работах ученых-историков. Понимание времени, его духа может дать и художественная литература этого периода, а особенно малый прозаический жанр – рассказ. Это самый мобильный жанр прозы, он первым отражает перемены, переходы, нюансы современной действительности. Рассказчик, уходя в частную жизнь, либо рисуя какой-то боковой срез так называемой «большой» жизни, избавляется от необходимости панорамного охвата действительности. Отсюда в новеллистике, в отличие от крупных жанров – романа и повести, всегда меньше тенденциозности, идеологичности, а, значит, больше правды жизни.

Рассказ конца XX века так же противоречив, как и само время [1].

Эпоха 1990-х в социологических теориях исторических изменений получила название периода травмы [2]. Социальная травма как причина духовного оскудения деревни, утраты ориентиров, биологической деградации народа рассматривается в поздних рассказах Г. Юшкова, а также А. Попова, А. Ульянова. Так, Г. Юшков, всегда отмечавший высокую нравственность сельчан, в рассказе «Карса» (Городская, 1991) неожиданно противопоставил горожанку Густю ее младшей сестре, которая, живя в селе, потихоньку спивается. И для А. Попова деревня уже не является оазисом в «пустыне человеческих пороков». В рассказе «Лёк песём» (Рождение зла) лишь калека Павел – единственное «чистое» существо среди всех сельских мужиков. Полная нравственная деградация человека показана в рассказе А. Попова «Пёрысь рака» (Старая ворона, 1994).

События в России в 1990-е гг. выявили характерную особенность: на фоне политических и экономических реформ многие социальные процессы обрели этническое содержание. Особенности этнодемократических процессов в Коми республике – низкий уровень продолжительности жизни коренного населения, высокий уровень смертности (особенно у мужчин) – стали предметом научных исследований [3, 4]. Данная проблема как проблема самосохранения народа поднимается в лучших рассказах 1990-х гг.

В рассказе А. Ульянова «Сьёд ар» (Черная осень) из одноименного сборника 1992 г. деревня – это зона экологического бедствия, в ней уже пошли необратимые процессы. Главный герой рассказа – Петыр из маленькой «неперспективной» деревушки Лунпока покончил с собой черным промозглым осенним вечером. Мать умерла, жизнь окончательно потеряла смысл. Петыр отдал все силы тяжелому неблагодарному труду

* Лисовская Галина Константиновна (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

на скотном дворе. Бессмысленность жизни ожесточила его, приучила к вину. Одной ночи не хватило Петыру, чтобы пережить эту черную осень – наутро выпал белый снег, хотя это вряд ли спасло бы его. Он все равно стал бы одним из тех крепких мужиков, похороненных за околлицей – один из которых утонул, второй замерз пьяным, третий – повесился, Петыр был последним. Рассказ «Черная осень» – реквием по маленькой деревне, возродить ее уже некому – остались одни старики.

Писатель не только указывает на симптомы демографического кризиса, он показывает его причины, которые кроются в бездумном масштабном процессе модернизации. Применительно к маленькой коми деревушке Лунпока это выглядит так: деревню Петыра убивали постепенно – укрупняли, специализировали, убрали ферму, школу, клуб – люди разбежались, а те, кто остались – «попали в капкан». Петыр нашел выход из этого капкана – ушел из жизни, а перед этим присел на минутку, как перед дальней дорогой, это и была дальняя дорога, первая и последняя в его жизни. За частным событием писатель увидел закономерность, итог жестоких экспериментов над коми деревней.

«В последние пятнадцать лет XX в. произошло не просто увеличение уровня смертности, а повышение ее интенсивности во всех возрастных группах», – приходят к выводу исследователи демографических процессов в Республике Коми Е.Н. Рожкин и И.Л. Жеребцов [3, 43]. Об этом в 1994 г. А. Попов написал один из самых трагичных рассказов «Пёрысь рака» (Старая ворона). В нем идет осмысление времени, катастрофически губительного для человека. Писатель рисует в рассказе-притче страшную картину убыли народа. Есть кладбище, ворона и смерть, собирающая свою жатву, с каждым годом все большую. И еще есть человек, патологизированный жизненными обстоятельствами, убившими в нем все человеческое. В рассказах А. Ульянова и А. Попова показана драма народа, теряющего себя, свою жизненную силу. В своих произведениях они подтверждают выводы ученых о депопуляции или естественной убыли коренного населения и травматичности социальных процессов, вызывающих ее.

Демографические кризисные явления в 1990-е гг. сопровождаются такими же кризисными этническими. Кризис идентичности и усилия с целью восстановить ее является наиболее заметным проявлением социальной и культурной травмы. Автор концепции культурной травмы Петер Штомпка исходит из того, что уровень влияния травмы зависит от того, насколько было затронуто ядро коллективного порядка и базовых ценностей. Творчество Василия Лодыгина 1990-х гг. является ярким примером проявления культурной травмы. Таков его рассказ «Лохмат» (1998). Его тема – русские в Коми. События в рассказе оцениваются с точки зрения подростка. Мальчик вспоминает, как русские лесозаготовители два года жили в их селе. Основным их занятием после работы было пьянство, заканчивающееся дракой. Естественная оппозиция – «свои – чужие», присущая родовому сознанию, архетипичная по своей сути, у В. Лодыгина преобразована в оппозицию «коми – роч» (коми – русские). Приезжие в произведении писателя хаотичны, агрессивны, им чужда статика жизни коми крестьян. Враждебность их всему психологическому, бытовому укладу жизни коми деревни подчеркнута тем, что показана глазами простодушных деревенских ребят. Проблема «чужого» никогда прежде так остро не затрагивалась в коми литературе. То, что она обозначилась именно у В. Лодыгина – не случайно. Он – коренной житель Усть-Куломского района, наиболее национально однородного района Республики Коми, по статистическим данным, коренное население в нем составляет 71%, тогда как в целом по республике – 24% [4, 36]. Может быть поэтому жители Усть-Куломского района болезненнее других воспринимают грубое внедрение в традиционный уклад жизни.

Помимо симптома недоверия, связанного с попытками вернуть утраченный порядок жизни и со стремлением к экзистенциальной безопасности, как называет это П. Штомпка [1, 14], в рассказах коми писателей является еще один симптом культурной травмы – ностальгия по прошлому. Это лирические рассказы А. Ульянова о детстве из цикла «Олбм лбсасяс» (Затесы жизни, 1990) и И. Белых «Яков – мельника» (1994), «Вакро шор» (Ручей Варфоломея, 1996) и др. Они обращаются в прошлое как в «золотой век», модель-образец народного бытия. Это тот мир, в котором сохраняются чистота, свет, ощущение первозданности мира. Из него современные коми писатели черпают жизненную силу и вдохновение. В переломный период жизни общества писатели возвращаются в свое детство, чтобы освободиться от дискомфорта, от травмирующей действительности. Как пишет А. Ульянов в своих рассказах-воспоминаниях, «Шуштбмджык гбгөр лои... Олбмбн бня шогъяс дорб эг на велап да...» (Тоскливее вокруг стало... Еще не привык к нынешним бедам жизни...) [5, 54].

Проблема осмысления художественного творчества – это проблема не только эстетическая, но и проблема исторической истины – насколько писатели показали в своих произведениях объективную реальность. Рассказ 1990-х гг. находится в центре социальных тенденций времени. Писатели рисуют картину социально-экономического и духовного провала действительности конца XX в. с биологической деградацией и маргинализацией коренного населения, болезненной национальной чувствительностью и попытками вернуться к традиционным ценностям для сохранения национального образа мира.

Литература

1. См. об этом подробнее: *Лисовская Г.Л.* Коми рассказ 90-х годов XX в. // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Сыктывкар, 2004. С. 21–32 (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 64).
2. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
3. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX – начале XXI века (к постановке проблемы) // Историческая демография. 2012. № 2. С. 41–43.
4. *Рожкин Е.Н.* Этническая динамика состава и структуры населения Республики Коми во второй половине XX – начале XXI в. Тенденции и закономерности // Историческая демография. 2012. № 2. С. 36–40.
5. *Ульянов А.* Олӧм лӧсасъяс (Затёсы жизни) // Войвыв кодзув. 1998. № 6. С. 53–64.

УДК 913.908. (091):914.7

В.И. Силин*

Первое комплексное описание Архангельской губернии

В статье рассматривается состав населения на основе анализа первого описания Архангельской губернии, составленного в начале XIX в. А. Пошманом, а также приводится его биография.

Ключевые слова: Архангельская область, Республика Коми, население, краеведение, персоналии, А. Пошман

V.I. Silin

The first comprehensive description of the Arkhangelsk province

The article discusses the structure of the population on the basis of the analysis of the first descriptions of the Arkhangelsk province, compiled at the beginning of the XIX century. A. Poshmanom, and provides his biography.

Key words: Arkhangelsk Oblast, Komi Republic, population, local history, personalities, A. Poshman

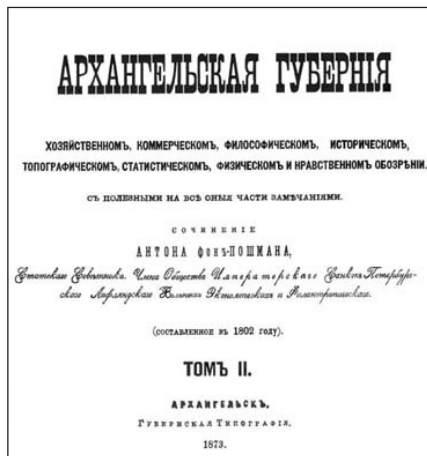
В начале XIX в. на обширной территории Российской империи появилась острая необходимость характеристики природных, производственных, людских ресурсов отдельных территорий. Помимо проведения многочисленных маршрутных исследований, например, работы Великих Академических экспедиций (одна из них проходила под руководством И.И. Лепехина и посетила Коми край), были проведены многочисленные региональные географические исследования по составлению рукописных атласов губерний [1], комплексных географических описаний наместничеств и т.д. [2, 3].

Довольно обширный атлас Архангельского наместничества, состоявший из 15 карт, был составлен по повелению Архангельского генерал-губернатора Т.И. Тутолмина, возможно, в 1786 г. Эти материалы были использованы при составлении атласа Архангельской губернии в 1797 г., который содержал информацию не только о территории одной из самых больших по площади губерний Российской империи, но и подробную информацию о городах и уездных центрах. При составлении атласа использовались многочисленные источники, в том числе «Краткие исторические примечания и топографическое о Архангельской губернии описание...», составленное в 1785 г. Большая заслуга в составлении атласа отводится Архангельскому губернатору И.И. Гревенцу, а также непосредственным составителям: губернскому землемеру Ф. Киселеву, подпоручику А. Жукову, учителю В. Селиверстову. В начале XIX в. также были составлены многочисленные, в основном, рукописные сводки по характеристике Архангельской губернии: Статистическое описание Архангельской губернии за 1802, 1815, 1836 гг.; сведения о городах Архангельской губернии, собранные Министерством Внутренних дел и т.д. Эти и другие материалы были использованы при составлении интереснейших и весьма полезных сводных географических работ середины прошлого века. Подробности описания Архангельской губернии изложены в работе [4].

В 1802 г. был составлен двухтомный труд Антона Пошмана «Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями» [5]. Книга посвящена императору Александру I. Название этой книги уже полностью говорит о комплексном ее содержании. Впервые в литературе при-

* Силин Владимир Иванович (Сыктывкар) – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, silinv@rambler.ru

ведено всестороннее описание северной губернии по плану, который был впоследствии повторен и другими авторами характеристик губерний в XIX в. (Брусиловым, Пушкаревым, офицерами Ген. Штаба и др). А. Пошман в первом томе дает характеристику губернии в целом, а затем характеризует отдельные уезды (Книга сейчас оцифрована и размещена на сайте Архангельской библиотеки). Второй том посвящен предложениям А. Пошмана по совершенствованию многих технологических процессов использования промыслов на Севере (переработке сырья – древесины, сала, сельди и др.), статистическим данным по Архангельской губернии и обороту Архангельского порта. Впервые помещены подробные описания физических и нравственных особенностей характера и жизни коренных малочисленных племен – самоедов и лопарей. «Пространство сея губернии помещает оную в число величайших в целой России. В площадном содержании своем, кроме морских заливов, занимает она матерой земли 709263 квадратных версты, 77 десятин 1280 квадратных сажень. Губернию сию населяют различные народы: 1) природные Россияне, 2) Зыряне, отродия Финского, которых язык сходен к Корельскому, кои приняли Христианскую веру, обычаи Россиян и с ними соединились, 3) Самоеды, народ кочующий, служащий кумирам и особый язык имеющий. Зыряне и Самоеды обитают в округе Мезенском. 4) Корелы старобытныи народ Финского поколения, просвещенный христианством, обитающий в округе Кемском, соединившийся с Русскими и принявший их обычаи. 5) Лопари, населяющие округ Кольской.

Число и звание жителей, населяющих сию губернию, нижеследующее. Находится в ней:

		душ
церковно-служителей,	мужеского пола	1336
	женского	2229
монахов		57
купцов	мужеского	360
	женского	591
мещан	мужеского	4262
	женского	4416
крестьян государственных и черносошных	(мужеского	40976
	(женского	76059
экономических	мужеского	15857
	женского	22665
Удельных крестьян мужеского пола в сей губернии 19470 душ, но оные состоят в числе черносошных и экономических		
разночинцов:	мореходов	124
	иностранцев	66
	обельников	4
	кречатых момытчиков	69
	выходцев из заграницы	50
	отставных солдат	202
	отписных в казну	4
	других разных званий	5291
	их жен и дочерей и вдов	5220
		не разобр.
дворовых людей		не разобр.
раскольников		не разобр.
Самоедов	мужеского	1626
	женского	1452
Лопарей	мужеского	2581
	женского	не известно

Итого в Архангельской губернии состоит вообще: мужеского пола 72660 душ, женского, кроме жен и дочерей лопарских 112915 душ» [5, с. 3–4].

Приводит А. Пошман и небольшой комментарий к цифрам статистики «Впрочем из сравнения нескольких годов метрических книг, оказывается следующее: 1. Что из числа жителей, умирает людей несравненно более в городах, нежели в деревнях. 2. Что большею частью половина рожденных умирает до 19 летнего возраста. 3. Что число рождающихся мальчиков, к числу девочек, содержится как 104 к 100; но мальчиков умирает более, нежели девочек. В полном возрасте число обоих полов почти равняется. 4. По сложности число ежегодно умирающих состоит в 2877; рождающихся же в 3866; но вообще приумножение народа в течении взятых в примере четырех лет, не более восходит как до 3783 душ мужеского пола. Но и в сии четыре года оказывается, что число умерших мальчиков превзошло умерших девочек 887. Прошедший 1797 год очень отличается множеством умерших. 5. Малолетних умирает более 1-м и втором году возраста, потом до 9-ти лет, и чрез то прибыль новорожденных весьма уменьшается. Меньше умирает людей от 20 до 29 лет, а и того меньше в последнем возрасте, от 50 до 80 лет. 6. В некоторые годы рождается более мальчиков, нежели девочек, а в другие более девочек, нежели мальчиков» [5, с. 4].

Исследование Пошмана можно считать и одним из первых по характеристике медико-санитарного состояния края: «Болезни, которым жители сей губернии подвержены, состоят большею частью в простудных и желудочных. Во все времена года случаются здесь простудные и желудочные лихорадки, горячки, желчные воспаления и запоры, также колотье, кашель и одышка; далее по местоположениям цинготная, глисты плоские и почечуи; иногда случается и пострел кровавый или апоплексия от крови происходящая. С одной стороны суровый климат, а с другой пища, состоящая в соленой рыбе и худом хлебе, при недостатке огородных зеленей, не мало к тому содействуют. Завелись же здесь отчасти и венерические припадки, от которых (хотя с недовольным успехом) жители сами себя лечат отваром из травы багульника. В округах Мезенском и Пинежском, от употребления морозом поврежденного и впрочем неочищенного хлеба, подвергаются болезням желудочным; от оных врачуют себя жители разными домашними средствами, рвоту производящими. Женщины в сей губернии подвержены истерическим припадкам» [5, с. 5].

Северная часть современной территории относилась тогда к Мезенскому округу. «Величиною сей округ один почти уравнивается прочей части всей губернии; семь округов в себе заключающей, именно в окружении своих границ содержит он 4286 верст; длина его от запада к северо-востоку простирается на 1084 версты, а ширина от юга к северу на 540 верст. Площадь поверхности земной содержит в нем 381166 квадратных верст с несколькими десятинами» [5, с. 123].

Характеристика населения самой Мезени: «Жителей в сем городе простирается вообще мужеского пола душ до 702, женского состоит 802 души; в том числе:

Купцов	мужеского пола	60
	женского	48
Мещан	мужеского	583
	женского	720
Церковнослужителей	мужеского	14
	женского	12
Разночинцев	мужеского	45
	женского	40» [5, с. 122].

Статистические данные по уезду следующие: «Число жителей в сем округе состоит: мужеского пола 9892 душ, женского – 11008 душ. В том числе званий следующих:

Крестьян экономич.	мужеского пола	217
	женского	220
Церковнослужителей	мужеского	141
	женского	165
Черносошных	мужеского	7909
	женского	9171
Самоедов	мужеского	1603
	женского	1452
Отставных солдат		22

Русские и Зыряне известны здесь под названием крестьян экономических и черносошных, а Самоеды сьлвут ясачными» [5, с. 131].

А. Пошман описывает Мезенский округ комплексно, характеризует поверхность, свойства земель, растительный и животный мир, промыслы и др. Например, при характеристике местоположения не упоминает выражения «Тиманский»: «Местоположение сего округа большей частью ровное и болотистое; есть однако в нем три знаменитых горных хребта: 1) самый величайший Уральский хребет, или каменный пояс, простирается почти по всей его смежности с губернией Тобольскою. 2) Простирающийся от юга на север, около реки Печоры, до Святого носа. 3) Вдоль всего мыса или полуострова, простирающегося между Белым морем

и Ческою губою Шемохонские земляные горы называемые» [5, с. 123]. В плане характеристики ископаемых А. Пошман упоминает о добыче меди на Цильме, о нефтяных ключах на Ухте, о местах находок яшмы, «По обем рекам Пижмам, впадающим в реки Мезень и Печору, отыскано множество черного аспидного камня (Тогда так называли шунгит. По цвету он черный и, возможно, А. Пошман путает его с углем. – В.С.)» [5, с. 126].

Приведем несколько строк по описанию населения округа. «Исключая самоедов, о которых предложено будет особое описание, жители сего округа роста среднего, складны, лицом пригожи, волосом темнорусы, довольно умны, склонны к трудам и способны к снесению таких беспокойств и холода. Жители здешние редко достигают 90-летнего возраста, но более помирают между 60 и 80 годами. Мужчины вступают в супружество после 18-летнего возраста, иногда в 25 лет. Не моложе сего и девиц отдают в замужество. Болезням подвержены редко, и обыкновенно от простуды происходящих, как-то: горячкам, лихорадкам и животной боли; а женщины, сверх того, припадкам истерическим. Лечатся от оных травами, рвоту и пот производящими» [5, с. 131].

Во втором томе сочинения описанию самоедов, на основе собственных наблюдений, А. Пошман уделяет много внимания, и это одно из самых значительных описаний этого народа того времени. Приведем лишь несколько строк: «Вид их. Самоеды, большею частью роста малого, лицо имеют круглое и плоское, цвета изжелта смуглаго, глаза у них узкие, волосы черные и жесткие; бороды нет и только изредка видимы имеющиеся малые на бороде волосы. Все они вообще в плечах широки и коротконоги.

Нравы. Народ сей, по-видимому, грубый, но между тем размышляющий и добронравный, слово данное соблюдающий, избегает коварств, и вообще добронравный. Ссор, драк и убийств почти между ими не слышно. Увеселений никаких они не знают. В обхождении с Россиянами скромны, оказываются миролюбивыми и покорны начальству. Оружие их состоит в луке и стрелах, копьях, ножах, а некоторые владеют и огнестрельным оружием, которое получили от Россиян» [5, с. 135].

Хотелось бы несколько слов сказать об авторе сочинения, я думаю неединожды бывавшего на севере, по крайней мере, его рассуждения о самоедском народе основаны на собственном исследовательском опыте.

Описание губернии было составлено в 1802 г., опубликовано намного позже, но некоторые публикации автора о губернии выходили и в начале XIX в., например, работа «О самоедах» (Гений времен. 1807. № 29, 32, 36).

Биография А. Бушена приведена в работах двух авторов: Половцева [6] и в современной работе И.Ю. Шундалова [7].

Пошман Антон (Петрович) фон (Anton von Poschmann, 07.06.1758 – 05.06.1829, СПб.) – писатель, естествоиспытатель и изобретатель, член Вольного экономического общества и Лифляндского экономического и филантропического обществ. Состоял на польской службе, затем был советником посольства России в Польше при Екатерине II. В последние годы ее правления переехал в Россию, в Москву, где основал табачерочный завод.

В 1800 г. представил Павлу I проект, касавшийся обустройства солеваренного и селитренного промыслов, который был утвержден Сенатом, после письменного обязательства А. Пошмана обучить русских промышленников вываривать соль «по голландскому образцу». Свои умения он продемонстрировал, изготовив квасцы, которые по утверждению ученой комиссии оказались лучше иностранных. По заданию Павла I ездил в Архангельскую губернию на Красногорские соляные варницы, где сделал опыт засолки сельди по-голландски (мелкозернистую соль – внутрь тушки, а крупнозернистую – слоевым способом, в бочки), в результате которого пришел к выводу, что рыба получается гораздо вкуснее и хранится дольше. Вопрос в тот период был нетривиален, так как в связи с некачественной засолкой российские потребители были вынуждены закупать сельдь в Голландии и Великобритании. Проблема выработки соли на беломорских варницах была еще более актуальна, так как русские промышленники вынуждены были делать крупные закупки в Норвегии, в связи с чем дорожала стоимость самой солонины. В предисловии к своей заметке «О приведении в лучшее состояние архангельского сельдяного промысла» А. Пошман пишет: «Знавая заботливость и неутомимое стремление материнского сердца сей неогрешенной, добрейшей и милостивейшей монархини [Екатерины II. – И.Ю.] к распространению общего благополучия, вознамерился я, еще во время ее счастливого царствования поднести, яко всеподданнейшую жертву, к славе России и к благополучию северных жителей истинное таинство голландского способа чищения, соления и укладывания сельдей со способом приготовления двоякой крупно- и мелкозернистой соли». А. Пошман предложил новый способ вываривания соли путем «градирования морозом», что позволяло обходиться без значительного расхода топлива (традиционно соль вываривали на больших противнях (цренах) в течение длительного времени). По мысли А. Пошмана было логично устроить образцовую варницу на Соловках, где были сосредоточены важнейшие сельдяные промыслы Белого моря.

Нововведения А. Пошмана были, безусловно, шагом вперед, однако в связи с консервативностью русских промышленников, едва ли осуществимыми в то время. Большее значение для науки имели его исторические

труды. В результате своей поездки на север А. Пошман собрал значительный историко-этнографический материал, на основании которого он составил историко-статистическое описание Архангельской губернии по городам и уездам. В качестве непосредственных предшественников Антона Пошмана в этой области надо назвать В.В. Крестинина, а также составителей магистратских описаний второй половины XVIII в.

27 мая 1806 г. он получил чин статского советника, а в 1807 (или 1808) – причислен к Департаменту Герольдии Правительствующего Сената, где прослужил до конца жизни. Антон Пошман всю жизнь пытался своими изобретениями улучшить жизнь русских крестьян и промышленников, поэтому он принимал многочисленные попытки предложить множество технологических решений для улучшения жизни населения. Во второй половине 1800-х гг. А. Пошман снова пытался заинтересовать общественность своими изобретениями и, вероятно, тогда же вступил в масонскую Ложу Умиряющего Феникса.

Антон Пошман был женат на Марии (урожд. фон Шейль, 18.11.1767 – 17.10 по др. свед. 23.09.1826), (проживал по адресу ныне Владимирский пр. 7), дети также добросовестно служили Русскому государству. Сын Семен (1788, Шклов – 28.12.1847) был первым директором училища Правоведения в Санкт-Петербурге.

Источники и литература

1. Мильчик М.И. Рукописный атлас Архангельской губернии 1797 г. // Известия ВГО. 1984. Т. 116. Вып. 6. С. 533–538.
2. Серебренников С.А. Топографическое описание Вологодского наместничества вообще // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1857. Кн. 25. Ч. 2. С. 23–51.
3. Силин В.И. Государстволы колана морт // Войвыв кодзув. 1996. № 6. С. 71–77.
4. Силин В.И. Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1996. Ч. 2. С. 121–128.
5. Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении ... составленное в 1802 году. Архангельск, 1866. Т. I; 1873. Т. II.
6. Антон Петрович Пошман // http://enc-dic.com/enc_biography/Poshman-anton-petrovich-3691.html.
7. Шундалов И.Ю. Антон фон Пошман, 1758–1829 // http://qwercus.narod.ru/poshman_statja.htm

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Публикации об историко-демографических исследованиях ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН*

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук многие годы целенаправленно и плодотворно занимается проведением историко-демографических исследований, начатых в середине 1980-х гг. и особенно активно развернувшихся с 1990-х гг. Создание в институте вначале исследовательской историко-демографической группы, а затем (в 2014 г.) и специального сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера подчеркивает то важное значение, которое это направление научной работы занимает в многогранной деятельности института. Обилие и разнообразие историко-демографических публикаций, подготовленных д.и.н. И.Л. Жеребцовым, к.и.н. Н.М. Игнатовой, к.и.н. Д.В. Вишняковой, к.э.н. Е.Н. Рожкиным, Н.П. Безносовой и другими исследователями, вызвало необходимость подвести определенные итоги этой работы, и в последние три года в серии «Материалы к научным конференциям» (выпускающейся институтом на протяжении полутора десятилетий) было издано несколько брошюр, в которых значительное место было уделено историографическим аспектам исторической демографии.

В 2015 г. к 45-летию ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и XII Международному конгрессу финно-угроведов в Оулу (Финляндия) была издана работа И.Л. Жеребцова «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН: важнейшие результаты и исследовательские проблемы» (Zharebtsov I.L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: the major results and research problems. (To 45 anniversary of establishment). Materials to XII International Finno-Ugric Congress (Oulu, Finland, August 17–21, 2015). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2015. 36 p. **Materials to Scientific Conferences. Issue 36**). В ней, в частности, отмечается: «В самостоятельное направление сложилась в 90-х гг. историческая демография. Рассмотрены важнейшие вопросы историко-демографического развития Европейского Севера в XV–XX в., раскрыты общие черты и региональные особенности развития населения Европейского Северо-Востока, выделены его основные этапы. Впервые в отечественной исторической демографии демографическое развитие обширного региона со специфическим этническим составом населения специально проанализировано на протяжении столь длительного периода времени, прослежена его связь с климатическими изменениями. Анализ исторического опыта историко-демографических процессов, проходивших в регионе, может быть использован при выработке новых концепций демографического развития Республики Коми и Севера России в целом».

В 2016 г. были опубликованы две работы, специально посвященные историко-демографическим исследованиям. Одна из них была подготовлена к Всероссийскому симпозиуму (с международным участием) по исторической демографии, проходившему в Сыктывкаре 23–26 июня 2016 г. (Меньковский В.И., Таскаев М.В., Таскаев А.М. Историко-демографические исследования на Европейском Северо-Востоке России. Материалы к VIII Всероссийскому симпозиуму (с международным участием) по исторической демографии (Сыктывкар, 23–26 июня 2016 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 38). Ее авторы рассмотрели историю развития историко-демографических исследований на Европейском Северо-Востоке России, начиная с появившихся в XVIII столетии первых научных работ, в которых наряду с другими вопросами затрагивались некоторые аспекты демографического развития коми, и в первую очередь, миграций жителей Европейского Северо-Востока (переселения внутри края, уход жителей

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

в другие регионы, приток иноэтничных переселенцев на территорию края). В работе справедливо констатируется, что «в дореволюционный период, когда историческая демография как наука переживала период своего становления, не появилось работ, специально посвященных изучению народонаселения Европейского Северо-Востока. Узка была источниковая база большинства публикаций, затрагивавших в той или иной мере отдельные аспекты этой проблемы. Тем не менее исследователи поставили ряд важных вопросов историко-демографического развития региона. Происходило накопление фактического материала о численности населения, о заселении отдельных районов, публиковались источники». Авторы подчеркивают, что «специальное изучение народонаселения Европейского Северо-Востока началось в 1920-е гг. Интерес к демографическим проблемам был вызван в первую очередь образованием в 1921 г. Коми автономной области. Созданию области предшествовал сбор данных о численности и национальном составе населения ряда уездов северо-востока России, в состав которых входили заселенные народом коми земли. Учет данных о численности и движении жителей области требовался и в дальнейшем». Однако развитию этих исследований помешали вне-научные причины. Многие исследователи 1920–1930-х гг. были репрессированы, и разработка этих вопросов на длительное время прекратилась. Новый этап изучения движения населения Европейского Северо-Востока начался только в 1950-х гг. А в середине 1980-х гг., констатируют авторы, изучение движения населения Европейского Северо-Востока заметно активизировалось, историческая демография в Коми стала складываться в особое направление научных исследований. «К концу XX в. в исследовании этнодемографического развития Европейского Северо-Востока были достигнуты значительные успехи. Определены факторы демографического развития региона, прослежены основные тенденции изменения численности и состава населения, хода миграционных процессов, перемен в пространственном размещении жителей. Достаточно полно изучены численность и миграции населения во II половине XVI – середине XIX в., численность, миграции, проблемы воспроизводства населения в конце 1950-х – середине 1990-х гг. Опубликована серия крупных трудов по этнодемографическим процессам в регионе». Наиболее подробно авторы анализируют работы, изданные в начале XXI в.

Вторая работа, изданная в 2016 г., была подготовлена к Научным чтениям памяти академика Ю.А. Полякова «Население и территория России: история и современность», состоявшимся в Самаре 15–17 сентября 2016 г. (Жеребцов И.Л., Меньковский В.И., Таскаев А.М. Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980-е – 2016 гг.). (Материалы к Научным чтениям памяти академика Ю.А. Полякова «Население и территория России: история и современность». Самара, 15–17 сентября 2016 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 24 с. Материалы к научным конференциям; Вып. 39). Ее авторы И.Л. Жеребцов, В.И. Меньковский и А.М. Таскаев взяли более узкий хронологический период и обстоятельно проанализировали историко-демографические исследования в Республике Коми в 1980-е – 2016 гг. В работе констатируется, что в Республике Коми за рассмотренный период историко-демографические исследования сложились как самостоятельное направление науки, а Сыктывкар стал одним из центров историко-демографических исследований в России. Авторы особо отмечают, что «на протяжении уже более десяти лет в Сыктывкаре проводятся всероссийские и международные научные форумы по исторической демографии». «В 2004–2007 гг. в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН издавались серии сборников «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» и «Историческая демография». На базе сборников в 2008 г. был организован научный журнал «Историческая демография» с периодичностью два номера в год. Это единственный в России и на постсоветском пространстве специализированный научный журнал, посвященный историко-демографическим исследованиям». Особое внимание обращено на публикации, «представляющие комплексную историко-демографическую характеристику Коми региона с конца XV в. до начала XXI в. и анализ факторов, влиявших на этнодемографическую ситуацию», а также статьи, характеризующие «принудительные миграции – переселения репрессированных категорий населения в 1930–1950-е гг., спецпереселенцев, административно-ссыльных и других, которые имели масштабные социально-демографические последствия для Коми региона».

В 2017 г. к Международной научной конференции «Этнологическое наследие: концепции, тенденции и подходы», состоявшейся в Кишиневе 23–24 мая 2017 г., была опубликована работа И.Л. Жеребцова «Изучение влияния климатических изменений на этнодемографическое развитие финно-угорских народов» (Жеребцов И.Л. Изучение влияния климатических изменений на этнодемографическое развитие финно-угорских народов. Материалы к Международной научной конференции «Этнологическое наследие: концепции, тенденции и подходы» (Кишинев, 23–24 мая 2017 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 52 с. Материалы к научным конференциям; Вып. 42). В этой публикации, в частности, отмечается, что в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН с 1990-х гг. ведутся исследования, посвященные влиянию климатических изменений на этнодемографическое развитие различных (в первую очередь, финно-угорских) народов в разные исторические периоды. Результаты этих научных изысканий нашли отражение в серии публикаций.

Основные выводы автора сводятся к следующему: Распад древней финно-угорской общности, а также ряд других важных этапов развития финно-угорских народов тесно связаны с глобальными изменениями

климата. В частности, с климатическими сдвигами, вызвавшими появление относительно избыточного населения и массовые миграции, связано разделение финно-угорских племен на две ветви (финскую и угорскую) и последующее их дробление. Особо важную роль сыграл в этом малый климатический оптимум VIII–XIII вв., когда на этнической карте появились карелы, финны, эстонцы, коми, удмурты и др. финно-угорские народы; обские угры окончательно обосновались в Северном Зауралье, а мадьяры переселились на территорию современной Венгрии.

В XIV в. началось постепенное похолодание. Климатический минимум пришелся на вторую половину XVI–XVII вв. Резко возросшее количество экстремальных природных явлений ввергло хозяйство финно-угорских народов в кризис. Неурожаи вызывали голод и высокую смертность населения. В Венгрии в начале XVII в. система расселения пришла в упадок, сельские поселения пустели и подолгу (а то и вовсе) не восстанавливались, население умирало от голода. В 1685 г. в Венгрии осталось 3,5 млн. чел. – столько же, сколько было двумя веками раньше. В Эстонии к концу XVI в. запустело более половины хозяйств; в середине XVI в. там проживало не менее 250 тыс. чел., а в 1630–1640-х гг. – не более 100 тыс. В 1610-х гг. значительно сократилось количество жителей в Карелии; обитаемых поселений осталось меньше, чем опустевших. Убыль населения в конце XVI – начале XVII в. и в 1630–1649-х гг. из-за голода, бегства от нищеты в Сибирь отмечалась в Коми и др. регионах.

Очень тяжелые последствия имели катастрофические холода в 1690-е гг. Из-за неурожая 1696 г. более четверти населения Финляндии погибла от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших и ослабевших жителей. Эстонию охватил голод, начавшийся еще зимой 1695–1696 гг. и продолжавшийся вплоть до 1697 г.; погибло примерно 20% населения. Последняя волна особенно сильных неурожаев накрыла финно-угров (коми, карел, марийцев, ливов и др.) в начале XVIII в. В Венгрии население в конце XVII – начале XVIII в. сократилось на несколько сотен тысяч человек, запустели многие поселения.

В XVIII в., и особенно в последней его трети, этнодемографическое развитие финно-угорских народов вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал более мягким, не стало столь губительных неурожаев. Население Финляндии в 1720–1865 гг. возросло с 400 тыс. до 1850 тыс. чел. В Эстонии к концу XVIII в. численность жителей превысило 500 тыс. чел. В Венгрии к середине XIX в. по сравнению с началом столетия число обитателей выросло в четыре раза. В пределах Карелии население возросло со 120,9 тыс. в 1795 г. до 215 тыс. чел. в 1897 г. В Марийском крае число жителей увеличилось с 74 тыс. чел. в 1723 г. до 375 тыс. чел. в 1897 г. В Мордовии в конце XVIII в. проживало примерно 448 тыс. чел., а в 1858 г. – уже 700 тыс.

В 2017 г. были также изданы две работы И.О. Васкула и И.Л. Жеребцова, посвященные историческим исследованиям ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: «Исторические исследования ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в начале XXI века. Материалы к Уральскому научному форуму, посвященному 30-летию Уральского отделения Российской академии наук и 85-летию академической науки Урала (Екатеринбург, 17–20 октября 2017 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 20 с. (Материалы к научным конференциям; Вып. 43)» и «Исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в арктической зоне Европейского Северо-Востока. Материалы к I Международной научной конференции «Археология Арктики» (г. Салехард, 19–22 ноября 2017 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 16 с. (Материалы к научным конференциям; Вып. 44)». В обеих работах важное место уделено историко-демографическим исследованиям.

Разумеется, названными работами далеко не исчерпывается перечень историко-демографических публикаций сыктывкарских ученых. В различных российских и зарубежных изданиях только за последние два-три года ими был опубликован ряд статей, посвященных различным аспектам истории народонаселения. Подготовлен к изданию сборник статей в серии «Демографическая история России и ее регионов». Тема выпуска: «Динамика численности городского и сельского населения России». Цель издания: исследование исторических тенденций механического движения населения, выявление роли миграций в формировании населения регионов, влияние на демографическое развитие, экономику, социальную сферу и культуру.

Е.Н. Рожкин

IX Всероссийский (с международным участием) симпозиум по исторической демографии в Сыктывкаре*

6–9 июня 2017 г. в Сыктывкаре состоялся IX Всероссийский (с международным участием) симпозиум по исторической демографии. Основные организаторы симпозиума – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и Северная секция Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии. В подготовке и проведении научного форума также участвовали Коми региональное отделение Российского исторического общества, Комитет финно-угроведов Республики Коми, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Институт истории Сибирского отделения РАН.

В оргкомитет симпозиума входили директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцов (председатель оргкомитета), зав. сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН к.и.н. Н.М. Игнатова (зам. председателя и руководитель секретариата симпозиума), профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета д.и.н. В.И. Меньковский (Минск, Беларусь), д-р философии, заместитель декана философского факультета Университета имени Матея Бела М. Шмигель (Банска Быстрица, Словакия), директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН д.т.н. Ю.Я. Чукреев, зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, член Бюро Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии д.и.н. В.А. Исупов (Новосибирск), заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми д.э.н. В.В. Жиделева, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН д.э.н. В.В. Фаузер, профессор Сыктывкарского государственного университета д.и.н. В.А. Семенов, профессор Коми республиканской академии государственной службы и управления, председатель Общества изучения Коми края д.и.н. А.К. Ганиева, зам. директора по научной работе, зав. отделом археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН к.и.н. И.О. Васкул, зам. директора по научной работе, зав. отделом языка, литературы и фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.филол.н. Е.А. Цыпанов, зав. отделом истории и этнографии, зав. сектором отечественной истории ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН к.и.н. М.В. Таскаев, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН к.и.н. Д.В. Вишнякова, младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А.М. Таскаев (секретарь оргкомитета).

Симпозиум проводился при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросс-культурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

Основной темой симпозиума традиционно являлась проблема источниковедения и историографии историко-демографических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития. Обсуждались демографические процессы и факторы влияния на них в России и других странах в различные исторические периоды и на современном этапе, общее и особенное историко-демографического и этнодемографического развития государств мира, а также актуальные вопросы историко-географических исследований.

Работа симпозиума началась с выездного круглого стола «Актуальные проблемы международного научного сотрудничества в области методологии и методики историко-демографических и историко-географических исследований», проведенного 7 июня в старинном коми селе Шошка (Сыктывдинский район Республики Коми). Участники круглого стола познакомились с традиционным типом застройки коми селения, присущими коми народу жилым и хозяйственными постройками, некоторыми страницами истории села, продегустировали блюда местной кухни. Ведущие круглого стола д-р. Шмигель Михал (Банска Быстрица, Словакия), д.и.н. Загребин Алексей Егорович (Москва-Ижевск), д.и.н. Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) организовали и провели дискуссию по следующим докладам: «Пастораль и прагма в

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

научных поисках финно-угроведов романтической поры (А.И. Шегрен, М.А. Кастрен и А. Регули)», (д.и.н. А.Е. Загребин), «В поисках «общего языка науки» (из опыта подготовки совместных научных публикаций белорусских, российских и словацких исследователей)» (д.и.н. В.И. Меньковский, Минск, Беларусь, д.и.н. И.Л. Жеребцов), «Транзит беженцев из Восточной Европы через Словакию в первой половине XX века: география, интенсивность, результаты» (д-р М.Шмигель), «О некоторых спорных вопросах методологии исследования миграционных процессов на Юге России и в сопредельных регионах. (д.и.н. Е.Ф. Кринко, Ростов-на-Дону), «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике (историографический аспект)» (к.и.н. И.О. Васкул, Сыктывкар).

В тот же день состоялось совместное заседание Северной секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Президиума Коми регионального отделения Российского исторического общества. Комитета финно-угроведов Республики Коми, редколлегии журнала «Историческая демография», работой которого руководили д.и.н. И.Л. Жеребцов (директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, член Бюро Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, председатель Северной секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, сопредседатель Коми регионального отделения Российского исторического общества, председатель оргкомитета симпозиума), д.филол.н. Е.А. Цыпанов (заместитель директора по научной работе ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, член Международного комитета конгрессов финно-угроведов, член Российского комитета финно-угроведов, председатель Комитета финно-угроведов Республики Коми) и к.и.н. Н.М. Игнатова (зав. сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, ученый секретарь Северной секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, заместитель председателя оргкомитета и руководитель секретариата симпозиума).

В программу первого пленарного заседания симпозиума 8 июня, которым руководили д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.и.н. А.Е. Загребин, д.т.н. Ю.Я. Чукреев и к.и.н. Н.М. Игнатова, были включены доклады «Пространственная диффузия населения и культурная динамика» (д.филол.н. В.В. Муравьев, Сыктывкар), «Комплексная генетическая история популяций Северо-Востока Европы и Западной Сибири» (к.б.н. А.В. Хрунин, Москва), «Население Прилузья в эпоху средневековья (по археологическим источникам)» (д.и.н. Э.А. Савельева, Сыктывкар), «Палеодемография населения Верхнего Поволжья в XVI–XVIII вв.» (к.б.н. С.Б. Боруцкая, д.и.н. С.В. Васильев, Москва), «Женщины коми средневековых волостей Яренского уезда начала XVIII века (по переписной книге Яренского уезда 1710 года)» (д.и.н. М.А. Мацук, Сыктывкар), «Устные рассказы – источник по эмиграции и расселению русских старообрядцев в Маньчжурии» (д.и.н. Ю.В. Аргудяева, Владивосток).

На следующих заседаниях, которыми руководили д.и.н. А.К. Гагиева, к.и.н. Н.М. Игнатова, д.и.н. М.А. Мацук, д.и.н. А.А. Попов, д.э.н. Л.А. Попова, д.г.н. В.И. Силин, к.и.н. М.В. Таскаев, д.э.н. В.В. Фаузер, было заслушано и обсуждено 45 устных и постер-докладов, среди которых «Изменения численности населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)» (д.и.н. В.А. Исупов, Новосибирск), «Юг России – особенности этнодемографической динамики макрорегиона (XVII – начало XXI вв.)» (д.филол.н. С.Я. Суций, Ростов-на-Дону), «Демографические события по челобитным служилых людей первой четверти XVII в.» (д.и.н. М.С. Черкасова, Вологда), «Межэтнические браки в Республике Абхазия» (к.и.н. А.Ш. Хашба, Сухум, Абхазия) «Демографическая характеристика современной семьи тазов Приморского края» (к.и.н. Е.В. Фадеева, Владивосток), «Основные тенденции воспроизводства населения Мордовской АССР в послевоенный период» к.и.н. Т.Ю. Задкова, Саранск), «Социально-демографические проблемы развития регионов России» (д.э.н. М.С. Оборин, Пермь), «Земская статистика как источник по исторической демографии (на примере Пермской губернии)» (к.и.н. Г.Н. Плотникова, к.и.н. С.Н. Плотников, Пермь) «Профессиональный состав населения Муромы XVII века» (Ю.М. Смирнов, Муром), «Естественное движение населения в малом русском городе (конец XX – начало XXI в.)» (к.и.н. Н.И. Григулевич, Москва), «К вопросу об источниках данных о населении Арктической зоны» (к.э.н. О.Л. Петрякова, Москва), «Изменения в брачном и репродуктивном поведении гагаузов Молдавии (вторая половина XX – начало XXI вв.)» (к.и.н. И.А. Субботина, Москва), «Проблемы народонаселения советского государства в дискуссии Секции общественных наук Академии наук СССР» (к.и.н. М.Ю. Киселев, Москва), «Демографический эффект и последствия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 235 от 22.01.1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» в Республике Коми» (д.э.н. Л.А. Попова, Сыктывкар), «Трансформация семьи и гендерных ролей в России: прошлое и настоящее» (к.соц.н. Т.С. Лыткина, д.э.н. В.В. Фаузер, Сыктывкар), «Карта Печорского края, составленная Боровским в 1853 году, как демографический источник» (д.г.н. В.И. Силин, Сыктывкар), «Создание всесоюзной картотеки спецпоселенцев и высленцев в 1949 г.» (к.и.н. Н.М. Игнатова, Сыктывкар) и др.

Ряд докладов представили молодые ученые Сыктывкара: «Возможности изучения миграции сельского населения начала XX века по актам ревизии волостных правлений и сельских управлений (на примере Коми края)» (к.и.н. С.А. Попов), «Демографические процессы в лагерной системе ГУЛАГа на территории Коми

АО–Коми АССР в 1930-е гг.» (к.и.н. М.И. Нисковская, А.А. Нисковский), «Социально-демографические показатели городского населения Коми края в 1920-е гг.» (А.М. Таскаев), «Динамика смертности населения Усть-Сысольского уезда в 1880–1890-х гг. (по данным метрических книг)» (О.А.Куратов) и др.

Завершился симпозиум круглым столом «Вклад краеведов в становление историко-демографических исследований в Республике Коми (к 95-летию Общества изучения Коми края)», в рамках которого прошла презентация изданий Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. Следующий X симпозиум было решено провести в Сыктывкаре летом 2018 г.

М. Шмигель

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО № 1

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт истории СО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

Уважаемые коллеги!

27–30 июня 2018 г. в Сыктывкаре состоится X Всероссийский симпозиум по исторической демографии (с международным участием).

Основной темой симпозиума традиционно является проблема источниковедения и историографии историко-демографических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития. Предполагается обсудить демографические процессы и факторы влияния на них в России и других странах в различные исторические периоды и на современном этапе, общее и особенное историко-демографического и этнодемографического развития государств мира, а также актуальные вопросы историко-географических исследований.

Для участия в работе симпозиума необходимо до 1 июня 2018 г. сообщить темы докладов и анкетные данные (фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты) в Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН ответственному секретарю оргкомитета симпозиума Вишняковой Дарье Викторовне по электронному адресу vishnyakova_dari@mail.ru. Материалы симпозиума будут опубликованы в научном журнале «Историческая демография» (№ 1 и № 2 за 2018 г.). Журнал размещен в РИНЦ.

Текст доклада очного участия в электронном виде объемом до 0,5 п.л. (не более 20000 знаков, включая пробелы) следует прислать **до 1 августа 2018 г.** Возможно заочное участие с представлением постер-докладов, которые следует прислать в оргкомитет в электронном виде (до 0,4 п.л., не более 16000 знаков, включая пробелы) до **5 июня 2018 г.** Постер-доклады также будут опубликованы в журнале «Историческая демография».

Просим обратить внимание на то, что тексты докладов следует оформить **строго в соответствии с правилами для авторов** научного журнала «Историческая демография». Регистрационный взнос не предусматривается. Публикация материалов бесплатная.

Почтовый адрес: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Телефон для справок 89041087343 (ответственный секретарь оргкомитета симпозиума Вишнякова Дарья Викторовна).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Time s New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с

соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5».

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. **Автоматические сноски не допускаются!**

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

8. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

9. **В конце статьи** указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, ppp21@bk.ru.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Аааааааааа бббббббббббббббббб вввввввввввввв гггггггггггггг [1]. Дддддддддд еееееееее жжжжжжжжжжжж [2]

Источники и литература

1. Иванов И.И., Петрова И.Н. Демографическая политика // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 15–16.

2. Сидоров В.В. Демография. М.: Дело, 2006. С. 75. (или: 557 с.).

3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.

4. Волков П. О войне // Красное знамя. 1990. 16 авг.

5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

6. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.

7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничнова, 1926 г.р., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.

8. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: [http:// www.library.by/portal/modules/psychology](http://www.library.by/portal/modules/psychology) (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

Материалы, опубликованные в журнале «Историческая демография», размещены в РИНЦ, а также на сайте ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН <http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Подписано в печать 25.12.2017.

Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 300 экз. Заказ № 115.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.